

Кирилл Шевченко

От импровизации
к цугцвангу:
Пражская весна 1968 года
и Варшавский договор

Кирилл Шевченко

От импровизации
к цугцвангу:
Пражская весна 1968 года
и Варшавский договор

Москва

REGNUM

2019

УДК 94(929+327)"1968"

ББК 63.3(0)63

Ш 37

Рецензенты:

А. Ю. Полунов

*доктор исторических наук, профессор; факультет государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)*

О. Р. Айрапетов

*кандидат исторических наук, доцент; факультет государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)*

Александр Рандин

доктор философии, доцент; Университет Святых Кирилла и Мефодия (Нитра, Словакия)

Зоран Милошевич

доктор социологии, профессор; Институт политических исследований (Белград, Сербия)

Шевченко К. В.

Ш 37 От импровизации к цугцвангу: Пражская весна 1968 года и Варшавский договор — М. : Издательство ИА REGNUM, 2019. — 96 с.

ISBN 978-5-91150-039-9

Пражская весна 1968 г. на сегодняшний день замыкает собой длинную вереницу «роковых восьмёрок» чешской истории, продолжая вызывать пристальный интерес спустя пятьдесят лет. Подобно другим событиям чешской истории, имевшим место в год, завершавшийся на цифру «8», Пражская весна была производной от предшествовавших ей драматических событий в истории Чехословакии и Европы. Уникальный облик Пражской весне придали опыт нахождения Чехословакии в социалистическом лагере во главе с СССР. Подобно другим «магическим восьмёркам» чешской истории, Пражская весна и её итоги были в известной степени запрограммированным явлением. Феномен Пражской весны и её исход являлись логическим следствием специфики исторического развития вовлечённых сторон, их различного исторического и социального опыта, существенной разницы в менталитетах элит, а также конкретных внутривнутриполитических и внешнеполитических условий, сложившихся в то время.

УДК 94(929+327)"1968"

ББК 63.3(0)63

ISBN 978-5-91150-039-9

© Кирилл Шевченко, 2019

© Издательство ИА REGNUM,

художественное оформление, 2019

Оглавление

1968 год в иерархии «магических восьмерок» чешской истории. Вместо предисловия.....	5
Межвоенная Чехословакия: триумф и трагедия версальского вундеркинда.....	9
Протекторат Богемия и Моравия: чехи в нацистском гетто.....	17
В объятиях реального социализма: истоки и начало Пражской весны.....	27
Первые месяцы Пражской весны: опасения союзников.....	39
Пражская весна летом 1968 года: на пути к цугцвангу.....	51
Социалистическая Чехословакия, Пражская весна и карпатские русины.....	65
Военно-политические аспекты Пражской весны: наследники бравого солдата Швейка и Варшавский договор.....	73
Накануне и после вторжения.....	81
Послесловие.....	91

1968 год в иерархии «магических восьмерок» чешской истории. Вместо предисловия

Еще с эпохи средневековья цифре «восемь» было суждено занять весьма специфическую нишу в чешской истории, знаменуя собой крутые повороты и причудливые зигзаги в развитии Чехии, которые чаще всего имели трагический для чехов характер. Одной из первых судьбоносных «восьмерок» в истории Чехии стал 1278 год, когда армия чешского короля из династии Пршемысловцев Пршемысла Отакара II в битве на Моравском поле потерпела сокрушительное поражение от войск императора Священной Римской империи германской нации Рудольфа Габсбурга; при этом сам король Пршемысл Отакар II был убит в бою ударом меча. Тело поверженного противника было по приказу Рудольфа забальзамировано и в течение тридцати недель демонстрировалось в одном из венских монастырей, дабы все убедились в том, что некогда могущественный чешский король действительно мертв¹. Судя по всему, это стало самым большим унижением представителей династии Пршемысловцев. Поражение и смерть Пршемысла Отакара II привели к длительным смутам, потрясениям и анархии в чешских землях, став дурным предзнаменованием для последующих отношений чехов и Габсбургов.

Очередная трагическая «восьмерка» пришлось на 1618 год, когда первоначально успешное восстание чешских сословий против Габсбургов закончилось сокрушительным поражением чешской армии

в сражении у Белой Горы под Прагой 8 ноября 1620 года. Непосредственным последствием этого разгрома стало усиление господства Габсбургов в чешских землях, католический террор, преследования чешской культуры, массовая эмиграция чешской элиты и системная германизация населения, что в традиционной чешской историографии получило емкое название «время тьмы».

Преодолевать печальные последствия системной денационализации и культурного упадка своего народа начали чешские «будители» в лице патриотически настроенных филологов, историков, журналистов и литераторов, открывших на рубеже XVIII–XIX веков эру чешского «национального возрождения» и постепенно добившихся впечатляющих успехов на этом поприще. Оживленные контакты с русскими учеными, представителями культуры и общественными деятелями России в XIX веке оказали важное стимулирующее влияние на чешских «будителей», среди которых большое распространение получили идеи славянской взаимности. Успехи чешской науки и культуры, а также подъем общественного движения в конце XIX — начале XX века превратили Прагу в признанный центр славянской общественной и политической мысли.

В двадцатом веке с рождением на политической карте Европы независимой Чехословакии интенсивность появления чешских судьбоносных «восьмерок» многократно возросла. Любопытно, что имен-

1 *Vykouřil L. Slovník českých dějin. Brno: Julius Zirkus, 2000. S. 48.*

но на «восьмерки» выпали даты рождения и смерти Первой Чехословацкой республики: родившись в октябре 1918 года на руинах Австро-Венгрии, Чехословакия получила смертельный удар от Гитлера и ассистировавших ему западных демократий в Мюнхене в сентябре 1938 года, после чего последовала предсмертная агония чехословацкой государственности, завершившаяся окончательной оккупацией чешских земель гитлеровским рейхом и провозглашением протектората Богемия и Моравия в марте 1939 года.

Современные чешские историки заняты активной демифологизацией «роковых восьмерок» собственной истории, подчеркивая, что происходившие в это время события являлись органичной составной частью более широких политических, социокультурных и религиозных процессов в Европе. Именно по этой причине, по мнению современных чешских историков, драматические события чешского и чехословацкого прошлого, выпавшие на дату с цифрой «8» в конце, представляли собой в известном смысле неизбежные и закономерные явления². В полной мере это относится и к Пражской весне 1968 года, которая в огромной степени была производной от непосредственно предшествовавших ей драматических событий в истории Чехословакии в XX веке, имевших место в 1938 и 1948 годах.

В сложной и богатой иерархии «магических восьмерок» чешской истории 1968 год занимает одно из ведущих мест — наряду с 1918, 1938 и 1948 годами. Хотя 1968 год — в отличие от 1918 или 1938 — не был напрямую увязан с вопросом существования чешской государственности или физического выживания чешского народа, события Пражской весны оказали и продолжают оказывать колоссальное влияние не только на исторические судьбы чехов и словаков, но и на развитие остальных стран бывшего социалистического блока. Об этом красноречиво свиде-

тельствует хотя бы то обстоятельство, что прорабы горбачевской перестройки очень многое позаимствовали из идейного арсенала Пражской весны, одним из архитекторов которой был секретарь ЦК КПЧ Зденек Млынарж — соученик товарища Горбачева по юридическому факультету МГУ.

* * *

Наследие Пражской весны, которой в 2018 году исполнилось пятьдесят лет, сейчас продолжает существовать главным образом в формате рабочего материала для реализации различных политтехнологических проектов. Подобно Берлинской стене, которую в свое время растащили на сувениры, сделав на этом неплохой гешефт, Пражскую весну также расчленили на явно неравноценные смысловые фрагменты. Самым востребованным из этих фрагментов для политиков и журналистов предсказуемо оказался период с 21 августа 1968 года — то есть с момента военного вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию.

Несмотря на масштабно отмеченный в Чехии юбилей событий 1968 года с особым акцентом на военном вторжении войск Варшавского договора, собственно события Пражской весны не воспринимаются подавляющим большинством современного чешского общества как ключевое событие новейшей истории Чехии. Опрос в Чехии, проведенный пражским социологическим агентством STEM в октябре 2018 года, показал, что лишь 4% опрошенных считают Пражскую весну «событием, оказавшим наибольшее влияние на исторические судьбы Чехии», в то время как 13% респондентов считают таким событием вторжение войск Варшавского договора в 1968 году³. В то же время значительно большее число опрошенных считает наиболее важным событием чешской новейшей истории образование неза-

2 Fojtů M. Historici zbavují osmičky mýtů // MUNI. Měsíčník Masarykovy univerzity. Říjen 2018. Ročník 14. S. 1.

3 <https://www.stem.cz/rok-2018-a-osmickova-vyroci/>

висимой Чехословакии в 1918 году (38%), приход коммунистов к власти в Чехословакии в 1948 году (27%) и заключение Мюнхенского договора в 1938 году (18%)⁴.

Из многообразного наследия бурного 1968 года в Чехословакии наиболее востребованным оказался советский танк, умело превращенный в злобный бренд СССР и России с момента подавления Пражской весны, который использовался и продолжает эффективно использоваться мамами политического пиара для демонизации уже современной России. Массовое явление советской бронетехники на улицах Праги и других чешских и словацких городов в августе 1968 года стало поистине царским подарком для политиков, журналистов и политтехнологов на многие десятилетия. Советские танки на фоне пражских архитектурных красот и протестующей толпы, заснятые в миллионах ракурсов и растиражированные в миллиардах газет, журналов, книг и видеозаписей, убедительно визуализировали образ дикого, агрессивного и непредсказуемого «русского медведя» в образе СССР.

Навеянные картинками подавления Пражской весны образы активно использовались и продолжают использоваться в современной рекламной коммуникации. Так, Пражский музей коммунизма использовал для своей рекламы в пражском метро изображения олимпийского мишки с автоматом Калашникова в лапах и русской матрешки с хищным оскалом зубов. На обложке чешского издания книги известного американского социолога Ритцера «Макдональдизация общества» был изображен безобразно толстый гамбургер в виде ползущего по Карлову мосту танка, символизируя угрозу тотальной макдо-

нальдизации человечества и одновременно вызывая у чешского читателя стойкие ассоциации с 1968 годом.

* * *

Опытные политические лозунги продолжают умело ловить уже слабые ветры Пражской весны в паруса своих кораблей, быстро и комфортно доставивших постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы в НАТО и Евросоюз — вопреки прочно забытой ныне риторике лидеров восточноевропейских демократических революций о неком «третьем пути» и целесообразности одновременного роспуска НАТО и Варшавского Договора. Чехия, а также Венгрия, Польша и Словакия сразу после своей политической эмансипации от «большого брата» с Востока предпочли дружно промаршировать в североатлантический блок, совершенно проигнорировав при этом ценный опыт своего ближайшего соседа — нейтральной и успешной во всех отношениях Австрии.

После чехословацкой «бархатной революции» 1989 г. и последующего распада Чехословакии в 1993 г. на Чехию и Словакию рожденный Пражской весной и всячески раскручиваемый бренд в виде советского танка также оказался политически востребованным. В частности, он энергично и креативно использовался политтехнологами и средствами массовой информации как для периодического напоминания населению об «угрозе с Востока», так и для мобилизации чешского общественного мнения за вступление Чехии в НАТО и за размещение на территории Чехии американского радара ПРО.

4 Ibidem.

Межвоенная Чехословакия: триумф и трагедия версальского вундеркинда

Окончание Первой мировой войны в 1918 году и распад Германской, Австро-Венгерской, Российской и Османской империй ознаменовали неожиданное для многих современников рождение целого ряда новых независимых государств в Центральной и Восточной Европе. Провозглашенная 28 октября 1918 года на руинах Австро-Венгрии независимая Чехословакия в силу ряда факторов оказалась одним из самых перспективных и многообещающих «детей Версальской системы», которые в целом отличались завидным честолюбием, амбициями и нередко завышенной самооценкой.

Колоссальную роль в успешной реализации «чехословацкого проекта», который изначально казался многим абсолютно несбыточным, сыграло поражение Центральных держав в Первой мировой войне, распад Австро-Венгрии, а также политическая сноровка и интуиция главного менеджера «чехословацкого проекта» пражского профессора Томаша Гаррига Масарика, обладавшего редкой способностью оказываться в нужное время в нужном месте и произносить правильные фразы нужным людям. Максимально удобить дипломатическую почву для благополучного решения «чехословацкого вопроса» на Парижской мирной конференции в 1919 г. помогло спонтанное на первый взгляд антибольшевистское восстание чехословацкого армейского

корпуса в мае 1918 г., которое стало очень важным звеном в реализации антибольшевистской политики стран Антанты.

Первый президент Чехословакии Т.Г.Масарик после возвращения в уже независимую Чехословакию в декабре 1918 г. из своей затянувшейся и феноменально успешной политической эмиграции, вопреки своему реализму, пространно рассуждал о «чуде», «сказке» и даже «неких высших силах», которые помогли воплотить планы первоначально маргинального круга чешских политэмигрантов в жизнь⁵. При этом наибольшим «чудом», если иметь в виду территориальный аспект, являлось включение в состав Чехословакии земель исторической Угорской Руси, поскольку изначально подобный сценарий даже не предполагался ни чешскими, ни карпато-русскими политиками.

Многочисленные нацистроительные проекты в Центральной и Восточной Европе, протекавшие на руинах империй и отмеченные изрядным налетом этноцентризма, имели исключительно конфликтный и нередко взаимоисключающий характер. Почти каждое из новорожденных государств Центральной и Восточной Европы могло сказать о себе, что оно находится во «враждебном окружении коварных и агрессивных» стран-соседей. Военный советник делегации США на Парижской мирной конференции Т.Блисс в конфиденциальном письме своей супруге весной 1919 г. мрачно пред-

5 Kovtun J. Republika v nebezpečném světě. Éra prezidenta Masaryka. Praha, 2006. S. 11–12.

сказывал Европе в скором времени «очередную тридцатилетнюю войну» и сравнивал новые европейские государства с хищными насекомыми, которые, едва родившись, «сразу впиваются в глотку своим соседям. Они подобны комарам — коварны с момента своего рождения»⁶. Такой внимательный и авторитетный современник как У. Черчилль, понаблюдав за беспокойным существованием и взаимной враждой честолюбивых наследников распавшейся Австро-Венгрии, был вынужден констатировать, что «среди жителей Габсбургской монархии вы не найдете ни одного народа, которому обретение независимости принесло бы что-либо другое, кроме мучений и печали»⁷.

Унаследовав от почившей Дунайской монархии ее наиболее развитые в социально-экономическом отношении области и обладая весьма глубокими традициями зрелого гражданского общества и достаточно высокой политической культурой, Чехословакия предсказуемо стала одной из самых стабильных и развитых стран Центральной Европы. Чешские историки имеют веские основания утверждать, что Конституция Чехословакии, принятая в 1920 г., являлась одной из немногих реально действовавших демократических конституций в этой части Европы и что к 1930-м годам только Чехословакия оставалась единственной демократией к востоку от Рейна⁸. Еще одним безусловным достижением межвоенной Чехословакии была ее развитая социальная система, «не имевшая аналогов в Центральной Европе и в некоторых отношениях превосходившая социальное законодательство западных демократий»⁹. Чехословакия

была в числе первых государств, «узаконивших восьмичасовой рабочий день», а земельная реформа, проведенная в Чехословакии, по своему размаху «была беспрецедентной в тогдашней Европе»¹⁰.

Впрочем, далеко не все положения чехословацкой Конституции соблюдались на практике. Так, вопреки Конституции 1920 г. и условиям Сен-Жерменского мирного договора, сейм в самой восточной провинции Чехословакии — в Подкарпатской Руси — так и не был созван в период существования Первой Чехословацкой республики. Среди чехословацких историков права в период социализма было принято критиковать «поспешный и тайный» процесс подготовки и принятия Конституции 1920 г., а также ее «тесную зависимость от иностранных образцов. Так, например, преамбула была почти дословно переписана из Конституции США. Положение президента республики было заимствовано из французской Конституции Третьей республики 1875 года»¹¹. Стремление к копированию французской модели некоторые историки объясняют сходством социальной структуры новорожденного чехословацкого государства и Франции¹².

Не в полной мере смогла избежать межвоенная Чехословакия и соблазнительного искушения культом личности, столь распространенным в Центральной и Восточной Европе. Сразу после провозглашения независимого чехословацкого государства, как отмечают многие исследователи, началось постепенное и тщательно продуманное «выстраивание культа личности Т. Г. Масарика», проявившееся, в частности, в почетном титуле «Президента-Освободителя», моменталь-

6 Macmillanová M. *Mírotvorci. Pařížská konference 1919*. Praha: Academia, 2004. S. 74.

7 Herzán M. *100 let pádů republiky*. Praha: AOS Publishing, 2018. S. 4.

8 Polišenský J. V. *History of Czechoslovakia in Outline*. Praha: Bohemia International, 1991. S. 111.

9 Ibidem.

10 Olivová V. *Svoboda mezi válkami // Naše živá i mrtvá minulost*. Praha: Nakladatelství Svoboda, 1968. S. 191–192.

11 Ванечек В. *История государства и права Чехословакии*. М.: «Юридическая литература», 1981. С. 430.

12 Olivová V. *Op. cit.* S. 191.

10 крон. Первый выпуск чехословацких банкнот. В 1919 году для него использовались австро-венгерские банкноты. 1915 г.

но заполнившего газеты, журналы, почтовые марки и учебники; при этом вместо традиционных католических крестов на стены чехословацких школ вешали портреты Масарика¹³. Величественно-задумчивый лик Масарика, реноме глубокого интеллектуала, успешная карьера университетского профессора и еще более успешная политическая деятельность в эмиграции вполне соответствовали имиджу «отца нации».

Сочетание гибкости, осторожности и умеренности, продемонстрированное чехословацкой политической элитой в первые годы после образования независимой Чехословакии, позволило новорожденному государству успешно преодолеть беспокойное начало 1920-х годов и стабилизировать свою политическую и социально-экономическую систему в весьма непростых условиях. Немалую роль в этом сыграли не только ведущие чехословацкие

¹³ Herzán M. 100 let pádů republiky. Praha: AOS Publishing, 2018. S. 113–114.

политики в лице Т. Г. Масарика, Э. Бенеша и К. Крамаржа, но и быстро выдвинувшиеся на первый план деятели второго эшелона чехословацкой политики. Одной из наиболее ярких фигур среди них был лидер аграрной партии А. Швегла, гибкость и политическая интуиция которого на посту министра внутренних дел и позже главы правительства способствовали стабилизации положения в стране.

Своеобразным и весьма эффективным «ноу-хау» чехословацкой политики в 1920-е годы стала знаменитая «пятерка» — неформальный орган, объединявший руководителей пяти ведущих политических партий в стране, которые на неформальных встречах решали самые важные вопросы политической повестки дня и, по сути, определяли поведение законодательной и исполнительной власти страны. По образному выражению современника и знатока Первой чехословацкой республики Ф. Пероутки, «пятерка» представляла собой «мастерскую, где готовились специалисты политического компромисса»¹⁴. В значительной степени благодаря деятельности «пятерки» сложились специфические черты чехословацкой политической системы, которые отличали ее от соседних стран и объясняли относительную стабильность и устойчивость Чехословацкой республики: «дисциплинированность политических партий, постоянство режима и отточенное искусство коалиционного компромисса»¹⁵.

Отличительной чертой межвоенной Чехословакии была ярко выраженная неоднородность социально-экономического развития отдельных областей страны. Если социальная структура населения, уровень жизни и качество инфраструктуры в чешских землях и в Моравии были сравнимы со странами Западной Евро-

пы, то Подкарпатская Русь и Восточная Словакия оставались преимущественно сельскохозяйственными регионами с недостаточно развитой промышленностью, страдавшими от аграрного перенаселения. В своей экономической политике Прага заботилась прежде всего об интересах чешских земель, что поначалу оказывало негативное влияние на экономическое положение восточных регионов страны. Так, по словам словацкого историка П. Шворца, вследствие дискриминационных экономических мер правительства и неоправданно высоких транспортных тарифов сельскохозяйственные продукты из Подкарпатской Руси стоили дорого и поэтому были неконкурентоспособны на самом обширном потребительском рынке Чехословакии — в чешских землях¹⁶. Присоединение Подкарпатя к Чехословакии привело к кризису местной, и без того слабо развитой, чугунолитейной и обрабатывающей промышленности, предприятия которой закрывались, не выдерживая конкуренции с высокоразвитой чешской промышленностью¹⁷.

Резкое осложнение международного положения в 1930-е годы сразу же выявило как недостаточно высокий запас прочности молодого чехословацкого государства, так и правоту тех политиков, кто считал, что успешное развитие и даже само существование Чехословакии возможно исключительно в условиях сохранения мира в Европе. Существенным системным изъяном в государственно-правовом фундаменте Чехословакии было то обстоятельство, что он базировался на «двух противоречащих друг другу принципах — в Богемии на принципе исторического «государственного права» короны святого Вацлава; в Словакии — на национальном принципе и принципе самоопределения»¹⁸.

¹⁴ *Peroutka F.* Budování státu. 1918–1923. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1998. S. 422.

¹⁵ *Ibidem.* S. 419.

¹⁶ *Švorc P.* Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. Praha, 2007. S. 104.

¹⁷ *Пушкаш А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006. С. 86.

¹⁸ *Seton-Watson R. W.* From Munich to Danzig. London: Methuen & Co. Ltd., 1939. P. 27.

Карта Чехословакии в 1928–1938 гг.

«Ахиллесовой пятой» межвоенной Чехословакии стало положение национальных меньшинств, прежде всего немцев. Из тринадцати с половиной миллиона населения межвоенной Чехословакии 8,8 миллиона человек составляли чехи и словаки, 3,2 миллиона — немцы, более 700 тысяч — венгры и около 460 тысяч — русины. Канадский историк-славист П. Р. Магочи обращает внимание на то, что многонациональный характер межвоенной Чехословакии в демографическом отношении делал ее «габсбургской империей в миниатюре»; при этом для живших в ней немцев и венгров Чехословакия оставалась практически чужим государством, в длительное существование которого они не верили¹⁹. С приходом к власти в Германии нацистов и с началом разыгрывания «судето-немецкой карты» Берлином Чехословакия предсказуемо стала одной из первых жертв начатого Гитлером демонтажа Версальской системы. Вскоре этот демонтаж превратился в откровенное и безжалостное «избиение версальских младенцев», которые, вопреки своим наивным ожиданиям, оказались брошены своими «крестными родителями» в лице западных демократий на съедение нацистской Германии.

Немецкая проблема оставалась главным вызовом для Чехословакии в течение всего межвоенного периода. Второй важной проблемой были отношения между чехами и словаками. Официальная идеология «чехословакизма», провозглашавшая существование единого чехословацкого народа, подвергалась критике со стороны набиравшей популярность Словацкой народной партии во главе с А. Глинкой, выступавшей за автономию Словакии и трактовавшей словаков как отдельный от чехов народ. Один из активистов Словацкой народной партии Юрига, критикуя концепцию «чехословакизма», иронично заметил как-то, что понятие «чехословак» является такой же бессмыслицей, как и «русополяк»²⁰. Однако во второй половине 1930-х годов с активизацией деятельности судето-немецкой партии К. Генлейна, ставшей послушным орудием политики Берлина, германский вопрос для Чехословакии окончательно стал определяющим.

Примечательно, что тревожное предчувствие Мюнхена было характерно для многих трезвомыслящих чешских политиков независимо от их политической ориентации. Один из руководителей чешской социал-демократии Ф. Модрачек, подразумевая трехмиллионное немецкое меньшинство, включенное в состав Че-

¹⁹ Magosi P. R. *With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest; New York: CEU Press, 2015. P. 191.

²⁰ Peroutka F. *Budování státu. 1918–1923*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1998. S. 224.

хословакии помимо своей воли, признал еще в 1919 г., что «ни один международный союз... не сможет воспрепятствовать воссоединению мощного народа, если он стремится к этому воссоединению. Однажды мы можем потерять немцев... У нас нет столько сил, чтобы удерживать их длительное время; если они захотят отделиться, то вся Европа будет не в состоянии удержать их у нас...»²¹. Некоторые чешские политики задолго до Мюнхена довольно трезво оценивали своих западных союзников и партнеров, хотя эйфория и восприятие себя как любимцев западных демократий были широко распространены в чешском общественном мнении. Ветеран чешской политики К. Крамарж еще в 1927 г. написал, что «англичане проявляют к нам чисто утилитарный интерес, отнюдь не сентиментальный; мы скорее найдем у них сентиментальное отношение к немцам...»²².

Тонко подмеченное первым премьер-министром ЧСР «сентиментальное отношение» англичан к немцам нисколько не изменилось и после прихода к власти в Германии партии национал-социалистов. Более того, симпатии официального Лондона к Берлину даже усилились определенной заинтересованностью в возможности извлечения геополитических дивидендов из военных авантур Гитлера в Центральной Европе. Так, один из ведущих представителей британского политического истеблишмента лорд Галифакс в интимной беседе с Гитлером в Оберзальцберге 19 ноября 1937 г. от имени британской общественности сделал нацистскому рейхсканцлеру тонкий и весьма примечательный комплимент, заявив, что в Англии «целиком и полностью признаются великие заслуги фюрера в деле восстановления Германии»²³.

После аншлюса Австрии в марте 1938 г. геополитическое положение Чехословакии, оказавшейся в окружении нацистского рейха с северо-запада, запада и юго-запада, резко ухудшилось. В это время Чехословакия оказалась в ситуации, сравнимой с положением гуситской Чехии в первой четверти XV века, когда гуситы были вынуждены отражать удары врагов сразу «с четырех сторон — как со стороны атакующих армий рейха, так и со стороны Венгрии»²⁴. Несмотря на это, представители чехословацкого военного руководства в лице начальника генштаба и главнокомандующего чехословацкой армией генерала Крейчи, а также командующих округами генералов Войцеховского, Лужы и Прхалы после успешно проведенной всеобщей мобилизации настаивали на вооруженном сопротивлении агрессору, поскольку «народ един, армия занимает твердую позицию и готова к бою»²⁵. По дипломатическим каналам была подтверждена готовность СССР оказать масштабную вооруженную поддержку Чехословакии в соответствии с советско-чехословацким договором 1935 года. Однако политическое руководство Чехословакии во главе с президентом Бенешем под прямым и весьма агрессивным нажимом Великобритании и Франции, заявивших, что в случае начала войны ее виновником они будут считать именно Чехословакию, предпочло принять самоубийственные для страны условия Мюнхена.

Еще в мае 1938 г. после аншлюса Австрии британский премьер Н. Чемберлен в интервью канадским и американским журналистам откровенно заявил о том, что «в своем нынешнем виде Чехословакия нежизнеспособна» и что «чехи должны согласиться с немецкими требова-

²¹ Ibidem. S. 369

²² Крамарж К. В защиту славянской политики. Прага; Париж, 1927. С. 118.

²³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. I. Ноябрь 1937–1938 гг. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 15.

²⁴ Seton-Watson R. W. Op. cit. P. 23.

²⁵ Svoboda L. Cestami života. Praha: Orego, 1996. S. 136–137.

ниями»²⁶. Неудивительно поэтому, что отправленный в Чехословакию в августе 1938 г. в качестве посредника между Прагой и судето-немецким меньшинством другой видный представитель британской элиты — лорд Ренсимен — действовал как мощный лоббист судето-немецких политиков и Берлина, открыто выступив за передачу нацистской Германии населенных немцами областей Чехословакии. По сути, это стало непосредственной дипломатической и правовой подготовкой Мюнхена²⁷.

В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. на конференции в Мюнхене, где участвовали руководители Великобритании, Франции, Германии и Италии, но куда не были допущены представители Чехословакии, главы правительств Великобритании и Франции Чемберлен и Даладье согласились с отторжением и присоединением к Германии тех областей Чехословакии, где большинство составляли немцы. Одновременно с Мюнхенским диктатом ультиматум Праге предъявила Варшава, потребовав от чехословацкого правительства уступки Тешинской Силезии с проживавшим там польским меньшинством. Вскоре эта область была оккупирована польскими войсками. По Венскому арбитражу в начале ноября 1938 г. южные области Словакии и Подкарпатской Руси с проживавшим там венгерским меньшинством оккупировала Венгрия, завершив тем самым масштабную между-

народную операцию по безжалостной геополитической кастрации Чехословакии под руководством Берлина. В итоге Чехословакия, потеряв около трети своей территории с наиболее стратегически важными и промышленно развитыми регионами, превратилась в нежизнеспособное образование, дни которого были сочтены.

Мюнхен и его последствия стали шоком для чешской общественности и одновременно мощным стимулом для переоценки ценностей. Один из чешских публицистов того времени призывал соотечественников не предаваться иллюзиям о возможности нормальных отношений с Германией после мюнхенского сговора, поскольку «немцы действуют продуманно и последовательно, стремясь овладеть славянскими землями и германизировать их вначале с помощью колонизации, а затем открытым насилием. Мы в смертельной опасности, — пророчески замечал автор заметки, — в положении, которое угрожает стать похожим на положение лужицких сербов, о которых еще сто лет назад говорили как об этнографической резервации... Не должно быть никаких иллюзий о дружеском сосуществовании с немцами... Нам молча готовят судьбу лужицких сербов. Собственными силами мы никогда не восстановим старые границы. Запад нас бросил. Только Славянство нам может помочь... Славянский вопрос будет решать Россия...»²⁸

²⁶ *Seton-Watson R. W.* Op. cit. P.39.

²⁷ См.: *Polišenský J. V.* Op. cit. S. 118.

²⁸ Literární Archiv Památníků Národního Písemnictví (LA PNP), fond Vladimír Zmeškal, sign.2-H/112, karton 10.

Протекторат Богемия и Моравия: чехи в нацистском гетто

Решения конференции в столице Баварии стали первым шагом к окончательному порабощению чехов нацистским рейхом. По образному выражению одного чешского публициста, карта послемиюнхенской Чехословакии напоминала «труп, обглоданный гиенами», а население страны превратилось в «ходячих мертвецов, стремящихся исключить реальность из своей повседневной жизни»²⁹. Вторым и последним шагом в этом направлении стала прямая оккупация чешских земель германским вермахтом в марте 1939 года и превращение Чехии в германский протекторат Богемия и Моравия, образованный по указу Гитлера 16 марта 1939 года. Вождь нацистского рейха прибыл в столицу Чехии еще вечером 15 марта 1939 г., сразу после ее оккупации вермахтом, и разместился на Пражском Граде, продемонстрировав тем самым свой полный триумф в решении «чехословацкого вопроса»³⁰.

Именно протекторат Богемия и Моравия стал своеобразным полигоном, где испытывались и внедрялись различные технологии германизации чешского населения, которое было приговорено идеологами нацистской Германии к полному исчезновению не только с политической, но и с этноязыковой карты Европы. Про-

возглашение протектората было «лишь шагом к постепенному истреблению чешского народа, что непременно произошло бы в случае победы нацистской Германии во Второй мировой войне»³¹. Статья 1 гитлеровского указа об образовании протектората Богемия и Моравия провозглашала «принадлежность к Великогерманскому рейху частей бывшей Чехо-Словацкой республики, занятой в марте 1939 года немецкими подразделениями». Статья 3 устанавливала автономию и самоуправление протектората, объем и реализация которых определялись исключительно «политическими потребностями Рейха»³².

В общих чертах планы немецких нацистов в отношении чехов, исходившие из нацистской расовой теории, трактовавшей все славянские народы как расово неполноценные, были изложены Гитлером в Мюнхене еще летом 1932 г. «Территорию Чехии и Моравии мы заселим немецкими крестьянами. Чехов мы выслем в Сибирь или на Волынь, выделив им резервации. ... Чехи должны покинуть Среднюю Европу, — утверждал Гитлер. — Если они тут останутся, они продолжат формирование гуситско-большевистского блока»³³. Более детально политика нацистской Германии в отношении чехов была разработана позднее

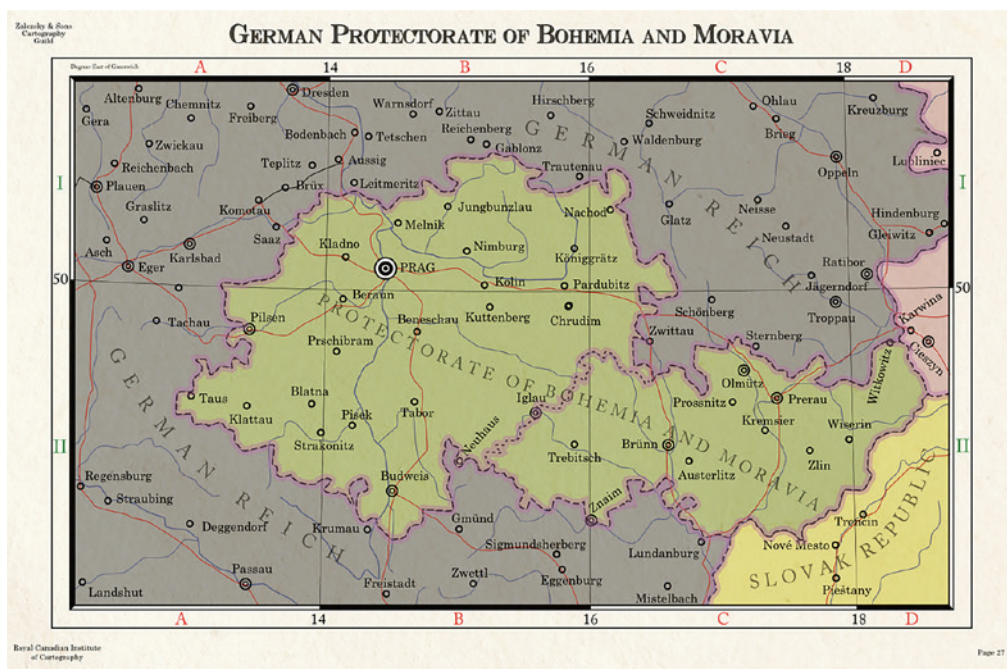
29 Kuras B. Češi na vlásku. Příručka národního přežívání. Praha: Baronet, 1999. S. 161.

30 Liška V. Éra hákového kříže. Protektorát. Praha: Nakladatelství XYZ, 2018. S. 21.

31 Ibidem. S. 14.

32 Beneš E. Odsun Němců. Výbor z pamětí a projevů doplněný edičními přílohami. Praha, 1995. S. 69.

33 Цит. по: Sládek M. Němci v Čechách. Německá menšina v Českých zemích a Československu 1848–1946. Praha, 2002. S. 69.

Протекторат Богемия и Моравия. 1939

руководителями протектората Богемия и Моравия К. Г. Франком и К. фон Нойратом. Большую роль в разработке политики нацистского рейха в чешском вопросе сыграли бывшие лидеры судето-немецкого движения в Чехословакии и судето-немецкие этнографы и историки.

В документе под красноречивым названием «План ликвидации чешского народа», направленном Гитлеру 28 августа 1940 г., К. Г. Франк четко и откровенно указывал, что «целью имперской политики в Чехии и Моравии должна быть полная германизация пространства и населения»³⁴. При этом Франк указывал две возможности достижения этой цели — полное выселение чехов за пределы империи с последующим заселением Чехии и Моравии немцами или «изменение национальности расово пригодных» чехов с выселением «расово непригодной» части чешского населения, враждебно настроенной чешской интеллигенции и всех «деструктивных элементов». В своем пла-

не Франк высказывался за более мягкий второй вариант, аргументируя это технической невозможностью тотального выселения 7,2 миллиона чехов в условиях войны, отсутствием необходимого числа немецких колонистов, способных быстро освоить освободившееся пространство, и целесообразностью использования квалифицированной рабочей силы чехов в интересах рейха. Франк предлагал «отделение той части чешского народа, у которой возможно изменение национальности, от расово неполноценной части» и планировал «путем систематически проводимой политической нейтрализации и деполитизации добиться вначале политической и духовной, а затем и национальной ассимиляции чешского народа»³⁵.

23 сентября 1940 г. этот план был поддержан в ходе встречи Франка и Нойрата с Гитлером в Берлине. В октябре 1940 г. Гитлер окончательно сформулировал главную цель нацистской политики в отношении чешского населения, кото-

³⁴ Plán na likvidaci českého národa vypracovaný K. H. Frankem pro Adolfa Hitlera 28. srpna 1940. Цит. по: Beneš E. Odsun Němců. Výbor z pamětí a projevů doplněný edičními přílohami. Praha, 1995. S. 76.

³⁵ Ibidem. S. 77.

рая заключалась в «онемечивании Чехии и Моравии путем германизации чехов... Политика ассимиляции не будет распространяться на тех чехов, расовые качества которых вызывают сомнения, а также на тех, кто демонстрирует враждебное отношение к рейху. Эти категории необходимо уничтожить»³⁶.

Суть политики национал-социалистов в чешском вопросе исчерпывающе и по-военному четко изложил обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих в своей речи в Праге 2 октября 1941 г. вскоре после своего вступления в должность исполняющего обязанности главы протектората Богемия и Моравия: «Данное пространство должно стать немецким и чеху тут нет места... Окончательное решение должно означать следующее: данное пространство должно быть полностью заселено немцами. Эта территория является сердцем империи и мы не можем терпеть — как свидетельствует немецкая история — чтобы с данной территории снова и снова наносились удары кинжалом по империи... Попытаемся в соответствии со старыми методами германизировать чешское население. Ту часть населения, которая настроена негативно, но имеет хорошие расовые признаки, предстоит переселить в империю, в чисто немецкую среду, германизировать и изменить ее мышление. Если это окажется невозможным, поставить ее к стенке...»³⁷

Именно Гейдрих отдал указание администрации протектората предпринять первые организационные шаги для подготовки предстоящих «депортаций чехов на основании расовых исследований с целью германизации «подходящего в расовом отношении» чешского населения»³⁸. В рамках данной акции «было подготов-

лено несколько поездов со специалистами из рейха в «расовом вопросе»; поезда были оборудованы рентгенами и другими измерительными приборами. Всё это происходило под предлогом борьбы с туберкулезом, что было призвано скрыть смысл всей акции. Однако нацисты не сумели завершить данный расовый проект, направленный на послевоенную ликвидацию чешского народа»³⁹.

Немецкие нацисты исходили из возможности германизации от 60 % до 70 % чешского населения, так как расовые исследования убедили их в том, что большинство чехов имело необходимые «расовые предпосылки» для успешной германизации. Общая концепция германизации чехов предполагала вначале их «политическую ассимиляцию» на основе «имперской идеи», призванной вытравить идеи чешской государственности из национального самосознания чехов и навязать им восприятие исторических чешских земель как исконной части германского рейха. Впоследствии планировалась постепенная германизация чехов путем сокращения образования на родном языке, насаждения немецкого языка, частичного переселения чехов в Германию, а немцев на территорию протектората Богемия и Моравия, а также путем физической ликвидации национально ориентированной чешской интеллигенции⁴⁰. По образному и весьма откровенному выражению одного из лидеров судетонемецкого движения, «цель нацистской политики в Богемии состоит в том, чтобы выбить из чехов мозги и ликвидировать интеллектуальную прослойку этой нации, препятствующую установлению требуемых отношений между германским хозяином и чешским работником»⁴¹.

36 Cesta k dekretům a odsun Němců. Praha, 2002. S. 60.

37 Цит. по: Beneš E. Odsun Němců. Výbor z pamětí a projevů doplněný edičními přílohami. S. 83.

38 Liška V. Éra hákového kříže. Protektorát. Praha: Nakladatelství XYZ, 2018. S. 97.

39 Ibidem.

40 Doležal J. Česká kultura za protektorátu. Školství, písemnictví, kinematografie. Praha, 1996. S. 12.

41 German Cultural Oppression in Czechoslovakia. Memorandum of the Czechoslovak National Committee. London, 1940. P. 9.

Нацистские власти уделяли колоссальное внимание научному обоснованию необходимости тотальной германизации чехов. Так, уроженец Северной Чехии, видный судето-немецкий социолог Карл Валентин Мюллер, занимавший с 1941 г. должность профессора немецкого Пражского университета, в своих многочисленных научных трудах доказывал, что «с биологической точки зрения» чехи являются народом преимущественно германского происхождения. Этногенез чехов, по мнению К. В. Мюллера, представлял собой симбиоз «германского и славянского биологического и культурного компонентов при решающей роли германского элемента»⁴².

Некоторые этнографические группы чехов, в частности жившие на чешско-баварском пограничье ходы, трактовались немецкими этнографами как славянизированные потомки исконно германского дославянского населения Богемии, которые должны вернуться к своему естественному «изначальному состоянию» путем германизации. Подобные теории, активно насаждаемые на официальном уровне, были призваны обосновать и легитимизировать политику тотальной германизации «расово пригодного» чешского населения протектората. Симптоматично, что К. В. Мюллер, являвшийся активным членом партии национал-социалистов и сделавший успешную научную карьеру в нацистской Германии, не менее успешно продолжил ее и после Второй мировой войны в престижных университетах ФРГ. Однако было немало примеров, когда в ФРГ находили убежище и прямые военные преступники, виновные в убийствах мирного населения на территории протектората. Один из организаторов уничтожения чешской деревни Лидице под Прагой, где, после покушения на Гейдриха, в июне 1942 г. было убито 173 мужчины и 82 ребенка из которых стали

впоследствии жертвами газовых камер на территории Польши, Герман Крумей вплоть до 1969 г. спокойно жил в Западной Германии и был даже депутатом парламента Баварии⁴³.

Программа германизации чехов начала постепенно реализовываться в практической политике немецких властей в протекторате Богемия и Моравия. Это проявилось в немецкой колонизации этнически чисто чешских регионов протектората; в закрытии чешских высших учебных заведений после событий 17 ноября 1939 г. и в системной дискриминации чешских профессорско-преподавательских кадров; в ограничении образования и средств массовой информации на чешском языке; в одновременном расширении сферы применения немецкого языка, а также в активной пропаганде имперской идеологии, трактовавшей чешские земли как исконную составную часть германского рейха. Политика германизации резко активизировалась с назначением обергруппенфюрера СС Р. Гейдриха исполняющим обязанности главы протектората в сентябре 1941 г. С приходом Гейдриха в правительстве и в административных органах протектората возросло число немцев, а заседания правительства протектората стали вестись только на немецком языке⁴⁴.

В своем донесении чехословацкому эмиграционному правительству в Лондоне осенью 1940 г. представители чешского движения Сопротивления с тревогой сообщали о резком усилении германизации Праги и чешских земель: «Приток немцев в Прагу нарастает. Германизация территории также продолжается... Поступают сообщения о колонизации земель немецкими переселенцами в области Миловице, Вышкава и даже в области Брды... Германизация проходит очень быстрыми темпами. Во главе учреждений, а также советов управляющих и банков

⁴² Etnicita a nacionalismus v diskurzu 20 století. Příspěvek intelektuálů z českých zemí ke studiu kolektivních identit. Brno, 2012. S.30–32.

⁴³ Liška V. Éra hákového kříže. Protektorát. Praha: Nakladatelství XYZ, 2018. S. 128.

⁴⁴ См. MacDonald C. The killing of SS Obergruppenführer Reinhard Heydrich, 27 May 1942. London, 1989.

стоят немцы... Школы продолжают закрываться; в средних учебных заведениях целенаправленно и по приказу снижается количество учеников; при этом число немецких школ растет... Чешских детей заставляют их посещать путем давления на родителей...»⁴⁵ По сведениям авторов меморандума Чехословацкого национального комитета в Лондоне о немецких репрессиях в Чехословакии, уже к ноябрю 1939 г. количество учеников-первоклассников в чешских средних школах уменьшилось на 50 % по сравнению с 1938 г.⁴⁶

Немецкие власти умело поддерживали и всячески поощряли культурно-языковую неоднородность различных областей протектората. Моравский регионализм и антипражские настроения в некоторых областях южной Моравии использовались нацистами в качестве инструмента для подрыва чешского национального самосознания и этнокультурного единства чехов. Щедрую помощь протекторатных властей, включая финансовую, получало пронацистское общество «Этнографическая Моравия», руководство которого в июле 1941 г. «от имени моравско-словацких националистов» обратилось с просьбой к Гитлеру о разрешении включиться в вооруженную борьбу против «еврейско-большевистской России» в качестве добровольцев⁴⁷.

Однако в условиях войны с СССР немецкие власти не могли приступить к реализации своей программы германизации Чехии в полном объеме. Относительная мягкость оккупационной политики в Чехии по сравнению с оккупированными областями СССР диктовалась заинтересованностью нацистов в стабильности социально-экономического положения в протекторате и в беспере-

бойной работе чешских военных заводов в условиях войны с Советским Союзом. Именно поэтому, по словам российского историка С. В. Кретирина, «положение негерманского населения Судет, Богемии и Моравии было тяжелым, но... массовых дискриминационных акций против него нацисты не проводили... Нацистские газеты писали о прекрасных условиях жизни чехов... Как для немцев, так и для чехов увеличивалась заработная плата, улучшалось снабжение...; хорошо была налажена система здравоохранения. ...Многие чехи добровольно отправлялись на работу в Германию. Чехи не подлежали призыву в германскую армию. Все это предопределило внешнее спокойствие в протекторате...»⁴⁸.

Быстро адаптировавшись к условиям нацистского господства, часть населения протектората оказалась не только в роли жертв, но и в роли соучастников нацистских преступлений. Так, чешские силовые структуры протектората приняли участие в осуществлении преступной нацистской политики геноцида «неарийских» народов. По данным исследователей, на территории протектората Богемия и Моравия было истреблено практически все цыганское население, насчитывавшее около 30–35 тыс. человек. Уничтожение цыган осуществлялось преимущественно чешскими силовыми структурами, начавшись еще до окончательной оккупации чешских земель Германией. Чешские цыгане были собраны в двух концлагерях на территории протектората — в Лети в Южной Чехии и в г. Годонин в Моравии. При этом «концлагерь в Лети был создан по распоряжению чехословацкого руководства 2 марта 1939 г., за две недели до ликвидации «второй Чехословакии»⁴⁹!

45 Цит. по: Beneš E. Odsun němců. Výbor z pamětí a projevů doplněný edičními přílohami. S. 78–79.

46 German Cultural Oppression in Czechoslovakia. Memorandum of the Czechoslovak National Committee. P. 14.

47 Mezihorák F. Hry o Moravu. Separatisté, iredentisté a kolaboranti 1938–1945. Praha, 1997. S. 99.

48 Кретинин С. В. Судетские немцы: народ без родины. 1918–1945. Воронеж, 2000. С. 176.

49 Там же. С. 186.

Период существования протектората Богемия и Моравия выявил и довольно высокую степень активности местных коллаборантов, ставших частью пропагандистской машины гитлеровского рейха. Так, для нейтрализации прославянских и просоветских настроений среди чешской общественности, вспыхнувших после нападения гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 года, протекторатное радио начало с 15 июля 1941 года цикл пропагандистских передач под названием «Чех не может быть большевиком». В одной из радиопрограмм в рамках данного цикла чешский протекторатный журналист А. Кршиж убеждал чешских слушателей в том, что «славянство и патриотизм являются лишь одним из жидо-большевистских обманов»⁵⁰.

Значительное число жителей протектората в той или иной форме сотрудничало с силовыми структурами нацистского рейха, получая за это различные виды материального вознаграждения. По приблизительным оценкам историков, «агентами или информаторами гестапо в протекторате являлось около 80 тысяч человек». «Это, — полагает современный чешский публицист и историк В. Лишка, — ошеломляющая цифра, свидетельствующая о том, что многие жители протектората смирились не только с оккупацией, но и политикой нацистских преступников. Подобное было у нас для многих обычным проявлением их приспособленчества. Неудивительно поэтому, что после войны многие из коллаборационистов и тех, кто лояльно относился к рейху, срочно вступали не только в ряды самозванной «Революционной гвардии», но и в компартию, выдавая себя за участников сопротивления, чтобы скрыть свое темное протекторатное прошлое»⁵¹.

Вплоть до освобождения от нацистского господства чешская протекторатная

пресса демонстрировала оголтелый пронацистский тон, даже в последние недели и дни войны, когда скорый конец гитлеровского рейха был уже очевиден. Так, 25 марта 1945 г. протекторатные газеты с вернопопуданическим восторгом писали о «новых успехах немецких подводных лодок», об «успешном отражении» немецкими дивизиями наступления советских войск между озером Балатон и Дунаем и о «мужестве гарнизона в Глогове», который отразил атаки Советской Армии, уничтожив при этом 55 единиц советской бронетехники⁵². В начале апреля 1945 г. чешская протекторатная пресса радостно сообщала читателям об «огромных советских потерях» в ходе боев в северо-западной Венгрии, об «отважном гарнизоне Кюстрина», который «героически сопротивляется» наступающей Советской Армии, и об «ожесточенном сопротивлении и решительном боевом духе» 4-й немецкой армии генерала Ф. В. Мюллера в Восточной Пруссии. В результате «фронт этой армии не был прорван и неприятель завоевывал каждый метр восточнопрусской земли ценой крайне тяжелых потерь... Большевики потеряли с 12 января по 28 марта 2557 танков и броневиков, 2734 артиллерийских орудия, 82 самолета и несколько тысяч человек пленными...»⁵³.

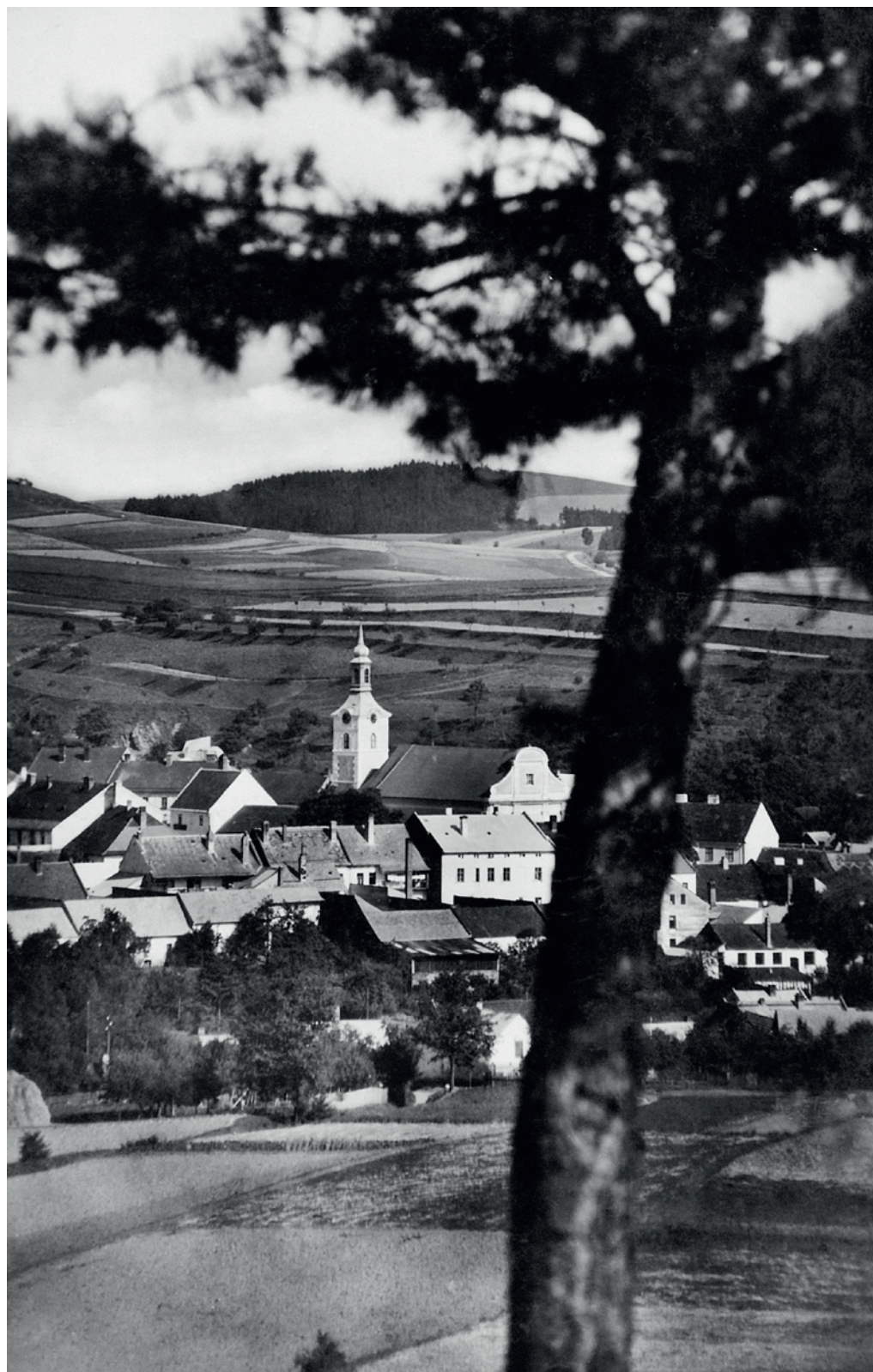
Весьма примечательным был номер пражской газеты «Народни политика» за 20 апреля 1945 г., в котором на первой странице под большим портретом Гитлера была опубликована пространный статья «Человек несгибаемой воли», посвященная дню рождения нацистского фюрера. В начале статьи автор писал, что день рождения Гитлера «дает нам возможность вспомнить все его заслуги, благодаря которым он навсегда вписал свое имя в историю... и сказать, за что Европа благодарна Гитлеру, биография которого представляется нам героической эпопе-

50 Pinard P. R. Aloiz Kříž a cyklus rozhlasových relací «Co víte o Židech a zednářích?» // Tereziánské studie a dokumenty 2005. Editorka Jaroslava Milotová. Praha: Institut Tereziánské iniciativy, 2005. S. 196.

51 Liška V. Op. cit. S. 131.

52 Národní politika. 25. března 1945. Ročník LXIII. Číslo 72.

53 Národní politika. 1. dubna 1945. Ročník LXIII. Číslo 78.

Олшнице. Район Бланско. 1939–1945

ей»⁵⁴. По мнению чешского протекторатного журналиста, заслуги Гитлера состоят в том, что он стянул со своего народа «унижение несправедливого версальского диктата, разбудил немецкий народ, ослабленный разрушительными действиями демократической и еврейско-капиталистической коалиции. В нужный момент понял суть обманчивой игры, в которую после мировой войны вовлекли трудящийся народ жидо-марксисты. Вождь не испугался борьбы со стоголовой гидрой еврейских интриг... Для того, чтобы постичь революционное значение учения Гитлера, — говорилось в статье, — можно сказать, что национал-социализм означает... примерно такую же идейную революцию, которой была во время своего возникновения теория солнечной системы Коперника... Если взглянуть на то, что именно несут «союзники» народам, ограбленным при так называемом освобождении, то мы увидим, что это лишь возвращение еврейских эксплуататоров, политический хаос и голод. Победа Рейха, напротив, означает для всех европейцев спокойное экономическое и политическое развитие. Европу, — завершал свой панегирик Гитлеру и нацизму чешский протекторатный журналист, — может спасти перед большевистской опасностью только такая сильная личность, как Адольф Гитлер, который в наше время открыл новую эру героизма и патриотической жертвенности...»⁵⁵

Даже в начале мая 1945 г. протекторат Богемия и Моравия продолжал оставаться бастионом нацистской пропаганды. Так, 4 мая 1945 года, за считанные дни до краха гитлеровской Германии, «Народни политика» на первой странице поместила материалы о «героических защитниках имперской столицы», о «мужестве берлинского гарнизона» и о том, что «во главе героических защитников имперской столицы пал Вождь, пожертвовавший жизнью

в стремлении спасти свой народ и Европу от большевистской заразы». Здесь же было опубликовано сообщение ЧТК о телеграмме протекторатного президента Гахи преемнику Гитлера адмиралу Деницу. В телеграмме глава чешского протектората выражал «глубокое соболезнование в связи с тяжелой утратой, постигшей немецкий народ, — героической смертью Вождя Адольфа Гитлера» — и даже высказывал надежду на «счастливый вывод Империи из нынешнего глубокого кризиса»⁵⁶.

С освобождением Праги Красной Армией и с изменением политической обстановки чешская пресса моментально повернулась на 180 градусов, радикально поменяв тон и демонстрируя феноменальную гибкость. Та же «Народни политика», еще 4 мая воспевавшая подвиги нацистов и оплакивавшая «героическую смерть Вождя Адольфа Гитлера», уже 11 мая на первой странице опубликовала речь Сталина к советскому народу под крупно набранным заголовком «Настал великий день победы над Германией». В опубликованной здесь же статье «Мы свободны!» говорилось о том, что «в человеческой истории нет, вероятно, примера, способного передать все то зло и дьявольскую злонамеренность, которые являются сутью гитлеровского режима... Наше будущее развитие никогда больше не должно столкнуться с разрушительным германским империализмом... Немец уже никогда не посмеет пощечинами и прочими издевательствами унизить ни единого чеха... Мы открыли свою землю новым экономическим и социальным течениям, мы хотим заложить новую основу нашего хозяйства и социального устройства, руководствуясь историческим примером Советского Союза...»⁵⁷ Забавно при этом, что ответственным редактором газеты «Народни политика» все это время оставался один и тот же человек — доктор Вацлав Йиржина...

54 Národní politika. 20.dubna 1945. Ročník LXIII. Číslo 94.

55 Ibidem.

56 Národní politika. 4.května 1945. Ročník LXIII. Číslo 106.

57 Národní politika. 11.května 1945. Ročník LXIII. Číslo 113.

По справедливому замечанию известного чешского историка Й. Полишенского, период нацистской оккупации стал для чехов «самым роковым испытанием» и принес им самые тяжкие страдания за всю их историю⁵⁸. Убийство обергруппенфюрера СС Гейдриха, и. о. протектора протектората Богемия и Моравия, чехословацкими парашютистами в ходе операции «Антропоид» 27 мая 1942 г. и пражское восстание в мае 1945 г. были самыми яркими примерами чешского движения сопротивления во время нацистской оккупации. Немногочисленные примеры борьбы чехов против нацистского режима востребованы в исторической памяти значительной части чешского общества и в настоящее время. В ходе социологического опроса в октябре 2018 г. в Чехии 33% опрошенных указало, что самым героическим периодом в новейшей истории своей страны они считают именно время «антифашистского движения сопротивления»⁵⁹.

Решения Мюнхена, создавшие условия для окончательной нацистской оккупации чешских земель и скрепленные подписями лидеров Великобритании и Франции, а также последующее пребывание в нацистском протекторате Богемия и Моравия означали, по сути, смертный приговор для чехов как самобытного славянского народа. Однако смертный приговор, вынесенный нацистами не только чехам, но и ряду других славянских народов, не был приведен в исполнение. Только благодаря победе Советского Союза над гитлеровской Германией западные славяне были избавлены от уготованной им Гитлером трагической и казавшейся неизбежной участи либо погибнуть, либо стать биологическим удобрением для немецкой национальной почвы.

⁵⁸ Polišenský J. V. Op. cit. S. 122.

⁵⁹ <https://www.stem.cz/rok-2018-a-osmickova-vyroci/>

В объятиях реального социализма: истоки и начало Пражской весны

Шок от Мюнхена, от последовавшей за ним нацистской оккупации и от унижительного протекторатного существования породил колоссальное по силе стремление чешского общества к преодолению их последствий. Именно это предсказуемо и надолго стало определяющим фактором чехословацкой политики после национальной трагедии 1938–1939 гг., в огромной степени обусловив быстрое вхождение Чехословакии в орбиту советского влияния и предопределив изначально высокий кредит доверия к тем политическим партиям, которые выступали против Мюнхена наиболее активно, прежде всего к коммунистам. После унижения Мюнхеном и страданий в период протектората «жертвенность освободителей в лице Красной Армии отождествлялась многими чехами и словаками с идеей коммунизма. Февраль 1948 года воспринимался многими как реальная надежда на построение более справедливого строя»⁶⁰.

В известном смысле можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что не только драматичное выселение трехмиллионного немецкого меньшинства из послевоенной Чехословакии, но и события февраля 1948 г. были производными от событий сентября 1938 года. Ряд чешских интеллектуалов обоснованно подчеркивает, что существовала непосредственная причинно-следственная связь

между выселением немецкого меньшинства из Чехословакии в первые послевоенные годы и установлением в стране коммунистического режима в 1948 году⁶¹.

Жесткий формат взаимоотношений с СССР в рамках формировавшегося социалистического лагеря и навязывание советской модели социализма с ее многочисленными социально-экономическими и политическими изъянами, в определенной мере обусловленное как логикой усиливавшейся «холодной войны» и конфронтацией между Западом и Востоком, так и рвением местных коммунистических ортодоксов, быстро разочаровали чехословацкую общественность. Среднее и старшее поколение чехов хорошо помнили демократические свободы и либеральную атмосферу Первой республики. Тем сильнее был шок чехословацкой общественности от волны широкомасштабных политических репрессий в 1949–1954 гг. с большим числом смертных приговоров; при этом последняя волна репрессий против «словацких буржуазных националистов», в ходе которых был осужден и активный участник Словацкого национального восстания Г. Гусак, имела место уже после смерти Сталина. Примечательно, что в торжествах, посвященных десятилетней годовщине Словацкого национального восстания в августе 1954 г. в г. Банска-Бистрица, не смогло принять участие большинство тех, кто его возглав-

⁶⁰ Procházková L. Odkaz pro budoucí kacíře // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи. Минск: Колорград, 2018. С. 175.

⁶¹ Čítanka odsunutých dějin. Uspořádal Petr Pithart a Petr Příhoda. Praha: Prago Media News, 1998. S. 6.

для — они в это время сидели в тюрьмах. И хотя спустя шесть лет «импортированные мельницы смерти прекратили свою работу, запах пролитой крови так и не выветрился»⁶². Сталинские репрессии в Чехословакии в 1950-е годы «лишь укрепили в национальном сознании те идеалы, которые власть всячески пыталась искоренить»⁶³. Историческая память о репрессиях 1950-х годов жива и в современном чешском обществе. В ходе социологического исследования в Чехии осенью 2018 г. 40% опрошенных указали на политические процессы 1950-х годов как на время, которого чехи должны стыдиться в наибольшей степени⁶⁴.

Стремительное механическое копирование советской модели воспринималось тогда руководством чехословацкой компартии как естественный и закономерный процесс. В своем выступлении в 1953 г. в г. Банска-Бистрица А. Дубчек, в то время глава партийной организации Банско-Быстрицкой области в Центральной Словакии, повторяя мысль К. Готвальда, подчеркивал, что «чем быстрее мы перейдем на советскую модель, тем быстрее будет наше движение на пути к социализму»⁶⁵. В результате механического копирования советской экономической модели уже «в 1951 г. 99% всех производственных мощностей принадлежало социалистическому сектору» и «была перенята советская дирижистская система планирования»⁶⁶, что быстро привело к «резкому снижению эффективности» экономики и к серьезным диспропорциям между отраслями промышленности. Это обусловило нарастание экономических трудностей, недостаток ключевых

потребительских товаров и, как следствие, недовольство населения⁶⁷. В июне 1953 г. в ряде крупных чешских городов, в том числе в г. Пльзень и Острава, прошли массовые рабочие выступления, участники которых протестовали против проводившейся денежной реформы. В одном из своих выступлений в это время Дубчек объяснял рабочие протесты исключительно «влиянием антисоциалистических сил» и призывал к усилению контроля партии над рабочими⁶⁸.

Степень и масштабы идеологической индокринации чехословацкого общества и проявления лояльности к СССР приобретали порой гротескные формы. Ученики чехословацких школ, включая младшие классы, должны были приветствовать своих учителей коммунистическим лозунгом «Слава труду, товарищ учительница!» (чеш. «*Čest práci soudružko učitelko!*»). Когда чехи узнавали о том, что в советских школах подобная практика отсутствовала, они искренне удивлялись и даже не верили. В 1955 г., незадолго до XX съезда КПСС, в Праге на высоком берегу Влтавы на Летне был открыт монументальный пятнадцатиметровый памятник Сталину, ставший самым большим памятником советскому вождю за пределами СССР. Фигура «вождя всех народов» величественно возвышалась над столицей Чехословакии; за ней следовали представители всех трудовых классов чехословацкого общества.

Специфический облик чехословацкого «реального социализма» в 1950–1960-е годы в огромной степени определялся личностью и стилем руководства А. Новотного, сосредоточившего в своих цепких руках функции главы компартии

62 Procházková L. Odkaz pro budoucí kacíře // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи. Минск: Колорград, 2018. С. 175.

63 Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М.: Республика, 1992. С. 130.

64 <https://www.stem.cz/rok-2018-a-osmickova-vyroci/>

65 Shawcross W. Dubcek. Revised and Updated Edition. New York: Simon and Schuster Touchstone, 1990. P. 52.

66 Шук О. Весеннее возрождение — иллюзии и действительность. М.: Прогресс, 1991. С. 65.

67 Там же. С. 83.

68 Shawcross W. Dubcek. Revised and Updated Edition. New York: Simon and Schuster Touchstone, 1990. P. 51.

и президента ЧССР. Будучи прямым продуктом партийной машины К. Готвальда, Новотный отличался «полной бесцветностью и отсутствием какой-либо индивидуальности» — в отличие от Тито в Югославии, Кадара в Венгрии или Гомулки в Польше. Являясь ярким примером «косного ума и стремления к сохранению статус-кво», Новотный не был заинтересован в каких-либо изменениях; главной его целью было сохранение и воспроизводство собственной власти⁶⁹. По этой причине он не стремился активно следовать хрущевским инновациям, ограничиваясь лишь необходимым минимумом; при этом его политика «косности и самоуправства вела режим к перспективе падения, угрожая социальным взрывом. В кругах членов ЦК КПЧ и высокопоставленных партийных функционеров росло недовольство, имевшее, впрочем, различные причины»⁷⁰. Со своей стороны, после бурных событий в Польше и в Венгрии осенью 1956 г. Хрущев, опасаясь подобных осложнений и в Чехословакии, предоставил Новотному значительную свободу рук во внутренней политике, вполне удовлетворившись видимостью стабильности и сохранением внешней лояльности.

Сочетание этих факторов в известной степени дает ответ на вопрос о том, почему «страна с давними гуманистическими традициями, сложившимся гражданским обществом западного типа, компартией, известной до Второй мировой войны своим эволюционно-парламентским уклоном, стала упорной продолжательницей сталинской практики и после смерти «вождя народов... Волна десталинизации, охватившая после XX съезда КПСС весь восточноевропейский блок, докатилась до Чехословакии с большим опозданием»⁷¹.

Активная фронда режиму Новотного ранее всего стала формироваться в Сло-

вакии, где постоянно росло обоснованное недовольство высокомерной и дискриминационной политикой Новотного в словацком вопросе. В немалой степени подобное недовольство стимулировал сам Новотный частыми проявлениями откровенной бестактности по отношению к словакам. Так, в 1966 году, приехав на открытие нового завода в г. Нитру в юго-западной Словакии, Новотный в качестве обеда взял с собой большое количество завернутых в бумажный пакет бутербродов. Охранники Новотного с гипертрофированной бдительностью демонстративно охраняли неприкосновенность этих бутербродов от посторонних лиц, включая и руководство Словакии во главе с Дубчеком. По Братиславе вскоре поползли слухи, что Новотный поступил так из-за опасения быть отравленным коварными словаками...

Еще больший резонанс имел визит Новотного в августе 1967 г. в город Турчански Святой Мартин в Западной Словакии, где он выступил в здании Матицы Словацкой, которая была одной из самых авторитетных и заслуженных культурно-просветительских организаций Словакии. В ходе этого визита президент ЧССР «как будто задался целью настроить против себя поголовно всех словаков и совершить как можно больше бестактностей»⁷². После выступления Новотного глава Матицы Словацкой Юрай Паска попросил его выделить финансовые средства для ремонта старого здания Матицы. В ответ Новотный выразил сомнение в целесообразности этого и предложил все материалы Матицы перевезти на хранение в Прагу, а заботу о словацкой диаспоре за рубежом передать пражским структурам. В довершение всего Новотный в крайне бестактной форме отказался принять в дар от Матицы заранее отобранные и тщательно подготовленные для него ре-

⁶⁹ Ibidem. P. 65.

⁷⁰ *Havlíček D.* Jaro na krku. Můj rok 1968 s Alexandrem Dubčekem. Olomouc: Nakladatelství Burian a Tichák, 2018. S. 31.

⁷¹ *Латыши М. В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1997. С. 8–9.

⁷² Там же. С. 12.

ликвии. Поскольку Матица Словацкая являлась одним из самых почитаемых символов словацкой культуры, это вызвало скандал, окончательно подорвав позиции Новотного в Словакии⁷³.

Генератором критики системы и оформления реформистских идей в Чехословакии стала опиравшаяся на наследие Первой республики научная и творческая интеллигенция, громко заявившая о себе на XIII съезде КПЧ в 1966 г., где из уст экономиста О. Шика прозвучала фраза о необходимости широкой демократизации общества. Это вызвало нервную реакцию первого секретаря ЦК КПЧ и президента страны А. Новотного и присутствовавшего на съезде в качестве гостя Л. И. Брежнева. В 1967 г. выразителями оппозиционных настроений выступили чехословацкие писатели и пражские студенты, ставшие постоянной головной болью для Новотного и его окружения. Поводом для выражения недовольства студентами стало очередное отключение электроэнергии в студенческом общежитии на пражском Страгове в конце октября 1967 года. Спонтанная демонстрация пражских студентов, которые держали в руках свечи и скандировали «Мы хотим света!», была жестоко разогнана полицией, что вызвало взрыв общественного негодования и надолго стало одним из главных предметов всеобщего обсуждения.

На IV съезде чехословацких писателей в июне 1967 г. писатель И. Клима, критикуя существовавшие цензурные ограничения, заявил, что «чехословацкое государство легализовало предварительную цензуру сто лет спустя после ее отмены австро-венгерской монархией»⁷⁴. Писатель Л. Вацулик, давая оценку правлению коммунистов в Чехословакии с 1948 г., сделал несколько провокационный вывод о том, что коммунистическая партия

«за двадцать лет не решила ни одного жизненного вопроса в стране»⁷⁵. Здесь же было публично зачитано письмо А. Солженицына съезду советских писателей с жесткой критикой социалистической системы. Часть писателей была в наказание исключена из рядов КПЧ; кроме того, была распущена литературная редакция органа чехословацких писателей газеты «Литерарни новины». Съезд чехословацких писателей в 1967 г. стал своеобразной прелюдией к событиям 1968 года⁷⁶. В отличие от Чехии, в Словакии, где первым секретарем компартии в то время уже был толерантный Дубчек, в целом господствовала более либеральная атмосфера. Так, продолжал выходить популярный еженедельник словацких писателей «Культурни живот», позволявший себе время от времени публиковать острые критические статьи о положении в стране в целом и о чешско-словацких отношениях в частности.

Знаковая отставка Н. С. Хрущева в октябре 1964 г., имевшая место почти сразу после его громкого визита в Чехословакию на празднование юбилея Словацкого национального восстания в августе 1964 г., стала мощным ударом по позициям А. Новотного, активизировав его многочисленных противников из числа высокопоставленной коммунистической номенклатуры, уже давно готовивших «дворцовый переворот». Особое недовольство Новотным демонстрировала словацкая партийно-политическая элита и общественность, не без оснований считавшая отношение Новотного к Словакии высокомерным и демонстративно игнорирующим словацкую специфику.

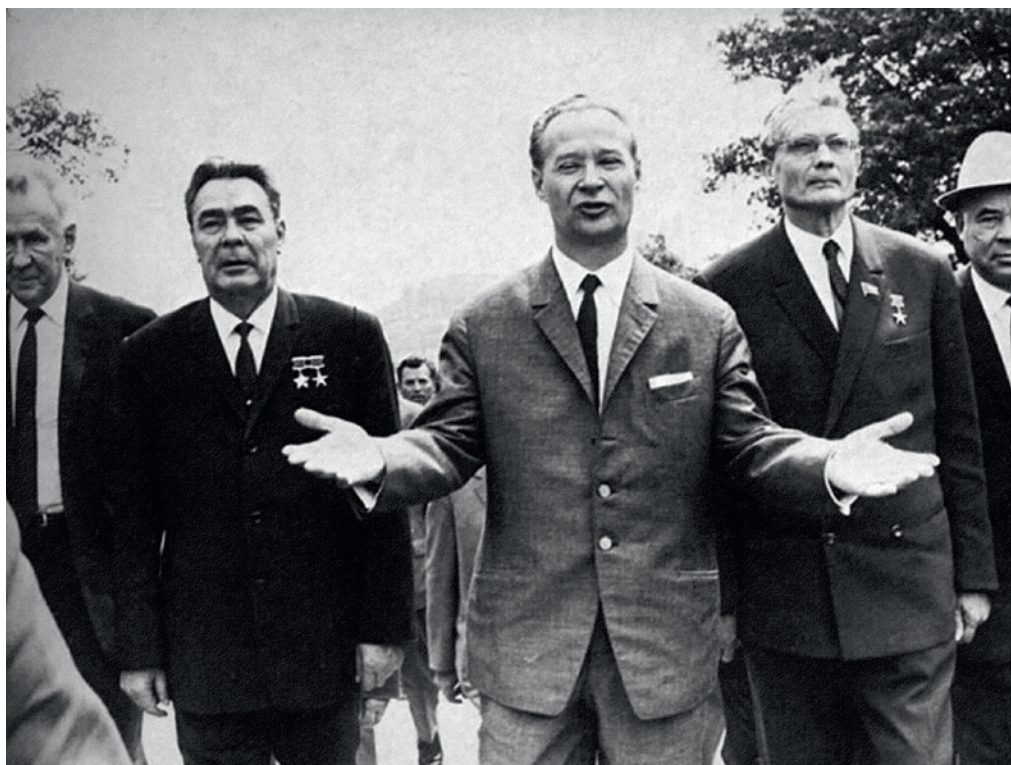
В ходе своего визита в Прагу в конце 1967 г. Л. И. Брежнев не стал вмешиваться во внутривластные дрязги высокопоставленных чехословацких аппаратчиков,

⁷³ *Shawcross W.* Op. cit. P. 105–108.

⁷⁴ *Šmíd M.* Rozhlas, noviny a televize v období Pražského jara // Pražské jaro 1968. Literatura — Film — Média. Praha: Literární akademie, 2009. S. 40.

⁷⁵ *Procházková L.* Odkaz pro budoucí kacíře // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи. Минск: Колорград, 2018. С. 176.

⁷⁶ *Uhde M.* Rok 1968, jak se jevil z Brna // Pražské jaro 1968. Literatura — Film — Média. Praha: Literární akademie, 2009. S. 45.

Слева направо — А. Н. Косыгин, Л. Н. Брежнев, А. Дубчек, М. А. Суслов. 1960-е

не желая вникать в хитросплетения межклановых противоречий и ограничившись лишь призывом к чехословацким коллегам «прекратить склоки» и прийти к взаимоприемлемому кадровому решению. В ходе закулисной борьбы Новотный, опираясь на преданную ему военную верхушку, даже рассматривал возможность силового переворота и привлечения армии для подавления своих противников, однако из-за утечки информации, организованной оппонентом Новотного генералом Прхликом, и нежелания министра обороны генерала Ломского лезть в политику данный план реализован не был.

В результате длительных закулисных интриг на пленуме ЦК КПЧ в начале января 1968 г. вместо А. Новотного первым секретарем в качестве устраивавшей всех компромиссной фигуры был избран А. Дубчек, после чего процесс реформ

стал постепенно набирать обороты. Четкой программы реформ у сторонников преобразований в то время не было; в лучшем случае имелись лишь общие представления о том, в каком пути нужно двигаться. Чехословацкий литератор А. Лим не без оснований характеризовал Пражскую весну как «растянутую во времени импровизацию»⁷⁷. Примечательно, что опытный аппаратчик А. Новотный, оставив место первого секретаря ЦК КПЧ, но сумев, хотя и на короткое время, сохранить за собой кресло президента страны, язвительно отозвался о своем партийном преемнике как о «слабаке, который это дело не потянет»⁷⁸. В известной степени данная характеристика позже оправдалась.

При этом, однако, Дубчек обладал целым рядом привлекательных качеств, которые в то время были особенно востребованы широкими массами социа-

⁷⁷ Латыши М. В. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1997. С. 81.

⁷⁸ Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М.: Республика, 1992. С. 102.

листической Чехословакии. По словам хорошо знавшего Дубчека З. Млынаржа, «отношение Дубчека к насильственным, диктаторским методам руководства полностью отвечало национальным, демократическим, гуманистическим традициям, антидиктаторской философской концепции Масарика. После десятилетий цинизма и лицемерия искренность Дубчека была особенно притягательной в глазах народа. ...Он не был авторитарной личностью, и это проявлялось буквально на каждом шагу»⁷⁹. Многие коллеги Дубчека отмечали, что, несмотря на длительное «аппаратное прошлое», он сохранял искренность и человечность⁸⁰ — качества, которые всегда были в дефиците среди политиков независимо от исторических эпох, форм правления и политических режимов.

Впрочем, не лишено оснований и мнение, что у опытного аппаратчика Дубчека это могло быть в известной степени имитацией. Примечательно, что во время пребывания Дубчека на верхних этажах политического Олимпа предпринимались попытки «героизировать» его участие в Словацком национальном восстании 1944 года, причем не без ведома и содействия самого Дубчека⁸¹. Однако записки и дневники его непосредственных командиров, в том числе командира партизанского отряда «Ян Жижка» Теодора Пола, под началом которого служил Дубчек, не содержат никаких упоминаний о Дубчеке. Это, по мнению британского исследователя В. Шоукросса, позволяет с уверенностью предположить, что «ничего выдающегося в качестве партизана Дубчек не совершил»⁸².

Ряды КПЧ изначально не были едины. В ходе внутривластной борьбы «кристаллизация сил на обоих полюсах часто диктовалась не стремлением к обновлению, а соображениями личного порядка, взаимными симпатиями и антипатиями, тревогой за собственную карьеру»⁸³. Один из идеологов Пражской весны выделял среди членов компартии «ультрареакционеров», «реакционеров», «консерваторов» и «реформаторов»; при этом именно реформистская часть коммунистической номенклатуры, быстро установив контроль над СМИ, сумела навязать свои правила игры оппонентам, постепенно вытесняя их с ключевых позиций в государстве. Характерно в этой связи, что первым поручением, которое назначенный в июне 1968 г. главой отдела СМИ ЦК КПЧ Д. Гавличек получил от своего непосредственного начальника — секретаря ЦК КПЧ Ч. Цисаржа, было провести «без большого шума» необходимые кадровые изменения, при этом Цисарж откровенно высказался по конкретным персоналиям⁸⁴.

Попытки реформирования сложившейся в Чехословакии системы под лозунгом «социализма с человеческим лицом», предпринятые архитекторами Пражской весны в 1968 г., судя по всему, были изначально обречены на провал. Движение обновления и реформ «было инициировано внутри компартии Чехословакии группами номенклатурной элиты... Очевидно, А. Дубчек и другие руководители обновленного руководства КПЧ в глубине души наивно полагали, что на примере своей страны докажут КПСС необходимость пересмотра социалистической теории и практики»⁸⁵.

⁷⁹ Там же. С. 134–135.

⁸⁰ *Havlíček D. Jaro na krku. Můj rok 1968 s Alexandrem Dubčekem.* Olomouc: Nakladatelství Burian a Tichák, 2018.

⁸¹ *Shawcross W. Dubcek.* Revised and Updated Edition. New York: Simon and Schuster Touchstone, 1990. P. 37.

⁸² *Ibidem.*

⁸³ *Латыш М. В.* Указ. соч. С. 20.

⁸⁴ *Havlíček D. Jaro na krku. Můj rok 1968 s Alexandrem Dubčekem.* Olomouc: Nakladatelství Burian a Tichák, 2018. S. 21.

⁸⁵ *Мусатов В. Л.* Россия и Восточная Европа. Связь времен. М.: URSS, 2008. С. 125–127.

Начиная свои реформы, Дубчек и прочие чехословацкие реформаторы надеялись, что «они получат молчаливое одобрение Москвы, поскольку все социалистическое содружество извлечет пользу от процесса обновления в Чехословакии. Помимо этого, чехословацкие реформаторы все еще находились под впечатлением того, что хрущевские преобразования, несмотря на отставку самого Хрущева, сделали СССР более толерантным гегемоном»⁸⁶. Практика очень быстро показала, что эти надежды абсолютно не соответствовали реалиям. Более того, конкретный сценарий и формат проведения реформ в Чехословакии очень быстро сплотили и мобилизовали все консервативные и умеренно консервативные силы в странах социалистического блока, выступивших единым фронтом против пражских реформаторов.

Очень скоро Пражская весна перестала быть только проектом реформистской части руководства компартии Чехословакии. По словам известного чешского историка П. Чорнея, студенческие годы которого пришлось на конец 1960-х гг., Пражская весна не являлась делом только компартии, поскольку «все чехословацкое общество подняло голову, обрело надежду... и мечтало о свободе»⁸⁷. Впрочем, российский историк Н. Платошкин полагает, что реформы поддерживала в основном «творческая гуманитарная интеллигенция», тогда как рабочие и крестьяне относились к ним в целом более критически⁸⁸.

Существенным источником реформистских настроений в среде руководства КПЧ являлись как малопривлекательная проза далеко не розовых советских реалий, так и размашистые хрущевские инновации. Обучавшиеся в СССР чехословацкие коммунисты, являвшиеся

политической элитой страны, были вынуждены скорректировать свои изначально завышенные и зачастую идеализированные представления о Советском Союзе после знакомства с уровнем и качеством жизни рядовых советских граждан, с советской бюрократической системой с ее ярко выраженным репрессивно-номенклатурным началом и с общим состоянием советского общества.

«Вместо того, чтобы вернуться еще более убежденными сталинистами, мы, все еще оставаясь сталинистами, оказывались уже с червоточиной, — вспоминал о своей учебе на юрфаке МГУ в 1950-е годы один из идеологов Пражской весны З. Млынарж, занимавший в 1968 г. должность секретаря ЦК КПЧ. — На нас теперь не действовало главное заклинание официальной партийной политики — универсальность и обязательность советского образца. Советский Союз утратил для нас свой авторитет как совершенный образец для подражания»⁸⁹. В число ярких воспоминаний от учебы в Москве у Млынаржа вошли застолья и откровенные разговоры в общезжитии со студентами-фронтовиками с большим количеством водки, реальная угроза быть раздавленным в толпе во время прощания со Сталиным в мартовские дни 1953 г., а также учебная практика в органах советской прокуратуры. Огромное влияние на чехословацких реформаторов в рядах КПЧ, по словам Млынаржа, произвел «взорвавшийся затхлую атмосферу» доклад Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС, после которого «КПЧ пережила шок, а затем начались споры и дискуссии»⁹⁰. Млынарж отмечал впоследствии, что «переворот в моем мышлении произвела именно хрущевская критика Сталина»⁹¹.

⁸⁶ Williams K. The Prague Spring and its Aftermath: Czechoslovak Politics, 1968–1970. Cambridge University Press, 1997. P. 10.

⁸⁷ Čornej P. Pražské jaro 1968 // Pražské jaro 1968. Literatura — Film — Média. Praha: Literární akademie, 2009. S. 12.

⁸⁸ Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6(42). С. 29.

⁸⁹ Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М.: Республика, 1992. С. 28.

⁹⁰ Там же. С. 33–35.

⁹¹ Там же. С. 41.

Аналогичные эмоции после своей поездки в Москву в 1954 г. в составе делегации пражской Высшей партийной школы испытывал и О. Шик, один из авторов чехословацких экономических реформ в 1960-е годы. Гнетущее впечатление на Шика, тогда правоверного коммуниста, произвели не столько всеобщая бедность, нехватка товаров и «длинные очереди хмурых людей», что он обоснованно связывал с разрушительными последствиями войны, сколько «существование больших социальных различий, привилегий для партийных чиновников» и высокомерное отношение номенклатуры к простому населению. В итоге, по словам Шика, опыт от поездки в Москву «лишил нас всяких иллюзий»⁹². Очевидно, подобные эмоции испытывал и будущий лидер Пражский весны А. Дубчек, обучавшийся в 1955–1958 гг. в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в Москве, где решения XX съезда вызвали всеобщее замешательство как среди преподавателей, так и среди обучавшихся. Буквально «за одну ночь все устоявшиеся ценности были отвергнуты без предложения чего-либо взамен. Тем не менее Дубчек, осознавая важность хороших результатов в учебе для последующей партийной карьеры, продолжал учиться с максимальным усердием»⁹³.

Любопытно, что впечатления советских ученых от посещения социалистической Чехословакии были противоположными. Известный отечественный историк-славист, заслуженный профессор МГУ Л. П. Лаптева, впервые побывавшая в ЧССР в 1962 г. на длительной научной стажировке, вспоминала впоследствии, что была немало удивлена «относительной свободой» местной научной жизни в сравнении с СССР. По словам Лаптевой, «все

имели возможность открыто выражать свои мысли и не бояться. Издавалось большое число научных журналов, существовала возможность широкого обмена мнениями...»⁹⁴.

Вектор реформаторских устремлений лидеров компартии Чехословакии первоначально полностью определялся советской моделью хрущевского формата. Формальным ориентиром для чехословацкого руководства стала принятая XXII съездом КПСС новая партийная программа, одной из ключевых идей которой стал тезис о важной роли научно-технической революции при переходе от развитого социализма к коммунизму. На ноябрьском пленуме ЦК КПЧ в 1961 г. первый секретарь ЦК КПЧ А. Новотный выступил с докладом о значении XXII съезда КПСС, подчеркнув, что линия компартии Чехословакии полностью совпадает с ленинской программой КПСС⁹⁵. Симптоматично, что сразу после XXII съезда КПСС в Праге по указанию Новотного был демонтирован памятник Сталину. Однако если разрушить памятник Сталину все-таки удалось, хотя и только после третьего взрыва, то многократные судорожные попытки улучшить экономическое положение в стране в начале 1960-х годов оказались неудачными — третий пятилетний план был полностью провален; уровень жизни населения резко упал; возник дефицит основных товаров народного потребления.

Для срочной модернизации стагнировавшей экономики, подъема уровня благосостояния и обновления общественной жизни в стране в первой половине 1960-х годов при поддержке некоторых «просвещенных секретарей ЦК КПЧ»⁹⁶ было создано несколько научных кол-

⁹² Шик О. Указ. соч. С. 78.

⁹³ *Shawcross W. Dubcek. Revised and Updated Edition. New York: Simon and Schuster Touchstone, 1990. P. 64.*

⁹⁴ *Ševčenko K. Život ve službách slavistiky. Ludmila Pavlovna Laptěvová (9. září 1926–16 května 2016) // Slovanský přehled. 2016. Číslo 2. S. 375.*

⁹⁵ *Солодухин О. Апрельские тезисы коммунистической партии Чехословакии // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи. Минск: Колорград, 2018. С. 187.*

⁹⁶ *Williams K. The Prague Spring and its Aftermath: Czechoslovak Politics, 1968–1970. Cambridge University Press, 1997. P. 7.*

лективов. Изучением проблем планового управления экономикой занялся созданный в 1963 г. научный коллектив под управлением О. Шика на базе Института экономики Чехословацкой Академии наук. Изучением социальных и гуманитарных аспектов научно-технической революции занимался образованный в 1965 г. научный коллектив во главе с известным чехословацким интеллектуалом Р. Рихтой на базе Института философии Академии наук ЧССР. Для изучения демократии и политической системы общества в 1966 г. на базе Института государства и права был создан коллектив под руководством выпускника юрфака МГУ З. Млынаржа. Наконец, научный коллектив П. Махонина, созданный на базе Института марксизма-ленинизма пражского Карлова университета в 1965 г., небезуспешно изучал особенности социальной дифференциации чехословацкого общества⁹⁷. Деятельность этих научных структур, тесно связанных с органами государственной власти, в значительной степени подготовила комплекс представлений и идей, на которые впоследствии опирались лидеры Пражской весны.

Определенному общественному обновлению способствовало и принятие новой Конституции ЧССР в 1960 году. Конституция провозглашала построение в Чехословакии «общенародного государства», что предполагало отсутствие антагонистических противоречий между различными социальными группами. Это, в свою очередь, стимулировало общее оживление правовой культуры. Правоведы, опираясь на тезис об «общенародном государстве», доказывали, что общество, преодолевшее социальные антагонизмы, «может позволить себе регулирование на основе социалистических правовых норм»⁹⁸.

Многие из интеллектуалов, занятых в упомянутых научных проектах, инициа-

рованных руководством чехословацкой компартии, впоследствии стали ведущими архитекторами Пражской весны и вошли в состав реформистского политического руководства Чехословакии. Новые веяния проявились в политической публицистике ведущих представителей реформистского крыла компартии З. Млынаржа и Й. Смрковского в январе — феврале 1968 года. Однако значительно больший общественный резонанс имело телевизионное выступление в начале февраля 1968 г. председателя Союза чехословацких писателей и крупного специалиста по творчеству Ф. Кафки Э. Гольдштюкера, который публично поддержал писателей и студентов, подвергшихся преследованиям со стороны властей в 1967 году. Резонансное выступление профессора Гольдштюкера по одной из самых болезненных в то время тем стало индикатором резко изменившейся политической ситуации в стране⁹⁹.

29 января 1968 г. А. Дубчек совершил свой первый визит в Москву в качестве главы компартии Чехословакии. В ходе бесед с Брежневым и с членами Политбюро ЦК КПСС А. Косыгиным, М. Сусловым, А. Кириленко и П. Шелестом Дубчек, отвечая на вопрос Брежнева о предполагаемых реформах, заявил, что в силу общей развитости Чехословакии советская модель не вполне соответствует чехословацкой специфике. Для преодоления существующих проблем и противоречий в чехословацком обществе, по словам Дубчека, была необходима демократизация, которая никакой угрозы социализму не представляла. Озвученные тогда Дубчеком намерения в духе инноваций хрущевской «оттепели» вряд ли нашли понимание и поддержку в советском Политбюро — после отставки Хрущева в 1964 г. в Москве дули совершенно иные политические ветры...

⁹⁷ Солодухин О. Указ. соч. С. 189.

⁹⁸ Williams K. Op. cit. P. 8.

⁹⁹ Šmíd M. Rozhlas, noviny a televize v období Pražského jara // Pražské jaro 1968. Literatura — Film — Média. Praha: Literární akademie, 2009. S. 41.

Через несколько дней после встречи с лидерами СССР Дубчек провел переговоры с руководителями Польши и Венгрии В. Гомулкой и Я. Кадаром. Примечательно, что уже в это время главы Польши и Венгрии, опираясь на недавний опыт собственных стран, сочли целесообразным обратить внимание Дубчека на потенциальную опасность роста антисоветских и антисоциалистических настроений¹⁰⁰. Позже эта тема будет постоянно звучать на переговорах руководства ЧССР с лидерами стран Организации Варшавского Договора.

Уже в конце февраля 1968 г. некоторые представители высшего советского руководства стали обнаруживать беспокойство нарастающими тенденциями в чехословацкой внутривнутриполитической жизни. Первый секретарь ЦК компартии Украины, член Политбюро ЦК КПСС П. Е. Шелест, входивший в состав советской партийной делегации, прибывший в Прагу 21 февраля 1968 г. на торжества в честь двадцатилетия событий 1948 г., отмечал в своих воспоминаниях, что «контрреволюция набирает силу в Чехословакии. Никто пока что открыто против существования законов и порядков не выступал. Но тайно действовала «ползучая контрреволюция». Действовали секретные силы, завладевшие всеми

средствами массовой информации, всякого рода клубы и общества. Проходит атака на КПЧ, органы безопасности, экономическую политику страны. Весь «ход действий», чувствовалось, направляли опытная рука ЦРУ и разведорганы ФРГ. Дубчека... использовали как слепое орудие в борьбе против КПЧ»¹⁰¹. К подобным неутошительным выводам Шелест пришел как на основании личных наблюдений, так и в результате доверительных бесед с чехословацкими коллегами, в основном своими единомышленниками, а также с послом СССР в Чехословакии С. Червоненко, который уже с конца января стал все чаще говорить об «угрозе контрреволюции» в ЧССР.

С самого начала Пражской весны Шелест стал одним из наиболее жестких и непримиримых критиков чехословацких реформ в составе советского Политбюро. Глава советской Украины, поддерживавший тесные личные отношения с первым секретарем ЦК компартии Словакии В. Биляком и имевший возможность получать альтернативную информацию о процессах в ЧССР по своим каналам через Закарпатскую область УССР, граничившую со Словакией, оказывал существенное влияние на советскую политику в «чехословацком вопросе».

¹⁰⁰ Назаров О., Пирин Д. Хроника «Пражской весны» // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6(42). С. 20.

¹⁰¹ Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Центрполиграф, 2016. С. 309.

Александра Гордасевич. Любимая Прага

DEMOKRACIE

NEPANUJE,
ALE SPRAVUJE!

T. G. MASARYK

OSIO
OSIO
KRATISA
MOKRA

CIE

Первые месяцы Пражской весны: опасения союзников

Проанонсированная Дубчеком демократизация чехословацкой общественной жизни символично началась с того, что двадцатилетием позже в период горбачевской перестройки назовут «гласностью». Так, 4 марта 1968 г. в чехословацкое законодательство были внесены изменения, которые фактически отменяли предварительную цензуру в средствах массовой информации. При этом великодушно «освобожденные» компартией чехословацкие СМИ — в полном соответствии с тезисом о том, что «свобода — это осознанная необходимость» — на самом деле в значительной степени контролировались реформистской частью партийно-политического руководства страны и эффективно использовались в целях аппаратной борьбы с политическими оппонентами. Как и в период советской перестройки, главными темами чехословацких СМИ в ходе Пражской весны стали политические репрессии 1950-х годов, затянувшаяся реабилитация их жертв, критика консерваторов и реакционеров всех мастей, а также многочисленных проблем и недостатков в социально-экономической и культурной областях.

С самого начала стала усиливаться тенденция объяснять многочисленные чехословацкие проблемы исключительно пагубным влиянием «большого брата» с Востока; при этом в наибольшей степени это касалось политических репрессий 1950-х годов, основная вина за которые

возлагалась именно на СССР и советское руководство. Реагируя на поведение чехословацкой прессы в этом вопросе, одна из жертв сталинских репрессий Г. Гусак, отсидевший десять лет в тюрьмах, вступил в полемику с подобной точкой зрения. Гусак, занимавший в то время должность заместителя главы правительства ЧССР, заявил на пленуме ЦК КПЧ 29 мая 1968 г., что «в нынешней антикоммунистической и антисоветской истерии старые функционеры всю вину сваливают на Советский Союз и советских советников. Считаю это трусостью... В 1953 г. Берия и его агенты были уже казнены. Кто же несет ответственность за то, что было после? Из восьми крупных процессов [в социалистической Чехословакии — К.Ш.] семь было уже после казни Берии. Знал ли А. Новотный и прочие, что Берия и его агенты осуждены и казнены? Десять лет во время пребывания Новотного на посту первого секретаря и президента в тюрьмах сидело несколько сотен невиновных коммунистов...»¹⁰².

Предметом критики становился и формат освобождения Чехословакии Красной Армией в ходе Второй мировой войны — так, по мнению некоторых прогрессивных чешских журналистов, Красная Армия «не совсем правильно» освобождала чешские земли от нацистов, злоупотребляя использованием артиллерии при освобождении некоторых городов, что нанесло ущерб их архитектурным

¹⁰² Husák G. O vině a nevině A. Novotného // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 19–26 června 1968. Číslo 25. S. 5.

ценностям... Мрачным пятидесятым годам с их массовыми репрессиями и нарушениями законности демонстративно противопоставлялась эпоха Первой республики с образцово-показательным демократом Масариком, трактуемая как утерянный «золотой век» чехословацкой государственности. Рассуждая о роли интеллигенции в современную эпоху, один из чехословацких интеллектуалов указывал на Масарика как на пример для подражания и образец бескомпромиссного «поиска правды», подчеркивая его колоссальный моральный авторитет — наряду с Палацким и Пекаржем¹⁰³.

Довольно активно разрабатывала чехословацкая пресса и тему пагубного влияния СССР на послевоенное экономическое развитие Чехословакии. Так, молодежная газета «Млада фронта» в феврале 1968 г. горько сожалела по поводу того, что полная зависимость Чехословакии от СССР и противодействие со стороны ГДР стали препятствием для нормализации отношений ЧССР с ФРГ, что, по мнению газеты, могло принести существенные экономические дивиденды¹⁰⁴. Торгово-экономические отношения с СССР трактовались весенне-пражской публицистикой как сугубо «неравноправные» и наносящие значительный ущерб чехословацкой экономике.

Еще одной популярной темой чешских СМИ стал словацкий вопрос и чешско-словацкие отношения. Чешская пресса признавала ряд промахов в национальной политике, отмечая, в частности, что «словаки были вынуждены защищать свой язык совсем недавно, когда бывший президент в одном из своих выступлений дилетантски заявил о сближении чешского и словацкого языков, что можно бы-

ло понять как неизбежное слияние двух языков — впрочем, за счет словацкого языка»¹⁰⁵. Авторитетный политический еженедельник «Репортер» констатировал, что «чешская информированность о положении в Словакии является катастрофической», и призывал чешскую общественность «перейти от изоляции к диалогу со словаками»¹⁰⁶.

С самого начала пресса оказала Дубчеку очень серьезные услуги в его борьбе с политическими противниками в лице Новотного и его сторонников в руководстве страны. Примечательно в этой связи, что уже спустя четыре дня после отмены цензуры, 8 марта 1968 г., словацкая молодежная газета «Смена», издававшаяся в Братиславе, опубликовала открытое письмо президенту Новотному с призывом оставить пост президента государства¹⁰⁷. Орган Союза чехословацких журналистов журнал «Репортер» в апреле 1968 г. с удовлетворением отмечал резко возросшую роль СМИ в обществе. «Последние месяцы показали политическую роль средств массовой информации, — подчеркивал «Репортер». — Именно в газетах, на радио и в телевидении началась страстная, но при этом демократическая борьба за новый дух в нашей политике, за приход прогрессивных сил в наше общество»¹⁰⁸.

Шквал критических публикаций в СМИ заметно возбудил и политизировал чехословацкое общество. Во втором по величине и значению городе Чехии, историческом центре Южной Моравии Брно, 14 марта 1968 г. по согласованию с местными городскими властями и партийными органами состоялась демонстрация с участием нескольких тысяч студентов и жителей города. Лозунги

¹⁰³ Černý V. Úloha mladého intelektuála v dnešnej dobe // Mladá tvorba. 1968. Číslo 5. S. 17–19.

¹⁰⁴ Mladá fronta. 14 února 1968.

¹⁰⁵ Eis Z. Od izolace k dialogu // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 3–10 dubna 1968. Číslo 14. S. 28.

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ Назаров О., Пирин Д. Указ. соч. С. 21.

¹⁰⁸ Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 27 března — 3 dubna 1968. Číslo 13. S. 4.

демонстрантов отражали весь идейный «джентльменский набор» Пражской весны: «Долой Новотного и его банду», «Да здравствует Масарик», «Для русских Ленин, для нас — Масарик». Среди студентов был особенно популярен лозунг «Хотим Цисаржа!». Острое студенческое желание получить Цисаржа в качестве президента страны объяснялось тем, что этот секретарь ЦК КПЧ по вопросам образования, науки и культуры пользовался стойкой репутацией либерала и носителя прогрессивных взглядов. Очередная студенческая демонстрация с требованием отставки президента Новотного прошла в Братиславе 19 марта; аналогичные демонстрации в последующие дни состоялись и в ряде других крупных городов Чехословакии.

В марте 1968 г. в Праге состоялись две крупные встречи с общественностью представителей реформистского крыла компартии ЧССР, включая Й. Смирковского и О. Шика, а также ведущих писателей. Встречи вызвали колоссальный общественный резонанс и транслировались ведущими чехословацкими СМИ. Предметом обсуждения стали ранее табуированные темы, включая репрессии 1950-х годов, злоупотребления властью и постоянные экономические проблемы. В ходе второй встречи было принято обращение к президенту Новотному с призывом оставить пост президента. Кампания по эскалации давления на Новотного была хорошо организованной и пользовалась мощной поддержкой СМИ.

Уход Новотного с поста президента был ускорен так называемой «аферой генерала Шейны» и ее медийной презентацией. Генерал-майор Шейна — протеже Новотного и близкий друг его сына — сделал феноменально успешную карьеру благодаря этой номенклатурной связи. В начале 1968 г. в результате умело организованной утечки информации вскрылись факты серьезных финансовых злоупотреблений Шейны, который, дабы избежать уголовного пре-

следования, бежал на Запад, предоставив ЦРУ доступную ему секретную информацию, связанную с деятельностью Варшавского договора. С начала марта чехословацкие СМИ, получив информацию об этом из правительственных источников, активно освещали данное событие, что окончательно дискредитировало Новотного.

В результате 22 марта 1968 г. Новотный был вынужден уйти в отставку с поста президента. Отставка Новотного повлекла за собой ряд отставок других высокопоставленных функционеров. В это же время по Чехословакии прокатилась волна загадочных смертей ряда сотрудников чехословацких силовых структур — согласно официальной версии, это были самоубийства. Кадровые перестановки в партийном аппарате и в силовых структурах вызвали беспокойство Москвы, тем более что Дубчек ранее заверял, что больших кадровых изменений не будет. Выступая на заседании Политбюро 25 марта 1968 г., крайне озабоченный чехословацкой «кадровой чехардой» Брежнев сказал, что в ЧССР «идет тур за туром смещение кадров, причем 80 процентов снятых уже кадров — это люди, которые в прошлом учились в Москве. Что это, случайное явление, когда секретари обкомов, райкомов подаются в отставку? Куда эта линия приведет, если ее не остановить?»¹⁰⁹. Москва явно опасалась потерять таким образом «своих» людей в чехословацких силовых структурах и в партаппарате. Кадровый вопрос наряду с деятельностью СМИ с самого начала стал одной из самых болевых точек в отношениях между Москвой и Прагой.

Преемником Новотного на посту президента государства — к большому разочарованию чехословацкой студенческой молодежи — стал генерал Людвик Свобода, активный участник Второй мировой войны в рядах Красной армии, где он с сентября 1944 г. командовал Первым чехословацким армейским корпусом. Занятие поста президента популярным

109 Латыши М. В. Указ. соч. С. 72.

в стране боевым генералом, внесшим колоссальный вклад в освобождение Чехословакии от нацистов и пострадавшим в ходе репрессий, было позитивно воспринято большинством населения.

Довольно бурное в медийном и кадровом отношении начало Пражской весны сразу привлекло к себе самое пристальное внимание и международной общественности, и союзников по ОВД. Столь «весомое, грубое и зримое» вмешательство широких масс в высокую политику и особенно в принятие священных для партноменклатуры деликатных кадровых решений не могло не вызвать обеспокоенности в столицах стран — участниц ОВД. Наиболее критическое отношение к процессам в ЧССР изначально демонстрировали Берлин и Варшава. Первым проявлением нараставшей обеспокоенности союзников процессами в Чехословакии стала встреча руководства стран социалистического содружества за исключением Румынии в Дрездене 23 марта 1968 г.

Первоначальная повестка дня совещания руководителей стран — членов СЭВ предполагала обсуждение вопросов экономического сотрудничества, однако глава ГДР В. Ульбрихт на правах хозяина встречи предложил обсудить положение в Чехословакии. Для представителей ЧССР, готовившихся к обсуждению экономических вопросов, это стало полной неожиданностью, и поэтому их выступления были в той или иной степени импровизацией. Бодрое и жизнеутверждающее выступление главы чехословацкой делегации А. Дубчека, где он в позитивных тонах охарактеризовал происходящие в ЧССР перемены, вызвали скепсис и раздражение лидеров всех остальных соцстран. По словам участника совещания в Дрездене первого секретаря ЦК ком-

партии Украины П. Е. Шелеста, «выступление Дубчека было неорганизованным, довольно путаным и неубедительным»¹¹⁰. В то же время выступление Гомулки он оценил как «грамотное и аргументированное»¹¹¹. Комментируя выступление Дубчека, Брежнев заявил, что «руководители КПЧ или действительно недооценивают серьезность положения в партии, или по каким-либо соображениям хотят преуменьшить отрицательные стороны происходящих событий»¹¹².

Крайнее недовольство и раздражение лидеров соцстран уже в то время вызывало поведение чехословацких СМИ. По словам Брежнева, «радио, телевидение, печать вышли из-под контроля партии... СМИ публикуют антисоциалистические, антисоветские материалы, очерняют весь исторический путь КПЧ... Они вбрасывают лозунги типа «либерализация общества», «самостоятельная внешняя политика», «чешский масариковский социализм»..., разного рода антисоветские высказывания...»¹¹³. В пылу дискуссии Брежнев, рассуждая о растущей угрозе контрреволюции в ЧССР, отнес к числу контрреволюционеров одного из ведущих представителей реформистского крыла КПЧ Й. Смирковского. Об экономисте О. Шике Брежнев отозвался как об одном из тех, кто может «разбить партию».

Лидер ПНР В. Гомулка выразил крайнее беспокойство по поводу дебатов в чехословацкой прессе вокруг руководящей роли компартии. Глава ГДР В. Ульбрихт был недоволен тем, что события в ЧССР используются западной пропагандой, прежде всего средствами массовой информации Западной Германии, для оказания влияния на остальные социалистические страны. Достаточно критически процессы в Чехословакии оценил в это время и руководитель Венгрии Я. Кадар, обра-

¹¹⁰ Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Центрполиграф, 2016. С. 313.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Солодухин О. Апрельские тезисы коммунистической партии Чехословакии // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи. Минск: Колорград, 2018. С. 201.

¹¹³ Там же. С. 203.

тивший внимание чехословацких коллег на то, что изначально Имре Надь не был контрреволюционером — по словам Кадара, таким его сделала логика борьбы. «Происходящие сегодня события из каждого из вас могут сделать Имре Надя»¹¹⁴, — заключил Я. Кадар, призвав руководство ЧССР воспользоваться трагическим венгерским опытом 1956 года.

Напряженные и эмоциональные переговоры в Дрездене завершились своеобразным компромиссом: в ответ на обещание Дубчека взять под контроль СМИ руководство соцстран пошло навстречу просьбе Дубчека не обнародовать уже подготовленное по итогам встречи коммюнике с жесткой критикой политики чехословацкого руководства. Ход встречи в Дрездене примечателен тем, что он заложил стойкий последующий содержательный алгоритм контактов руководства стран ОВД с лидерами Пражской весны. Круг вопросов, обсуждавшийся в Дрездене, в разных форматах и с разной расстановкой акцентов поднимался и во время последующих встреч руководства стран ОВД и Чехословакии вплоть до вторжения 21 августа; при этом Дубчек регулярно обещал взять под контроль средства массовой информации и повлиять на медийную политику с учетом пожеланий союзников по ОВД.

Чехословацкая пресса, комментируя встречу в Дрездене и выражая сожаление по поводу недостатка информации, признавала, что там имела место «конфронтация между Чехословакией и представителями некоторых социалистических стран. Между новым чехословацким руководством и участниками встречи существуют различные мнения о пути развития социалистического общества». Одновре-

менно подчеркивалось нежелание союзников каким-либо образом «вмешиваться и влиять на процесс нашей демократизации»¹¹⁵. Вместе с тем один из ведущих идеологов Пражской весны З. Млынарж на страницах влиятельного политического еженедельника «Репортер», намекая на проявившиеся в Дрездене противоречия, писал о необходимости «обеспечить условия для самостоятельного решения собственных проблем, без чужого вмешательства»¹¹⁶.

Позже в своих воспоминаниях Шелест, солидаризируясь с позицией наиболее резких критиков Праги в лице Гомулки и Ульбрихта, написал, что уже в Дрездене стало ясно, что «Брежневым был допущен грубый политический просчет с январским пленумом ЦК КПЧ. ...Итоги Дрезденского совещания реакционными кругами Чехословакии использовались для нагнетания антисоветских настроений»¹¹⁷.

Уже спустя неделю после дебатов в Дрездене новости из Чехословакии причинили новый приступ острой головной боли руководству стран — членов ОВД. 31 марта 1968 г. состоялось учредительное собрание организации под названием «Клуб 231», которая объединила в своих рядах бывших политических заключенных. Организация была названа номером соответствующей статьи Уголовного кодекса ЧССР. «Клуб 231», создание и деятельность которого широко освещались чехословацкими СМИ, сосредоточил свое внимание на критике сталинских преступлений и необходимости наказания тех, кто был виновен в их осуществлении; численность данной организации стремительно росла, достигнув около 80 тысяч человек¹¹⁸. Спустя несколько дней, 8 ап-

¹¹⁴ Там же. С. 205.

¹¹⁵ Hanák J. Drážďany // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 3–10 dubna 1968. Číslo 14. S. 4.

¹¹⁶ Mlynář Z. Nový prezident a nové poměry // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 3–10 dubna 1968. Číslo 14. S. 3.

¹¹⁷ Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Центрполиграф, 2016. С. 315–320.

¹¹⁸ Назаров О., Пирин Д. Хроника «Пражской весны» // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6(42). С. 22.

реля была создана и другая общественная структура под названием «Клуб активных беспартийных» (чеш. Klub angažovaných nestraníků, сокр. KAN). Среди членов этого клуба был в то время и молодой драматург В. Гавел. Данные общественные структуры активно участвовали в общественной жизни и в политической полемике и, по сути, представляли собой зародыши будущих альтернативных политических партий. Большую тревогу среди руководителей соцстран вызвало образование 22 марта подготовительного комитета по обновлению социал-демократической партии, что трактовалось ими как прямая угроза ведущей роли компартии.

Полемика в ходе встречи в Дрездене сыграла роль катализатора реформаторской активности руководства КПЧ. Уже 5 апреля 1968 г. на апрельском пленуме ЦК КПЧ после бурных и продолжительных дискуссий была принята «Программа действий КПЧ», текст которой был готов еще в феврале и которая представляла собой объемный документ, содержащий как развернутую оценку предшествующего развития ЧССР, так и подробную программу политических и социально-экономических преобразований в стране. В целом «Программа действий» компартии Чехословакии была направлена на постепенный демонтаж тоталитарной системы, на внедрение элементов рыночной экономики и на прокладывание пути к «политической демократии»¹¹⁹, при этом одним из авторов этой программы был выпускник юрфака МГУ З. Млынарж. В число авторов программы входили также такие известные чехословацкие интеллектуалы, как К. Каплан, Р. Рихта, Я. Фойтик, О. Шик, Б. Шимон, С. Провазник и П. Ауэрсперг. Показательно, что работа над текстом «Программы действий» проходила в помещении редакции международного теоретического журнала коммунистических и рабочих партий

«Проблемы мира и социализма», который издавался в Праге на русском языке.

«Историческое значение этого документа состоит в том, что он был первым цельным проектом реформирования социализма советского типа, принятым правящей коммунистической партией, — полагает российский политолог О. Ю. Солодухин. — Преобразования планировалось осуществить не только в экономической, но и в политической, и в духовной сферах. Предполагалось, что реформы выведут общество из кризиса и позволят превратить существующий режим в процветающее демократическое общество. Не будет преувеличением сказать, что программа явилась предшественницей горбачевско-яковлевской перестройки»¹²⁰. Довольно позитивно оценивали «Программу действий» и на Западе. По словам известного биографа Дубчека Шоукросса, «вероятно, не будет преувеличением оценить эту программу как наиболее значимую реинтерпретацию марксистской практики правящей коммунистической партией с 1948 года»¹²¹.

«Программа действий», ритуально подчеркивая верность коммунистической перспективе и единству с социалистическими странами во главе с СССР, тем не менее содержала ряд положений, которые не могли не вызвать беспокойства у консервативно настроенного руководства соцстран. Так, в программе отмечалось, что диктатура пролетариата постепенно превратилась в диктатуру партийной бюрократии. Программа осуждала командно-административную систему, констатируя, что «централистские и административно-директивные методы, использованные в борьбе с остатками буржуазии и для укрепления власти в условиях обострения международной напряженности после февраля 1948 г., были неоправданно перенесены на дальнейшие этапы развития и постепенно выродились

¹¹⁹ Млынарж З. Указ. соч. С. 52.

¹²⁰ Солодухин О. Указ. соч. С. 185.

¹²¹ Shawcross W. Dubcek. Revised and Updated Edition. New York: Simon and Schuster Touchstone, 1990. P. 124.

в бюрократическую систему. Во внутренней жизни республики проявились сектанство, подавление демократических прав и свобод, нарушения законности, элементы произвола и злоупотребления властью...»¹²².

Говоря о роли компартии, программа подчеркивала, что она «осуществляет свою руководящую роль не тем, что господствует над обществом, а тем, что преданно служит его свободному, прогрессивному, социалистическому развитию. Она не может навязывать свой авторитет, а должна постоянно добиваться его своими действиями»¹²³. Кроме того, обращалось внимание на важность свободных дискуссий в партии и на недопустимость каких-либо ограничений в этой области. Отмечалась необходимость положить конец практике подмены органов государственного управления партийными органами. Подчеркивался партнерский характер всех политических партий, входящих в Национальный фронт. Указывая на недопустимость монополизации государственной власти, программа констатировала, что «ни одна партия, ни одна коалиция политических партий не может монополизировать социалистическую государственную власть, прямой доступ к ней должны иметь все политические организации народа»¹²⁴.

Кроме того, программа подчеркивала необходимость обеспечения на практике свободы организаций, собраний и совести, свободы слова и печати, свободы передвижения, отмены цензуры, а также расширения доступа к зарубежным СМИ. Отмечалась необходимость обеспечения свободы художественного творчества на практике. Признавалась целесообразность перехода к федеративной форме государственного устройства, чего уже давно добивалась Словакия. В области экономики предусматривалось частичное

использование рыночных механизмов, существенное расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и повышение заинтересованности трудящихся в результатах своего труда путем реализации прав рабочих как собственников своих предприятий. Отмечалась необходимость расширения экономических контактов с капиталистическими странами Западной Европы.

По мнению историков, в конкретной политической ситуации в Чехословакии весной 1968 г. «Программа действий» представляла собой «эклектичный документ», содержащий в себе «элементы компромисса» и дающий «определенную основу для объединения различных политических сил»¹²⁵.

Реакция руководства соцстран на «Программу действий» колебалась от сдержанной критики до категорического неприятия данного документа. «С одной стороны, руководители социалистических стран почувствовали в нем смертельную угрозу, так как речь шла об отказе от единственно верной советской модели... С другой стороны, некоторые ученые не исключают того, что «Программа действий КПЧ» была последним, к чему советское руководство еще могло отнестись толерантно, при условии, что идеи, содержащиеся в документе, так никогда и не будут воплощены в жизнь. Не случайно «Правда», пусть и в выхолощенном виде, опубликовала изложение и выступление Дубчека на пленуме ЦК КПЧ, и самой «Программы действий»¹²⁶, — отмечает О. Солодухин.

Еще одним важным решением, связанным с апрельским Пленумом ЦК КПЧ, стало радикальное обновление руководства Чехословакии, где резко усилились позиции реформистов. Пост главы правительства занял имевший репутацию технократа О. Черник, министр

¹²² Солодухин О. Указ. соч. С. 208.

¹²³ Там же. С. 209.

¹²⁴ Там же. С. 210.

¹²⁵ Латыши М. В. Указ. соч. С. 77.

¹²⁶ Солодухин О. Указ. соч. С. 219.

экономики в его кабинете стал сторонник радикальной рыночной реформы и широких демократических преобразований О. Шик. Председателем высшего законодательного органа ЧССР — Национального собрания — стал Й. Сморковский, еще один видный представитель реформистского крыла в КПЧ. Любопытно, что Сморковский, ставший главой высшей законодательной власти в стране, был всего несколькими неделями ранее в Дрездене заклеен Брежневым как «контрреволюционер», а занявший пост министра экономики О. Шик — как лицо, способное «разбить партию». Назначение на столь высокие должности неприемлемых для Москвы лиц не могло не испортить настроения советскому руководству. Впоследствии Брежневу пришлось встречаться и иметь дело с тем, кого он сам назвал «контрреволюционером», — в силу того обстоятельства, что именно этот «контрреволюционер» оказался во главе высшего законодательного органа ЧССР.

Апрельский Пленум ЦК КПЧ, принявший «Программу действий» и совершивший знаковую кадровую перестановку в политических верхах, стал важным рубежом в переоценке отношения союзников по ОВД к процессам в Чехословакии. Именно с этого времени в практическую повестку дня окончательно встала проработка возможности силового решения «чехословацкого вопроса». Примечательно, что уже 8 апреля 1968 г. командующий воздушно-десантными войсками СССР генерал армии В. Маргелов получил директиву высшего советского руководства приступить к планированию воздушных десантов на территорию Чехословакии. Как свидетельствовал один из ключевых участников последующего вторжения в Чехословакию генерал армии А. М. Майоров, командовавший весной 1968 г. 38-й армией Прикарпатского военного округа в звании генерал-лейтенанта, секретную карту-приказ о вторжении

в ЧССР за подписью министра обороны СССР маршала А. А. Гречко и все необходимые устные инструкции он получил в штабе Прикарпатского военного округа во Львове еще 12 апреля 1968 года¹²⁷.

Ход первомайских торжеств в чехословацкой столице не мог не вызвать нового острого приступа аллергии по отношению к Праге со стороны политического руководства соцстран. Накануне первомайских торжеств пражские студенты ярко продемонстрировали свои внешнеполитические симпатии. После «демонстративного сожжения американского флага советскими и вьетнамскими студентами в Праге, делегация чехословацких студентов явилась в посольство США с извинениями и подарила флаг»¹²⁸. В ходе трехсоттысячной первомайской демонстрации в Праге, продолжавшейся несколько часов, наряду с традиционными лозунгами и транспарантами в немалом количестве были представлены и портреты первого президента Чехословакии Т. Г. Масарика, которые несли члены Клуба активных беспартийных (KAN). В демонстрации участвовали и члены другого альтернативного политического клуба — К 231, объединявшего бывших политзаключенных. Официальная первомайская демонстрация, таким образом, была в полной мере использована для популяризации альтернативных политических групп. Кроме того, первомайская демонстрация была в полной мере использована пражскими студентами для публичной демонстрации своей пламенной американофилии — в ходе праздничной процессии они развернули заранее приготовленные флаги США. 18 мая пражские студенты вновь продемонстрировали свои незаурядные креативные способности. Около десяти тысяч студентов под пиво и петарды весело продефилировали по чехословацкой столице с лозунгами «С Советским Союзом — на вечные времена, но ни днем дольше!» и «Пусть

¹²⁷ Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия, 1968. Свидетельство командарма. М.: «Права человека», 1998. С. 19.

¹²⁸ Латыш М. В. Указ. соч. С. 85.

живет СССР — но за свой счет!»¹²⁹. В чехословацком обществе в это время было широко распространено мнение о том, что экономические связи между СССР и ЧССР выгодны исключительно СССР и что Советский Союз эксплуатирует Чехословакию в своих интересах. Если главной целью этих студенческих выступлений было вызвать раздражение Москвы и прочих стран ОВД, то эта цель была блестяще достигнута.

Настораживали лидеров стран социалистического блока и процессы внутри руководства компартии Чехословакии. Так, в своей резонансной речи, посвященной 150-летию юбилею со дня рождения К. Маркса, один из ведущих партийных идеологов, секретарь ЦК КПЧ Ч. Цисарж заявил 7 мая, что «диктатура пролетариата исчерпала свои исторические возможности» и что необходимо «обновление марксизма, соответствующее условиям последней трети XX века»¹³⁰. Помимо этого, Цисарж пространно рассуждал о многообразии форм построения социализма и о праве каждой марксистско-ленинской партии проводить свою политику с учетом национальных особенностей. Подобные «ревизионистские речи» вряд ли могли понравиться главному идеологу ЦК КПСС М. А. Суслову и его коллегам в Берлине, Варшаве и Софии. Все это предсказуемо стало объектом самого пристального внимания в столицах стран — членов ОВД. Данные рассуждения Цисаржа «настолько разволновали советское руководство, что оно отреагировало посланием специального письма и звонками непосредственно Дубчеку. Кроме того, Дубчеку было настоятельно рекомендовано избавиться от Цисаржа или, по крайней мере, отозвать с руководства таким «чувствительным» участком, каким в системе советского типа всегда была идеология»¹³¹.

Обеспокоенность Москвы привела к тому, что в начале мая 1968 г. по инициативе Кремля состоялась двусторонняя «сверка часов» высшего политического руководства СССР и Чехословакии. Прибывшая в Москву 4 мая 1968 г. чехословацкая делегация в составе Дубчека, Черника, Смирковского и Биляка услышала от советской стороны несколько неприятных вопросов. В частности, Косыгина интересовала суть проводившейся экономической реформы; Брежнев — причины фактического открытия границ Чехословакии с ФРГ и Австрией, что, по мнению советского лидера, затрагивало интересы всех стран ОВД, так как под видом туристов в соцстраны могли попасть «подрывные элементы» и «контрреволюционная литература». Беспокойство советского руководства по поводу открытых границ с ФРГ не было высосано из пальца — с 1956 по 1968 год созданную ЦРУ западногерманскую разведслужбу БНД возглавлял бывший генерал-майор вермахта Р. Гелен, бывший при Гитлере руководителем отдела «Иностранные армии Востока» Генштаба сухопутных войск вермахта и позже ставший консультантом американских спецслужб¹³².

Говоря об экономической реформе, чехословацкие лидеры посетовали на неизбежное повышение розничных цен для населения и попросили советское руководство срочно выделить заем на 550 миллионов долларов в валюте, не желая взять его зерном и мясом, хотя страна испытывала дефицит продовольствия. По признанию члена делегации ЧССР Биляка, в ответ на просьбу советской стороны конкретизировать цели использования займа чехословацкая сторона не смогла дать вразумительный ответ. Тем не менее Косыгин заявил о готовности СССР предоставить Чехословакии аванс

¹²⁹ Там же. С. 118.

¹³⁰ Havlíček D. Jaro na krku. Můj rok 1968 s Alexandrem Dubčekem. Olomouc: Nakladatelství Burian a Tichák, 2018. S. 19.

¹³¹ Латыши М. В. Указ. соч. С. 113.

¹³² Аллен Ч. Уроки истории: Мюнхен-1938 // Мюнхен-1938. Падение в бездну Второй мировой. Москва: Кучково поле, 2018. С. 24.

в счет данного займа¹³³. Что касается границ с ФРГ и Австрией, то руководители ЧССР дали обещание «ужесточить систему охраны западных границ», однако данное обещание выполнено не было, став одной из причин роста недоверия Москвы к Праге.

Во время майской встречи лидеры СССР трактовали события, происшедшие в ЧССР в марте-апреле и в ходе первомайской демонстрации в Праге, как резкую активизацию «антисоциалистических элементов». Предметом особого беспокойства советских лидеров стало намерение руководства компартии Чехословакии провести чрезвычайный съезд партии в условиях потери контроля над СМИ. По мнению Брежнева, готовить съезд в «атмосфере истерии» и постоянных митингов было невозможно; требование созыва чрезвычайного съезда, по его словам, было не более чем уловкой «антисоциалистических сил», которым уже нельзя было делать какие-либо дальнейшие уступки¹³⁴. После возвращения в ЧССР Дубчек предпочел не распространяться о деталях переговоров в Москве, ограничившись лишь констатацией того, что руководство СССР «с интересом следит» за процессами в Чехословакии.

Примечательно, что сразу после возвращения чехословацкой делегации из СССР руководство МВД ЧССР объявило 7 мая 1968 г. о прекращении глушения в стране западных радиостанций, вещавших на чешском языке. Одновременно с начала мая в соседней ГДР, наоборот, началось глушение вещания передач чехословацкого радио на немецком языке. Руководство ГДР уже в это время рассматривало происходившие в ЧССР общественно-политические процессы как ползучую контрреволюцию и явную угрозу завоеваниям социализма.

Процессы в ЧССР привели к постепенному нарастанию противоречий и размежеванию в высшем партийном и политическом руководстве страны, где сформировалась группа промосковски настроенных оппонентов реформистского курса. К числу самых известных и влиятельных оппонентов реформистского руководства Чехословакии относились члены Президиума ЦК КПЧ А. Индра, Д. Кольдер, О. Швестка, А. Капек и глава компартии Словакии В. Биляк, длительное время находившийся в приятельских отношениях с А. Дубчеком. Уже в ходе майских переговоров в Москве В. Биляк, бывший членом чехословацкой делегации, по многим пунктам солидаризировался с позицией советской стороны. На пленуме компартии Словакии 22 мая 1968 г. Биляк вполне в духе Москвы, Варшавы и Берлина рассуждал об «опасности контрреволюции», которая, по его словам, «начинается не тогда, когда начинают стрелять и вешать. Этим контрреволюция заканчивается. Сейчас оппозиционные силы не выступают с открыто антисоциалистической программой. Враг извлек уроки из контрреволюции в Венгрии...»¹³⁵. Именно на этих людей впоследствии попытается сделать ставку Москва.

С самого начала процесса реформ в ЧССР некоторые лидеры социалистических стран демонстрировали более негативное отношение к Пражской весне и лично к Дубчеку, чем Брежнев, усиливая у московского руководства неприятие чехословацких реформ. Уже в ходе первомайской демонстрации в Праге в 1968 г. за поведением Дубчека пристально следила восточногерманская «Штази», фиксируя и анализируя каждое движение чехословацкого лидера. Участие в пражской первомайской демонстрации различных общественных организаций, возникших

¹³³ Назаров О., Пирин Д. Хроника «Пражской весны» // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6(42). С. 22.

¹³⁴ Procházková L. Odkaz pro budoucí kacíře // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи. Минск: Колорград, 2018. С. 181.

¹³⁵ Bil'ak V. Pravda zostala pravdou. Prejav y článku. Oktobér 1967 — december 1970. Bratislava: Nakladateľstvo Pravda, 1974. S. 87.

на волне демократизации, стало для руководства ГДР весомым доказательством ползучей контрреволюции в ЧССР¹³⁶.

Принятие «Программы действий», радикальное кадровое обновление чехословацкого руководства и проведение первомайских торжеств в Праге стали причиной очередной встречи лидеров соцстран для обсуждения положения в ЧССР. На встрече в Москве 7 мая 1968 г. наиболее жесткие оценки ситуации в Чехословакии прозвучали из уст руководителей ГДР и Польши В. Ульбрихта и В. Гомулки, которые в категоричной форме высказали мнение о победе контрреволюции в ЧССР. Более того, Гомулка достаточно резко раскритиковал Брежнева за чрезмерно мягкую, с точки зрения польского лидера, позицию в отношении Праги. Гомулка констатировал, что продолжение подобной линии «безнадежно» и что «политика «целования» ни к чему хорошему не может привести»¹³⁷, вызвав явную растерянность у Брежнева.

Большое внимание в ходе переговоров было уделено «Программе действий». Если глава Венгрии Я. Кадар оценил «Программу действий» как «большой ноль», который можно трактовать совершенно по-разному, то Гомулка охарактеризовал данный документ как орудие, с помощью которого «контрреволюция прокладывает себе путь в борьбе против социализма»¹³⁸. В ходе дискуссии Брежнев и вторивший ему Живков заняли более умеренную позицию, высказав мнение, что ситуацию в ЧССР еще можно взять под контроль.

Очередная встреча руководства Чехословакии и СССР в мае 1968 г. в Москве вызвала пристальное внимание и ироничные комментарии в чехословацкой прессе. «Если бы степень дружбы между государ-

ствами измерялась частотой взаимных визитов политического руководства, то нынешние лидеры компартии Чехословакии побили бы все предыдущие рекорды чехословацко-советской дружбы... Если предыдущий первый секретарь партии встречался с советским руководством примерно раз в полгода, то товарищ Дубчек почти ежемесячно, — писал влиятельный пражский политический еженедельник «Репортер» в мае 1968. — Майский визит нашего руководства был внезапным... Дубчек сказал, что советские товарищи выразили беспокойство тем, что наш процесс демократизации может быть использован против социализма. Нет сомнения в том, что у нас имеют место антисоциалистические выступления. Советские товарищи могут быть озабочены, но они наверняка до такой степени знают наш народ, силу нашего рабочего класса и прочное положение руководства во главе с Дубчком, что они не могут ни на минуту сомневаться в надежности нашего социалистического строя и в нашей верности союзу с СССР»¹³⁹. В действительности к маю 1968 г. сомнения «советских товарищей» и их коллег в Берлине, Варшаве, Будапеште и Софии по поводу процессов в ЧССР уже переросли в стойкие опасения и поиски контрмер, включая вооруженную интервенцию.

Уже в первые месяцы Пражской весны, по мнению авторитетного эксперта, можно говорить о том, что «выпустив из рук контроль за ходом преобразований, дубчечковское руководство не смогло избежать ситуации, при которой создавалось впечатление сползания страны к повторению венгерского опыта 1956 года. Опасность этой ситуации заключалась в том, что под угрозой оказались отношения с союзниками»¹⁴⁰.

¹³⁶ Pauer J. Praha 1968. Vpád Varšavské smlouvy. Pozadí — Planování — Provedení. Praha: Argo, 2004. S. 48–49.

¹³⁷ Шелест П. Е. Указ. соч. С. 322.

¹³⁸ Солодухин О. Указ. соч. С. 219.

¹³⁹ Budín S. Nač ty tajnosti? // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 15–21 května 1968. Číslo 20. S. 3.

¹⁴⁰ Латыши М. В. Указ. соч. С. 44.

Пражская весна летом 1968 года: на пути к цугцвангу

С мая 1968 г. в Москве и в других столицах социалистического содружества все чаще стали воспринимать поведение чехословацкого руководства как политику «скрытого саботажа» и своеобразной «дули в кармане», которая была выработана и отшлифована чешскими политиками за века австрийского господства и часто применялась ими в составе Австрийской империи. Некоторые историки замечают, что с обретением независимости в 1918 г. Прага изобретательно и творчески воспроизводила политику Габсбургов, что, в частности, проявлялось в искусстве забалтывать, спускать на тормозах и под разными предлогами затягивать решение неудобных вопросов¹⁴¹. С весны 1968 г. именно эта политика в сочетании с элементами неизменной швейковщины стала окончательно определять алгоритм взаимоотношений между Прагой и союзниками по ОВД. Это неизбежно порождало растущие барьеры в коммуникации Праги с Кремлем, строгие обитатели которого практиковали совершенно иной стиль решения вопросов.

Ход реформ в Чехословакии и их конкретные проявления в виде все более свободной прессы и альтернативных общественно-политических структур только усилили их неприятие лидерами соцстран. Руководство стран ОВД, обеспокоенное реформами в Чехословакии как небезопасным прецедентом, было на-

строено категорически против продолжения подобных экспериментов. С точки зрения Л. И. Брежнева в Москве, В. Ульбрихта в Берлине, В. Гомулки в Варшаве и Т. Живкова в Софии, эти эксперименты могли поставить под угрозу внутриполитическую стабильность и единство социалистического лагеря в условиях противостояния с Западом, войны США во Вьетнаме и напряженных отношений с Китаем. Главы непосредственно граничивших с Чехословакией ГДР и Польши В. Ульбрихт и В. Гомулка были больше других обеспокоены возможными негативными последствиями влияния чехословацких реформ на внутривнутриполитическое положение в своих странах.

Настороженное отношение лидеров соцстран к процессам в ЧССР подогревалось ростом критических настроений и радикализма в чехословацкой прессе, освобожденной от цензуры в марте 1968 года. По словам авторитетного чехословацкого современника, в 1968 г. «СМИ соревновались друг с другом в разоблачении белых и черных пятен недавней истории, время от времени демонстрируя склонность к сенсациям и бульварщине»¹⁴²; при этом, как отмечает современный российский историк, «якобы демократические СМИ развернули информационно-психологический террор против тех, кто имел мнение, отличное от мнения реформаторов... Люди, кото-

¹⁴¹ Magosci P. R. *With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest — New York: CEU Press, 2015. P. 194.

¹⁴² Čornej P. *Op. cit.* S. 12.

рых травили, не имели возможности ответить... Газеты опровержений не печатали...»¹⁴³.

Представители советской военной делегации во главе с министром обороны СССР маршалом Гречко, прибывшие с визитом в Чехословакию в конце мая 1968 г. для зондирования почвы и обсуждения деталей предстоящих учений ОВД, были немало обескуражены напором журналистки чехословацкого телевидения. Мужественно проложив путь к руководителям советской военной делегации, пробивная журналистка задала начальнику Главного политического управления генералу Епишеву вопрос: «Правда ли, что на заседании ЦК КПСС Вы требовали начать военную оккупацию ЧССР?». Ответ первоначально опешившего генерала Епишева был предсказуем и более чем лаконичен: «Это глупость!»¹⁴⁴.

Та же напористая журналистка чехословацкого телевидения, вопреки многослойной охране из представителей разных спецслужб, сумела пробиться и к отдыхавшему в мае 1968 г. в Карловых Варах А. Н. Косыгину и взять у него пространное интервью, вызвав шок и смятение в коридорах Кремля. Начальник отдела средств массовой информации ЦК КПЧ Д. Гавличек, супруга которого и была той самой напористой журналисткой, штурмом взявшей интервью у Епишева и Косыгина, в своих воспоминаниях с иронией писал, что московских функционеров «шокировало не столько содержание интервью, сколько манера его проведения. Обычная тележурналистка позволила себе разговаривать с председателем Совета министров СССР запросто, на улице, как с равным себе и задавать ему ранее несогласованные вопросы! Смертельный грех в глазах партийных бюрократов...»¹⁴⁵.

Главной целью майского визита Косыгина в Чехословакию было не столько лечение в Карловых Варах, сколько изучение внутривластной ситуации в стране непосредственно на месте. Односторонняя информация, поставляемая послом СССР в ЧССР Червоненко, судя по всему, перестала устраивать Кремль. В ходе бесед с чехословацким руководством у Косыгина сложилось впечатление, что дубчековское руководство пользуется значительным авторитетом в стране, в то время как промосковские оппоненты Дубчека, напротив, организационно слабы, и что «если в ЧССР и присутствуют элементы контрреволюции, то обстановка взорвется не сегодня и не завтра. Команда Дубчека прониклась убеждением, что в Кремле есть кто-то, кто воспринимает «Пражскую весну» с известной долей понимания. Визит Косыгина в известной мере улучшил отношения двух сторон»¹⁴⁶.

Одним из любопытных эпизодов визита Косыгина в ЧССР была его встреча с гуру чехословацкой экономической реформы Шиком, который, желая преподать урок экономической теории главе советского правительства, «сам напросился на встречу и в течение двух часов излагал Косыгину свою концепцию экономических реформ. Но Косыгин, будучи сильным практиком, сбивал Шика с толку конкретными вопросами по состоянию отдельных отраслей промышленности, например металлургии, в которых Шик не был осведомлен и «поплыл». Косыгин, прекрасно разбираясь в деталях, стал объяснять Шик, с какими они столкнутся трудностями, если пойдут на те или иные меры»¹⁴⁷. Лекция Шика Косыгину таким образом органично трансформировалась в лекцию Косыгина Шик. Впрочем, Шик, страдавший несколько завышенной самооценкой, вряд ли был склонен при-

¹⁴³ Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6(42). С. 31.

¹⁴⁴ *Havlíček D. Jaro na krku. Můj rok 1968 s Alexandrem Dubčekem.* Olomouc: Nakladatelství Burian a Tichák, 2018. S. 38.

¹⁴⁵ *Ibidem.* S. 41.

¹⁴⁶ *Латыш М. В.* Указ. соч. С. 118.

¹⁴⁷ Там же. С. 117–118.

слушиваться к рекомендациям замшелого советского «консерватора».

На пленуме ЦК КПЧ 29 мая 1968 г. в известной степени под влиянием бесед с Косыгиным партийное руководство пошло на принятие резолюции, которая констатировала рост «правых сил», указывая на «правую опасность» как на основную. На некоторое время это успокоило Москву. Любопытно, что крайне резкой критике на майском пленуме ЦК КПЧ подверглась деятельность средств массовой информации. Так, член ЦК КПЧ и председатель одного из сельхозкооперативов в чешской глубинке заявила в присутствии Дубчека и других членов ЦК, что если директор телевидения Пеликан «с трибуны пленума будет оправдывать действия телевидения, то она при всех даст ему по физиономии и плюнет», поскольку «выдержать то, что позволяют себе комментаторы телевидения, нельзя»¹⁴⁸. Однако никаких организационных последствий этот всплеск эмоций по поводу СМИ не имел.

В мае–июне 1968 г. резко выросло число критических публикаций о положении в Чехословакии в СМИ Польши и ГДР. В свою очередь, весенне-пражская пресса активно включилась в эту полемику, критикуя публикации в польских и восточногерманских газетах за предвзятость и непонимание сути процессов, имевших место в ЧССР. Как деликатно выразился один из чешских публицистов, «нельзя утверждать», что материалы польской печати о Чехословакии являются «правильными, корректными и дружескими»¹⁴⁹. В ходе этой полемики чехословацкие журналисты обращали внимание своих оппонентов из других соцстран на то, что в чехословацких СМИ отсутствует цензура и обеспечена «действительная свобода

да слова», прозрачно намекая тем самым на несвободу своих критиков.

Немалое раздражение консерваторов вызывало все более ярко проявившееся в исторической публицистике стремление к полной реабилитации эпохи Первой республики, которую постоянно представляли как «золотой век» чешской истории и как образцовую модель демократии. Историки критиковали «черно-белые оценки Т.Г. Масарика и группы реалистов в чешской политической жизни, обусловленные политическими и идеологическими потребностями»¹⁵⁰, подчеркивая, что во время Первой республики «были обеспечены широкие гражданские права независимо от национальности и конфессиональной принадлежности и был проведен ряд прогрессивных социальных реформ»¹⁵¹. Подобная расстановка акцентов вряд ли могла вызвать восторг у тогдашних советских дипломатов из посольства СССР в Праге, тем более что среди них были и профессиональные историки-слависты, весьма чуткие к любым «уклонам», противоречащим «генеральной линии»...

Я. Кадар, опытный реформатор и автор успешной модели венгерского «гуляшного социализма», вначале положительно воспринявший Пражскую весну, к лету 1968 г. был также от нее не в восторге, «опасаясь победы ревизионистов в компартии Чехословакии и раскола в социалистическом блоке»¹⁵². Важной причиной резкого охлаждения отношений между Будапештом и Прагой было поведение эмансипированных чехословацких СМИ, которым пьянящий «воздух свободы» вскружил голову после отмены цензуры в марте 1968 года. Появление в чехословацкой прессе материалов, посвященных годовщине казни И. Нады, в которых «Имре Надя подняли

¹⁴⁸ Там же. С. 135.

¹⁴⁹ *Klinger E.* Odpověď polským přátelům // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 12–19 června 1968. Číslo 24. S. 9.

¹⁵⁰ *Kořalka J.* Národ bez státu// Naše živá i mrtvá minulost. Praha: Nakladatelství Svoboda, 1968. S. 150.

¹⁵¹ *Olivová V.* Op. cit. S. 191–192.

¹⁵² *Williams K.* The Prague Spring and its Aftermath: Czechoslovak Politics, 1968–1970. Cambridge University Press, 1997. P. 110.

до уровня гуманиста и провозвестника демократического социализма»¹⁵³, вызвало сильнейшее раздражение Кадара и его окружения. Самым пикантным было то, что статья о Наде, где упоминалось о Кадаре как о его убийце, была опубликована газетой «Литерарни новины» во время официального визита чехословацкой делегации во главе с Дубчеком в Венгрию для подписания нового договора о дружбе. Ход переговоров был безнадежно омрачен свободной чехословацкой прессой. В результате отношения между пражскими реформаторами и Будапештом оказались серьезно испорчены, хотя Венгрия потенциально могла стать посредником между остальными странами социалистического блока и Чехословакией. Аналогичным образом некоторые публикации чехословацкой прессы об обстоятельствах перехода Закарпатья из состава Чехословакии в состав СССР в 1944–1945 гг., где обсуждалась и подвергалась сомнению сама легитимность данного акта, вызвали крайне негативную реакцию главы Советской Украины Шелеста. Это явилось одной из веских причин превращения Шелеста в одного из самых активных противников Пражской весны в советском руководстве.

Ярко выраженный медиацентризм Пражской весны с самого начала стал мощным раздражителем в отношениях между Прагой и лидерами стран Варшавского договора. Если вначале Дубчек, сняв с прессы цензурный намордник, успешно использовал ее для укрепления своих позиций в аппаратной борьбе, то впоследствии пресса стала создавать ему все больше проблем внешнеполитического характера, по поводу чего Дубчек неоднократно сожалел и даже возмущался.

Нервную реакцию советского руководства вызывали не только новаторские публикации чехословацких СМИ на политическую и историческую тематику. Профессиональным читателям чехословацкой прессы из советского посольства в Праге явно не могли прийти

по душе такие, например, материалы, как вдохновенный репортаж о первом стриптиз-шоу в ЧССР, которое имело место 16 июля 1968 г. в г. Яблонец-над-Ниссой. В пространном материале об этом эпохальном культурном событии содержалось и подробное интервью с двумя стриптизершами, которые охотно делились с публикой секретами своего профессионального мастерства¹⁵⁴. Публикации подобного рода явно подталкивали консерваторов из посольства СССР в Праге к оценке культурных процессов в Чехословакии как «буржуазного перерождения». Впрочем, весенне-пражская пресса была куда более сдержанной и пуританской в сравнении с советской перестроечной прессой в последние годы существования Советского Союза.

Отряхнув со своих свободных ног презренный прах цензуры, весенне-пражская пресса вскоре сама стала претендовать на роль цензора в отношении общественно-политической жизни. В известном смысле медийный «хвост» стал все увереннее вилять собакой в лице чехословацкого партийно-политического руководства. Председатель Национального собрания ЧССР Смирковский, возглавлявший в июне 1968 г. визит парламентской делегации ЧССР в СССР и позволивший себе сделать там некоторые критические замечания в адрес Пражской весны, в частности признав в угоду своим советским собеседникам «опасность контрреволюции», после возвращения из Москвы был обвинен принципиальными пражскими журналистами в отходе от процесса демократизации. Смирковскому пришлось оправдываться перед «четвертой властью», объясняя, что он был неправильно понят.

При обсуждении закона о печати в Президиуме ЦК КПЧ в конце июня 1968 г. сторонники частичного сохранения контроля за прессой, к числу которых относился и секретарь ЦК КПЧ Млынарж, были вынуждены согласиться с полной отменой цензуры. Произо-

¹⁵³ Мусатов В. Л. Указ. соч. С. 158.

¹⁵⁴ Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 7–14 srpna 1968. Číslo 32. S. XII.

шло это после того, как в ходе дискуссии глава правительства Черник использовал аргумент о том, что в противном случае им придется иметь дело «с целой армией журналистов». Именно угроза недовольной «армией журналистов» произвела наибольшее впечатление на участников дискуссии, которые не захотели наживать себе таких могущественных врагов¹⁵⁵.

Очередным тревожным звонком для Москвы стало личное письмо члена ЦК КПЧ и депутата Национального собрания Чехословакии А. Капека, направленное в июне 1968 г. в ЦК КПСС, в котором Капек выражал обеспокоенность активизацией «антисоциалистических сил» и обращался с просьбой к СССР об оказании помощи для сохранения завоеваний социализма. Любопытным и весьма примечательным штрихом к этому сигналу стал визит в Прагу молодого в то время американского профессора З. Бжезинского, прибывшего в ЧССР в середине июня для чтения лекций членам альтернативных политических структур в лице «Клуба 231» и «Клуба активных беспартийных» (КАН). Бжезинский занимал в то время должность профессора Колумбийского университета и консультанта президента и Госдепа США по Восточной Европе. Официальной целью визита американского профессора было чтение лекций, однако на практике гость из США занимался более увлекательными практическими и прикладными вопросами. Прибыв с политгастролями в Прагу 14 июня 1968 г., Бжезинский, политически грамотный женатый на внучатой племяннице Э. Бенеша, в своих лекциях, по сути, «напрямую инструктировал чехословацких оппозиционеров», указывая на необходимость «перехватить инициативу у компартии, создавая собственные

политические структуры, которые будут бороться за власть»¹⁵⁶.

Примечательно, что опубликованный в чехословацкой прессе 27 июня 1968 г. нашумевший манифест Л. Вацулика «Две тысячи слов» обнаруживал явные следы влияния лекций Бжезинского, что было немедленно замечено и в Москве, и в других столицах ОВД. В частности, на это обстоятельство обратил внимание бдительный глава ГДР В. Ульбрихт на совещании руководителей коммунистических и рабочих партий в Варшаве 14 июля 1968 года¹⁵⁷. Впрочем, как замечает современный российский историк А. Замостьянов, в ходе своих пражских гастролей сам Бжезинский «вряд ли верил в успех этой провокации. Главное — разжечь, а потом выгодным образом прокомментировать, что и было сделано»¹⁵⁸.

Нараставшая обеспокоенность лидеров соцстран ситуацией в ЧССР выразилась в том, что по инициативе военно-политического руководства ОВД с 20 июня на территории Чехословакии с согласия ее правительства начались военные учения стран — членов ОВД «Шумава». Цель учений заключалась как в проверке боеспособности чехословацкой армии и армий союзников по ОВД, так и в более широкой «разведке боем», призванной выявить текущее состояние чехословацкого общества и возможность размещения советского воинского контингента в ЧССР. Результаты учений выявили тревожную для лидеров стран — членов ОВД высокую степень разложения чехословацких вооруженных сил в результате проводимых реформаторами кадровых чисток, заметный рост антисоветских настроений, а также существенные противоречия в чехословацком обществе в отношении к проводимым реформам.

155 *Havlíček D.* Jaro na krku. Můj rok 1968 s Alexandrem Dubčekem. Olomouc: Nakladatelství Burian a Tichák, 2018. S. 66.

156 *Тростин Е.* Пражское лето пана Бжезинского // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6(42). С. 17.

157 Там же.

158 *Замостьянов А.* Миф о 1968-м // Литературная газета. 2018. № 25–26 (6649). С. 16.

Новым мощным раздражителем для руководства соцстран стал знаменитый манифест «Две тысячи слов, которые принадлежат рабочим, земледельцам, чиновникам, художникам и всем», написанный Л. Вацуликом и опубликованный 27 июля 1968 г. в газете «Литерарни листы», вышедшей огромным тиражом в 300.000 экземпляров, а также в других ведущих чехословацких газетах. Документ резко критиковал руководство компартии за то, что его «ошибочная линия» превратила компартию, ранее пользовавшуюся доверием широких масс, в «силовую организацию, ставшую притягательной для властолюбивых эгоистов, расчетливых трусов и людей с нечистой совестью», призывая самые широкие круги чехословацкого общества к активной защите «процесса возрождения»¹⁵⁹. В манифесте предлагалось организовывать «гражданские комитеты и комиссии» для влияния на политику властей и для защиты свободы слова, а также организовывать «собственную службу порядка» при проведении общественных акций¹⁶⁰. Подчеркивалось, что в условиях подготовки компартии к съезду необходимо потребовать, чтобы «новый ЦК партии был лучше старого», при этом указывались конкретные способы давления на «реакционеров», дабы вынудить их уйти со своих постов. В числе методов давления на «реакционеров» называлась публичная критика, резолюции, демонстрации, бойкотирование нежелательных лиц и даже «сбор подарков» для них при уходе на пенсию¹⁶¹.

Манифест был явной реакцией «прогрессивно» настроенных чехословацких интеллектуалов на обострившуюся борьбу в высшем руководстве КПЧ и был призван, с одной стороны, поддержать реформистскую часть партийной верхушки, а с другой стороны, оказать давление на ту часть коммунистической но-

менклатуры, которая третировалась как «реакционеры» и «неосталинисты». При этом в документе настоятельно рекомендовалось избегать «грубых», «незаконных» и «нечестных» приемов борьбы с оппонентами, поскольку это могло быть использовано для воздействия на Дубчека. Подобный пассаж был косвенным признанием того, что в развернувшейся с началом Пражской весны кампании борьбы с «реакционерами» зачастую использовались весьма неприглядные методы, которые могли дискредитировать реформаторов.

Срочно созванное заседание ЦК КПЧ первоначально критически реагировало на манифест «Две тысячи слов»; при этом некоторые из числа реформистов считали его контрпродуктивным, оценив как «удар кинжалом в спину»¹⁶². Многие из высокопоставленных партийных функционеров, курировавших прессу и имевших близкие отношения с журналистами, не были заранее поставлены в известность о публикации подобного материала. Секретарь ЦК КПЧ Ч. Цисарж был обижен до глубины души тем, что никто из подписавших манифест ему об этом даже не упомянул. Позже, однако, было принято примиряющее заявление, утверждавшее, что процесс реформ успешно продолжается и предстоящий чрезвычайный съезд КПЧ призван закрепить курс на обновление.

Не успели лидеры соцстран в полной мере переварить творение писателя Вацулика — манифест «Две тысячи слов», который был воспринят ими с крайней обеспокоенностью, как их ждал новый сюрприз из чехословацкой столицы. Словно выполняя пожелание автора «Двух тысяч слов» о том, чтобы новый ЦК КПЧ, который предстояло избрать на съезде компартии, был «лучше старого», руководство КПЧ созвало 6 июля

¹⁵⁹ Literární listy. Týdeník Svazu čs. spisovatelů. 27 června 1968. Číslo 18.

¹⁶⁰ Ibidem.

¹⁶¹ Ibidem.

¹⁶² Procházková L. Odkaz pro budoucí kacíře // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи. Минск: Колорград, 2018. С. 182.

1968 г. в Праге партийную конференцию, призванную начать практическую подготовку к созыву чрезвычайного съезда партии. Это было откровенной увесистой оплеухой советскому руководству во главе с Брежневым, которое на встрече с лидерами ЧССР в мае 1968 г. в Москве прямо высказалось против созыва съезда КПЧ в сложных, по мнению Кремля, внутриполитических условиях в Чехословакии.

Самым интригующим выглядело то, что на конференции был оглашен заранее подготовленный реформаторами «черный список» тех, кто был отнесен ими к презираемой и третируемой касте «реакционеров», «консерваторов» и «догматиков». Указанных в данном списке граждан категорически «не рекомендовалось» избирать в состав ЦК на запланированном чрезвычайном съезде компартии Чехословакии; при этом председатель Национального собрания Чехословакии и член Президиума ЦК КПЧ Й. Смирковский многократно усилил значение данного документа, призвав участников конференции «голосовать против» тех, кто оказался в «черном списке».

Начатое июльской конференцией КПЧ решающее кадровое наступление реформаторов на своих политических оппонентов чем-то напоминало такую своеобразную форму судебного процесса в средневековой Московской Руси в XV–XVI веках, как «облихование». Суть «облихования» состояла в том, что несколько «добрых людей», имевших хорошую репутацию и высокий достаток, могли обвинить любого человека в том, что он — «ведомый лихой», после чего к обвиненному применялась пытка и наказание; при этом «облихованный», но не признавший своей вины преступник мог быть подвергнут тюремному заключению на неопределенный срок¹⁶³. В ЧССР во время Пражской весны в роли «добрых людей», которые могли подвергнуть «облихованию» своих оппонентов, выступала реформистская

часть партийно-политического руководства, а в роли потенциальных жертв процедуры «облихования» — их политические оппоненты из числа «реакционеров» и «консерваторов». Некоторые проявления партийно-политической активности чехословацких реформаторов эпохи Пражской весны, таким образом, чудесно коррелировали с правовой практикой Московской Руси периода средневековья, демонстрируя глубинную близость правовой культуры братских славянских народов...

Обострение противостояния в рядах чехословацкой компартии нашло свое отражение в пражской прессе, которая в начале июля пространно рассуждала о том, что «консервативный блок остается главной угрозой не только для процесса возрождения, но и для самой партии... На съезде КПЧ в сентябре чешский консервативный блок в своей борьбе с прогрессивными силами может рассчитывать на поддержку блока Биляка, что может негативно повлиять на состав нового ЦК КПЧ»¹⁶⁴.

Понимая растущую важность происходивших в ЧССР процессов, Политбюро ЦК КПСС по согласованию с руководством других соцстран — членов ОВД обратилось к руководству Чехословакии с предложением прибыть на совещание в Варшаву 10–11 июля для очередного обсуждения создавшегося в ЧССР положения. В ответ Президиум ЦК КПЧ, не желая являться «на ковер» к начальству и указывая на возможное осложнение ситуации в стране в результате подобной встречи, предложил заменить общее совещание ОВД переговорами с руководством СССР в двустороннем формате. В итоге делегация ЧССР на совещание в Варшаву не приехала. Руководству СССР пришлось «с сожалением констатировать» отрицательное отношение Президиума ЦК КПЧ к «инициативе братских партий».

¹⁶³ Исаев И. А. История государства и права России. Москва: Проспект, 2009. С. 60.

¹⁶⁴ Hochman J. Okresní a krajské konference KSČ // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 3–10 července 1968. Číslo 27. S. 3.

Совещание лидеров коммунистических и рабочих партий в польской столице в составе представителей СССР, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии прошло 14–15 июля 1968 г. без участия чехословацкой стороны. Процессы в ЧССР получили однозначно негативную оценку всех присутствовавших; при этом глава Польши В. Гомулка при открытии встречи счел нужным отметить, что в Чехословакии имеет место процесс превращения социалистического государства в «республику буржуазного типа»¹⁶⁵. Весьма жесткой оказалась и позиция Я. Кадара, который крайне негативно отнесся к игнорированию совещания в Варшаве чехословацкой стороной. По мнению руководителя Венгрии, отказ Президиума ЦК КПЧ от участия в совещании являлся «тяжелым шагом», создающим «совершенно новую ситуацию в отношении между нашими партиями, потому что Президиум ЦК КПЧ противопоставил себя руководящим органам наших партий»¹⁶⁶.

В кулуарах встречи в Варшаве руководитель ПНР В. Гомулка настоятельно рекомендовал Брежневу «не опоздать с вводом войск» в ЧССР, упрекая советского лидера за то, что тот слишком долго «запрягает»¹⁶⁷. По свидетельству участника варшавской встречи П. Шелеста, Гомулка вновь критиковал Брежнева за то, что тот «верит в небылицы и обман со стороны Дубчека», который «просто водит Вас за нос», и за то, что Брежнев не принимает «надлежащих мер к пресечению ползучей контрреволюции в Чехословакии»¹⁶⁸.

Предметом особенно пристального внимания участников совещания предсказуемо стал манифест «Две тысячи слов».

В итоговом документе, принятом пятью участниками совещания в Варшаве, констатировалось, что в Чехословакии «реакция получила возможность открыто выступать перед всей страной и обнародовать свою политическую платформу под названием «Две тысячи слов», которая содержит открытый призыв к борьбе против коммунистической партии и конституционного строя...». Манифест «Две тысячи слов» был заклеен участниками варшавского совещания как «политическая платформа контрреволюции»¹⁶⁹.

В своей реакции на критику из Варшавы Президиум ЦК КПЧ сделал попытку перейти в политическое контрнаступление, отвергнув оценку «Двух тысяч слов» как «платформы контрреволюции» и заявив о том, что данный документ не представляет угрозы ни для социализма, ни для компартии, которая, наоборот, «консолидировалась в процессе подготовки к съезду, намеченному на сентябрь»¹⁷⁰. Любопытно, что подобные утверждения противоречили первоначальной реакции на манифест, который ряд ведущих реформаторов в Президиуме ЦК КПЧ оценили как «удар кинжалом в спину». Чешский писатель и публицист Л. Прохазкова афористично оценила итоги данного совещания лидеров стран ОВД как «предупредительный выстрел из Варшавы»¹⁷¹. Как и предыдущие выстрелы, этот выстрел оказался холостым.

Результаты встречи в Варшаве вызвали возмущение реформистской части руководства компартии и стремление к дальнейшей консолидации реформаторов. «Имела место встреча пяти — о нас без нас. Пришло совместное письмо —

¹⁶⁵ Назаров О., Пириш Д. Хроника «Пражской весны» // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6(42). С. 24.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия, 1968. Свидетельство командарма. М.: «Права человека», 1998. С. 211.

¹⁶⁸ Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Центрполиграф, 2016. С. 345.

¹⁶⁹ Procházková L. Odkaz pro budoucí kacíře // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи. Минск: Колорград, 2018. С. 182–183.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

как ультиматум с целью расколоть руководство партии и государства, сломить его сопротивление, — комментировал итоги встречи в Варшаве пражский политический еженедельник «Репортер». — Наши друзья сделали роковую ошибку — не смогли понять, что в решающую минуту народы не только раскалываются, но, наоборот, объединяются и сплачиваются»¹⁷². Один из политических обозревателей журнала «Репортер» с тревогой писал о том, что «если прочесть варшавское письмо и прессу пяти стран-участников, то можно сделать вывод о том, что идейное обоснование интервенции уже полностью подготовлено»¹⁷³.

Ход варшавского совещания и реакция на него руководства ЧССР показали, что к этому времени реформистский курс лидеров Пражской весны оказался в глубокой изоляции среди союзников по ОВД. Более того, весьма критически к отказу руководства ЧССР прибыть на совещание в Варшаву отнеслись и некоторые представители чехословацкого генералитета и словацкого партийного руководства. Так, в беседе с советскими офицерами в конце июля 1968 г. командующий Восточным военным округом ЧССР генерал-лейтенант Валеш «объяснил причины отказа чехословацкого руководства от участия в Варшавском совещании чрезмерной амбицией. Далее он добавил, что в политике не должно быть амбиции. Секретарь РК КПЧ тов. Турчек считает, что Дубчек и Черник не были готовы к Варшавской встрече и боялись резкой критики со стороны руководителей социалистических стран»¹⁷⁴. К наиболее жестким оппонентам Пражской весны в лице лидеров ГДР и Польши в целом примкнул и глава Венгрии Я. Кадар. Однако кризис

в отношениях с ЧССР нужно было срочно преодолевать. Советское руководство выступило с инициативой новой встречи.

В ответ на предложение Брежнева встретиться полными составами Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ в конце июля на территории Украины чехословацкое руководство дало согласие на подобную встречу только при условии приезда советского Политбюро на территорию Чехословакии. Расчет, очевидно, делался на то, что руководство СССР не согласится с подобным предложением и встреча в итоге не состоится; при этом формальным виновником этого будет именно советская сторона. Однако к удивлению многих Москва согласилась с тем, чтобы переговоры в полном составе высших партийных органов двух стран прошли именно на чехословацкой территории. Примечательно, что когда об условиях данной встречи стало известно в Вашингтоне, то «в правительстве США и в ЦРУ все были просто шокированы»¹⁷⁵, поскольку подобное явно противоречило общепринятой международной практике.

В качестве напутствия чехословацкой делегации накануне ее отъезда на переговоры редакция пражского политического еженедельника «Репортер» составила 25 июля обращение, где говорилось о необходимости «отвергнуть демагогию, отвергнуть утверждение о том, что мы предаем идеи социализма и интернационализма тем, что хотим сами принимать решения и понять, что для нас хорошо, а что — нет. Интернационализм — это добровольное сотрудничество суверенных... и свободных народов»¹⁷⁶. Явную международную направленность имела и публикация в начале августа 1968 г. политическим еженедельником

¹⁷² Ruml J. Malý pokus o velký zásah // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 31 července — 7 srpna 1968. Číslo 31. S. 7.

¹⁷³ Hochman J. Luxus iluzí // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 31 července — 7 srpna 1968. Číslo 31. S. 4.

¹⁷⁴ Майоров А. М. Указ. соч. С. 148.

¹⁷⁵ Платошкин Н. Осень социализма // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6(42). С. 31.

¹⁷⁶ Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 31 července — 7 srpna 1968. Číslo 31. S. 3.

«Репортер» высказываний по поводу советско-чехословацких отношений глав Югославии и Румынии И. Броз Тито и Н. Чаушеску, фотографии которых были опубликованы под многозначительным заголовком «Наши верные друзья». В частности, И. Броз Тито заявил о том, что он «не верит в то, чтобы в руководстве СССР были такие близорукие люди, которые применили бы силу для решения внутренних проблем Чехословакии»¹⁷⁷. Н. Чаушеску указал на то, что Варшавский договор был создан как коллективный орган защиты государств — членов данной организации от империалистической агрессии извне. «Никто никогда не предполагал, — заявил Чаушеску, — чтобы договор стал предлогом для вмешательства во внутренние дела других государств»¹⁷⁸.

Переговоры прошли в маленьком словацком городке Чиерна-над-Тисой на чехословацко-советской границе с 29 июля по 1 августа 1968 года. Советская делегация приезжала на переговоры на специальном поезде и после их окончания отбывала на территорию СССР. Участники данных переговоров как с советской, так и с чехословацкой стороны наверняка испытывали стойкое дежавю. Действительно, круг всех обсуждаемых вопросов разительно напоминал и переговоры в Дрездене в марте, и двустороннюю советско-чехословацкую встречу на высшем уровне в Москве в мае 1968 года. Содержание обсуждаемых проблем по большому счету осталось прежним; однако форма и расстановка акцентов заметно ужесточились и радикализировались. Главными в повестке дня были, как и ранее, вопрос о поведении чехословацкой прессы и необходимости восстановления контроля над ней со стороны компартии, на чем настаивала советская сторона, обеспокоенная продолжающей-

ся активной публикацией материалов, которые она воспринимала как «антисоветские» и «антисоциалистические»; а также кадровый вопрос — Москва настаивала на как можно более быстром отстранении от должностей наиболее радикальных реформаторов, курировавших в том числе и СМИ.

Некоторые американские публицисты, касаясь переговоров в Чиерна-над-Тисой, живописали гипертрофированную агрессивность и brutальность советских лидеров, часть которых, в частности Косыгин и Шелест, якобы подвергли грубым антисемитским нападкам председателя Народного фронта ЧССР Кригеля, уроженца Восточной Галиции¹⁷⁹. Однако такой авторитетный отечественный исследователь 1968 года, как М. В. Латыш, весьма критически относящийся к чехословацкой политике СССР, констатирует, что «стенограмма переговоров не содержит ничего похожего на обсуждение национальных архетипов или этических особенностей поведения советских маршалов»¹⁸⁰. Латыш объясняет подобные «впечатляющие, но совершенно недостоверные детали» исключительно «буйной фантазией западных корреспондентов»¹⁸¹. Данные «совершенно недостоверные детали» тем не менее получили очень широкое распространение в популярной англоязычной литературе и были растиражированы по всему миру¹⁸².

Начало переговоров в Чиерна-над-Тисой началось в крайне напряженной обстановке и было очень неприятным для советского руководства. Член делегации СССР, первый секретарь ЦК компартии Украины Шелест с обидой вспоминал, что когда участники переговоров направились с перрона вокзала к месту заседания, местные жители «сдержанно» приветствовали советских представителей, но одновре-

¹⁷⁷ Ibidem. S. 17.

¹⁷⁸ Ibidem.

¹⁷⁹ Levy A. Rowboat to Prague. New York, 1972. P. 277.

¹⁸⁰ Латыш М. В. Указ. соч. С. 193.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Shawcross W. Dubcek. Revised and Updated Edition. P. 144.

менно раздавались «истощные возгласы «Берегите Дубчека!». Не очень нам было приятно слушать эти выкрики, вроде бы мы приехали украсть Дубчека»¹⁸³. Шелест вряд ли подозревал в то время, что очень скоро события сложатся таким образом, что Дубчек и прочие руководители ЧССР действительно будут «украдены» советскими спецслужбами и доставлены в СССР сразу после вторжения войск ОВД в ночь на 21 августа 1968 года.

В своем выступлении Дубчек полностью отверг все обвинения союзников в «отходе от социализма» и в «контрреволюции», предельно жестко осудив Варшавское письмо как вмешательство во внутренние дела ЧССР. Шелест вспоминал, что «выступление Дубчека было очень острым, носило наступательный характер и произвело на нас, членов советской делегации, удручающее впечатление»¹⁸⁴. Впрочем, последующие выступления прomosковских оппонентов Дубчека в лице Биляка, Кольдера и Барбирека, говоривших о разгуле неподконтрольных СМИ и о напаках на тех, кто поддержал позицию Варшавской «пятерки», несколько улучшили настроение советского руководства. Член Президиума ЦК КПЧ Кольдер, третируемый как «реакционер» в весенне-пражской прессе, пожаловавшись на постоянные угрозы в свой адрес, заявил, что «я лично нахожусь в таком положении, что буду просить убежища у Вас, тов. Шелест»¹⁸⁵.

Советская сторона перешла в идеологическое контрнаступление речью главы Советской Украины Шелеста. В весьма эмоциональной форме Шелест озвучил все традиционные обвинения союзников по ОВД в адрес пражских реформаторов, присовокупив сюда как подтверждение проявлений «контрреволюции» — свою личную обиду по поводу появившихся в некоторых чешских публикациях сомне-

ний в легитимности перехода Закарпатья, бывшего в составе Чехословакии в межвоенный период, в состав СССР в 1944–1945 годах. По воспоминаниям Шелеста, в ходе «примирительного» ужина за пивом в вагоне-ресторане чехословацкой делегации на второй день переговоров к нему за столик «подсел И. Смирковский, уже будучи в хорошем подпитии... Он по-дружески хлопнул меня по плечу и сказал: «Тов. Шелест, а ты правильно выступил, может быть, кое-что обострил, но правильно. У нас нет руководителя. Дубчек — это не руководитель, это дерьмо. Нам надо другого руководителя, сильного, волевого»¹⁸⁶. Шелест воспринял откровения Смирковского, являвшегося тогда председателем Национального собрания ЧССР, как «проявление борьбы за власть в чехословацком руководстве»¹⁸⁷. Любопытно, что и в ходе поездки чехословацкой парламентской делегации в СССР в июне 1968 г. ее глава Смирковский в разговорах с советским руководством в узком кругу сетовал на отсутствие настоящих полноценных лидеров в ЧССР. Некоторые воспринимали это как завуалированное предложение Смирковским своей кандидатуры Москве в качестве главы чехословацкой компартии вместо Дубчека.

В результате длительных и напряженных дискуссий в узком составе были достигнуты принципиальные договоренности о восстановлении в ближайшее время контроля КПЧ над чехословацкими СМИ, о прекращении публикаций «антисоциалистических» материалов, об отстранении от должностей нескольких неприемлемых для Кремля фигур в руководстве ЧССР, а также о роспуске «незаконных» политических клубов и партий. Кроме того, был четко определен примерный график реализации достигнутых договоренностей, которые, впрочем, не были зафиксированы и опубликованы, явля-

¹⁸³ Шелест П. Указ. соч. С. 374.

¹⁸⁴ Там же. С. 378.

¹⁸⁵ Там же. С. 387.

¹⁸⁶ Там же. С. 396.

¹⁸⁷ Там же.

ясь своего рода «джентльменским соглашением» между Брежневым и Дубчеком. Итоги переговоров в Чиерне-над-Тисой и соблюдение достигнутых там договоренностей стали главным критерием оценки действий руководства ЧССР Москвой. Именно к этим договоренностям и к их несоблюдению чехословацкой стороной постоянно апеллировал Брежнев в ходе телефонных разговоров с Дубчеком накануне вторжения 21 августа.

Комментируя итоги переговоров в Чиерне-над-Тисой, чехословацкая пресса традиционно сожалела по поводу недостатка информации и выражала осторожный оптимизм. «Переговорам в Чиерне-над-Тисой предшествовала кризисная ситуация в отношениях между подписантами Варшавского письма и Чехословакией, — писал политический еженедельник «Репортер». — Кажется, что острые углы в результате встреч сглаживаются, что будет определенное успокоение. Хотим верить, что компромисс был достойный, позитивный и взаимовыгодный»¹⁸⁸. Одновременно «Репортер» счел нужным особо подчеркнуть, что «в будущем сугубо внутренние проблемы нашей страны не должны становиться предметом обсуждения на каких бы то ни было международных переговорах»¹⁸⁹.

После напряженных двусторонних советско-чехословацких переговоров в Чиерне-над-Тисой 2–3 августа 1968 г. в Братиславе состоялось совещание руководства КПЧ с лидерами социалистических стран — СССР, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии. По итогам этой скорее протокольной встречи, призванной публично засвидетельствовать нормализацию отношений ЧССР с другими странами социалистического блока, было принято заявление о том, что партии соцстран — членов ОВД при строительстве социализма и коммунизма руководствуются «общими закономерностями строитель-

ства социалистического общества». При этом по инициативе чехословацкой стороны было добавлено положение о том, что каждая «братская партия» в процессе строительства социализма «учитывает национальные особенности и условия». Вместе с тем по инициативе советской стороны в документ была также добавлена фраза о коллективной ответственности в деле защиты социализма. Пикантной деталью встречи в Братиславе была тайная передача письма советскому руководству с просьбой об оказании помощи для борьбы с «контрреволюцией» в ЧССР. Письмо, которое передал Шелесту глава компартии Словакии Биляк, было подписано группой противников пражских реформаторов, включая членов Президиума ЦК КПЧ Биляка, Индры, Кольдера, Капка и Швестки.

Итоги встречи в Братиславе пражская пресса комментировала как полезный компромисс, выгодный чехословацким реформаторам в первую очередь потому, что он предоставлял «время и пространство для решения важных внутривнутриполитических проблем, расчищая дорогу подготовке чрезвычайного съезда КПЧ»¹⁹⁰. Подобная трактовка встречи в Братиславе усиливала сомнения в столицах ОВД по поводу серьезности намерений Праги выполнять достигнутые в Чиерне-над-Тисой и в Братиславе договоренности.

Предельно откровенно по поводу переговоров в Чиерне-над-Тисой и возможных на ней договоренностях высказался серый кардинал чехословацкой весенне-пражской политики Кригель, член Президиума ЦК КПЧ и глава Национального фронта ЧССР. Накануне отъезда чехословацкой делегации в Чиерну-над-Тисой Кригель заявил, что «мы едем в Чиерну, готовые принять все условия, но их реализацию отложим до XIV съезда... На съезде наведем порядок, укрепим свои позиции в ЦК и государственных

¹⁸⁸ Hochman J. Se zátěží provizoria // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 7–14 srpna 1968. Číslo 32. S. 3.

¹⁸⁹ Ibidem.

¹⁹⁰ Ruml J. Po járu léto, po létě zas // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 14–21 srpna 1968. Číslo 32. S. 3.

органах, проведем переоценку всех существующих договоров и обязательств по отношению к социалистическим странам и укрепим наш суверенитет»¹⁹¹. Таким образом, Кригель, имевший колоссальное влияние на принятие решений и лично на Дубчека, изначально заявлял о том, что чехословацкое руководство не намерено выполнять достигнутые в Чиерне договоренности.

Впрочем, и сам Дубчек, судя по всему, с самого начала не был настроен на выполнение достигнутых договоренностей. Алгоритм его действий в отношении откровенно надоевшей ему своими нудными поучениями Москвы лучше всего характеризует собственное признание Дубчека одному из своих ближайших друзей. По словам Дубчека, «я просто стараюсь улыбаться, в то время как Брежнев кричит на меня. Я говорю «да, да, я согласен», но когда я потом возвращаюсь домой, я ничего не делаю»¹⁹². Однако этот ценный вклад Дубчека в развитие бессмертного творческого наследия Йозефа

Швейка в сложившихся тогда условиях был чреват серьезными внешнеполитическими последствиями, прежде всего для небольшой средневропейской страны, коммунистическую партию которой возглавлял именно Дубчек.

Во время переговоров в Чиерне-над-Тисой и в Братиславе в начале августа вышел очередной номер популярного пражского политического еженедельника «Репортер», органа Союза чехословацких журналистов. На обложке журнала в образе Чехословакии была изображена томная блондинка в модном купальнике, загоравшая под выразительной надписью «Прощу не мешать!», выполненной на главных языках стран Варшавского договора — русском, польском и немецком... Венгерского и болгарского языка, что примечательно, не было. Тем самым навязчивые страны — соседи из ОВД получили выразительный ответ на свои постоянные и надоедливые домогательства от свободной чехословацкой прессы.

¹⁹¹ Латыши М. В. Указ. соч. С. 188.

¹⁹² Shawcross W. Dubcek. Revised and Updated Edition. P. 148.

USSR
GO
HOME!

Социалистическая Чехословакия, Пражская весна и карпатские русины

Важным и крайне чувствительным аспектом Пражской весны был и национальный вопрос. Помимо словаков, формально являвшихся одним из титульных народов Чехословакии, недовольство своим положением стали активно проявлять и проживавшие в северо-восточной Словакии карпатские русины, лишённые в это время самого права называться своим традиционным этнонимом. Если словаки энергично добивались повышения статуса Словакии путем трансформации Чехословакии в федеративное государство, то перед русинами стояла куда более скромная задача — они в первую очередь добивались права вернуть себе свое исконное имя и традиционное культурное наследие, которых они лишились в результате политики насильственной украинизации в 1950-е годы.

После окончания Второй мировой войны населенная карпатскими русинами бывшая чехословацкая провинция Подкарпатская Русь, в 1939–1944 гг. оккупированная Венгрией, вошла в состав СССР, превратившись в Закарпатскую область УССР с центром в Ужгороде. При этом значительная часть населенных русинами областей северо-восточной Словакии (Прешовская или Пряшевская Русь) осталась в составе чехословацкого государства. Примечательно, что во время Второй мировой войны в ходе дискуссий о политической судьбе населенных русинами

земель значительная часть карпато-русской общественности выступала против их возвращения в состав Чехословакии.

Влиятельный печатный орган карпато-русской диаспоры в США «Американский Русский Вестник» в ноябре 1943 г., комментируя утверждения эмигрантского правительства Бенеша о том, что после войны Подкарпатская Русь вновь станет частью Чехословакии, выражал недовольство подобной перспективой и сомнение в возможности ее реализации. «В бенешовских газетах пишут, что советское правительство обещало Бенешу Карпатскую Русь. Мы в этом сомневаемся, ибо в Москве хорошо знают, как жилось русскому народу под чехами. Мы не верим, что московское правительство обещало Карпатскую Русь чехам, достойным наследникам монархии Габсбургов, — писал 4 ноября 1943 г. «Американский Русский Вестник». — В России теперь окрепло русское национальное чувство. Тысячи русских воинов умирают не за величие пана Бенеша, но за свободу, а не за то, чтобы вернуть часть русского народа под чехов. Мы верим, что Россия, так как и мы, здесь в Америке, поддержит идею плебисцита в Карпатской Руси, чтобы наш народ смог сам свободно сказать, чего он хочет»¹⁹³.

При этом очень многие карпато-русские деятели в Северной Америке выступали и против вхождения Карпатской Руси в состав СССР, аргументируя это, в частности, антицерковной политикой

¹⁹³ Amerikansky Russky Vestnik. Homestead, PA. November 4, 1943. № 44.

советской власти¹⁹⁴. Ряд представителей карпато-русского движения даже озвучивали идею создания независимого карпато-русского государства, хотя в сложившихся тогда международных условиях данная перспектива была совершенно нереальной.

Вместе с тем значительная часть карпато-русской общественности в Северной Америке в ходе Второй мировой войны была настроена просоветски, выступая за вхождение Карпатской Руси в состав СССР и за «воссоединение» карпатских русинов с русским народом. В сообщении ТАСС от 21 апреля 1945 г. приводилась информация о том, что в советское посольство в США «продолжают поступать резолюции массовых митингов карпато-русинских организаций с просьбой оказать поддержку стремлениям карпато-русин воссоединиться с русским народом»¹⁹⁵. Однако украинизаторский курс Москвы в Закарпатье, проявившийся сразу после его вхождения в состав УССР, побудил просоветскую часть карпато-русской общественности пересмотреть свои взгляды и выступить с критикой политики советской украинизации карпатских русинов. Активисты карпато-русской диаспоры в Северной Америке продолжали в это время придерживаться концепции «триединого русского народа», считая карпатских русинов составной частью русской нации и занимая критическое отношение к украинскому движению.

Высокий авторитет СССР в конце войны и в первые послевоенные годы привел к тому, что весной 1945 г. многие руководители главного органа словацких русинов — Украинской Народной Рады Пряшевщины (УНРП) — активно выступали за выход русинских областей из состава Чехословакии и за их присоединение к СССР. Это вызывало крайнюю обеспокоенность чехословацкого руководства, уже лишившегося Подкар-

патской Руси¹⁹⁶. Однако поскольку советское руководство, удовлетворившись территорией Закарпатья, не проявило интереса к населенным русинами областям северо-восточной Словакии, порекомендовав активистам русинского движения в Прешовском регионе прекратить кампанию за присоединение к Советскому Союзу, лидеры словацких русинов были вынуждены отказаться от планов присоединения к СССР.

По иронии судьбы в культурно-языковой сфере русины Чехословакии первоначально оказались в значительно более выгодном положении, чем русины вошедшего в состав УССР Закарпатья. Если в УССР на территории Закарпатской области стала практически сразу проводиться жесткая украинизаторская политика, что привело к административному провозглашению местных русинов украинцами и к навязыванию украинской идентичности и украинского литературного языка, то в Словакии русины Прешовского края имели возможность сохранять свою традиционную культуру и идентичность вплоть до прихода к власти в Чехословакии коммунистов в 1948 году.

С захватом власти в Чехословакии компартией в феврале 1948 г. чехословацкое руководство постепенно начинает использовать «советский опыт» решения «русинского вопроса». В апреле 1950 г. на церковном соборе в Прешове было принято решение о ликвидации греко-католической церкви; при этом ряд греко-католических священников подвергся репрессиям, включая епископа П. Гойдича, арестованного органами чехословацкой госбезопасности в 1951 г. по обвинению в «украинском буржуазном национализме» и «антигосударственной деятельности». Гойдич был приговорен к пожизненному тюремному заключению и умер в тюрьме в словацком городе Леопольдов в 1960 году.

¹⁹⁴ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. February 25, 1943. № 8.

¹⁹⁵ Марына В. В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М.: Новый хронограф, 2003. С. 152.

¹⁹⁶ Там же. С. 151.

Русины. Крестный ход перед римско-католической церковью в Канюжках, Галиция. 1920-е

Важный нюанс, принципиальным образом отличавший роль греко-католической церкви в Восточной Галиции и в Прешовской области Словакии, состоял в том, что если в Галиции греко-католическая церковь еще с конца XIX века при митрополите Шептицком превратилась в мощное орудие украинизации галицких русинов, то на Прешовщине греко-католическое духовенство в основном поддерживало традиционную русинскую культуру, противодействуя украинизации местного населения. Этноконфессиональная ситуация в восточной Словакии осложнялась и тем, что, по данным словацких историков, из примерно 300.000 греко-католиков данного региона более половины составляли этнические словаки. Именно в словацких регионах восточной Словакии, в частности в Земплине, процесс «возвращения к православию» столкнулся с наибольшими трудностями в реализации¹⁹⁷.

С начала 1950-х годов украинизация русинов северо-восточной Словакии

резко усилилась и приобрела системный и последовательный характер. В июне 1952 г. руководство компартии Словакии приняло решение о введении украинского литературного языка во все русинские школы, хотя местное население практически не знало украинского литературного языка. С 1953 г. украинский язык, плохо знакомый прешовским русинам, стал языком преподавания в местных школах. Русинское население было в административном порядке провозглашено украинцами; сам этноним «русин» был отменен как символ «отсталости» и «реакционности».

Незадолго до начала кампании украинизации русинов Словакии русинская интеллигенция Прешовского края успела издать в 1948 г. на русском литературном языке историко-литературный сборник о Пряшевской Руси, категорично заявив в нем о местных русинах как о составной части русского народа. Издание подобного сборника в советском Закарпатье в это время было уже немислимо по идеологи-

¹⁹⁷ *Konečný S. K niektorým otázkam pravoslávizácie na Slovensku v roku 1950 // Rusíni: otázky dejín a kultúry. Prešov, 1994. S. 126–127.*

ческим причинам. «Пряшевщина — это русский уголок под Бескидами, по воле судьбы оставшийся вне пределов воссоединенных русских земель. ...Население Пряшевской Руси в процессе долголетнего отстаивания своих прав... твердо осознало себя как часть великого русского народа, которая, несмотря на сильную денационализацию в прошлом, без всякой посторонней помощи сохранила подлинно русский облик, — писал в предисловии к сборнику его редактор, известный русинский культурный деятель И. Шлепечкий. — Народный говор населения Пряшевской Руси — это старинное наречие русского языка»¹⁹⁸.

Кампания насильственной украинизации русинов северо-восточной Словакии, предпринятая властями коммунистической Чехословакии, носила особенно болезненный характер, так как среди русинов Прешовского края изначально доминировала русская культурная ориентация, сочетавшаяся с неприятием украинской идеологии. Данное обстоятельство было результатом длительного этнокультурного развития местных русинов в XIX — начале XX века, которое определялось идеями и творчеством карпато-русских будителей, в первую очередь Духновича и Добрянского, являвшихся убежденными русофилами и сторонниками ориентации на русскую культуру.

В основном негативный образ украинца, существовавший в обыденном сознании русинов Словакии, в конце Второй мировой войны был усилен трагическим опытом общения местных жителей с бойцами УПА, прорывавшимися на Запад. Одновременно резко усилились и без того широко распространенные здесь русофильские настроения, что было результатом блестящих военных побед Красной Армии. «Никогда ранее в своей истории, — полагает словацкий историк

Л. Гараксим, — русины восточной Словакии не отождествляли себя настолько сильно с русскими, как в конце Второй мировой войны и сразу после ее окончания»¹⁹⁹.

В результате кампания насильственной украинизации русинов Словакии привела к их массовой ассимиляции. Не имея возможности оставаться русинами, местные жители решали дилемму «словак или украинец» чаще в пользу титульной словацкой национальности, не желая принимать навязываемую властями украинскую идентичность. Если в 1930 г. в восточной Словакии официально насчитывалось 91079 русинов, то к 1961 г. в этом же регионе число тех, кто определял себя как украинец, упало до 35435. Резко сократилось и число школ с украинским языком обучения. Так, в 1948 г. существовало 275 начальных русинских школ с русским языком преподавания. После перевода процесса обучения на украинский язык многие родители сами стали требовать введения словацкого языка в качестве языка обучения. В итоге количество школ с украинским языком обучения упало с 245 в 1955 г. до 68 в 1966 году²⁰⁰. «В широких массах преобладало русинское национальное самосознание. Чувство принадлежности к украинскому народу отсутствовало. Многим не было ясно, почему они внезапно стали украинцами...»²⁰¹ — отмечал в своей книге, изданной накануне Пражской весны, словацкий историк русинского происхождения И. Байцура.

Несмотря на жесткие формы украинизации и массовую словакизацию русинов Прешовщины, традиционная русинская идентичность продолжала в скрытой форме сохраняться среди местного населения. Это ярко проявилось во время Пражской весны, когда восточнословацкие русины убедительно доказали свою

¹⁹⁸ Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. С. 3.

¹⁹⁹ *Haraksim L.* Rusínská identita a emancipácia na Východnom Slovensku // *Střední Evropa a Podkarpatská Rus*. 16 svazek. Praha, 1997. S. 68.

²⁰⁰ *Mağocsi P. R.* *With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest — New York: CEU Press, 2015. P. 329.

²⁰¹ *Bajcura I.* *Ukrajinská otázka v ČSSR*. Východoslovenské vydavateľstvo, 1967. S. 134.

жизнеспособность, заявив о себе именно как о русинах и добившись некоторых успехов в культурной области. Чехословацкие власти пошли на восстановление деятельности греко-католической церкви и на частичную легализацию самого этнонима «русин», который стал использоваться наряду с этнонимом «украинец».

С либерализацией общественной жизни и прессы и с отменой цензуры в русинском обществе стали оживленно обсуждаться ранее табуизированные темы насильственной украинизации русинов, запрета греко-католической церкви и репрессий против греко-католического духовенства. В русинской прессе в период Пражской весны часто подчеркивалась необходимость отказаться от «искусственной» и насильно навязанной русинам украинской ориентации и вернуться к «исконно русинским» культурным ценностям.

На съезде чехословацких журналистов в Праге 22 июня 1968 года председатель секции украинских журналистов в Прешове, отражая настроения русинской общественности, в своем выступлении заявил: «В послевоенную жизнь наш народ вступал как русинский. В 1950-е годы была административно объявлена украинская национальность и русины буквально в мгновение ока превратились в украинцев — без какой-либо подготовки, без терпеливой просветительной работы, без воспитания кадров учителей-украинцев... Результат: магическое число в 33333 украинца, хотя в тех же деревнях и сейчас проживает почти 140000 русинов... Сейчас, когда почти каждый говорит о реабилитации и демократизации, русины-украинцы задают вопрос: что же с нами сделали, кто позволил себе решать нашу судьбу без нас?»²⁰²

На волне общественного подъема в ЧССР русинские активисты на страницах прешовской газеты «Нове життя»

призывали к созданию политической, экономической и культурной автономии для проживавших в Словакии карпатских русинов. Однако идея какой-либо автономии русинов противоречила принципу централизма, которого придерживалась чехословацкая компартия, и была сразу отвергнута²⁰³.

Одним из немногих успехов русинского движения в период Пражской весны была легализация греко-католической церкви в июне 1968 года. Однако это сразу привело к конфликтам с православной церковью по поводу храмов и церковного имущества; при этом противоборствующие стороны иногда прибегали к насилию, порождая нежелательные эксцессы. В итоге вопрос о церковном имуществе решался путем плебисцитов в отдельных приходах. В течение года плебисциты прошли в 210 русинских приходах; только в 5 из них было принято решение остаться верными православию. В конце концов чехословацкие власти, «не желая исчезновения православия, признали существование 205 греко-католических и 87 православных приходов»²⁰⁴.

Вторым неожиданным последствием возрождения греко-католической церкви было то, что, вопреки ожиданиям, она стала не инструментом возрождения русинской культуры и самосознания, а эффективным средством дальнейшей словакизации русинов. Прословацкая группа среди греко-католического духовенства, поддержанная Ватиканом и влиятельной словацкой диаспорой в Северной Америке, добилась назначения на пост главы греко-католической епархии в Прешове не этнического русина, а словака монсеньора Яна Гирки. Его деятельность привела к заметному усилению словакизации церковной жизни в 75 русинских греко-католических приходах. Это нашло свое выражение в том, что «церковно-славянский язык, традиционно использовав-

²⁰² Černický I. Jak jsme se rozdělili a zase spojili // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 3–10 července 1968. Číslo 27. S. 9.

²⁰³ Magosi P. R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest — New York: CEU Press, 2015. P. 330.

²⁰⁴ Ibidem.

Русины. Семья из окрестностей Рогатина, Галиция. 1920-е

шийся в литургии, ...был постепенно вытеснен и заменен словацким языком»²⁰⁵. В качестве языка проповедей словацкий язык также постепенно вытеснил широко распространенную ранее практику использования местных русинских диалектов.

Еще одним следствием Пражской весны для карпатских русинов был заметный рост трений русинской общественности со словацкой интеллигенцией. По словам П. Р. Магочи, «словацкая пресса и некоторые организации, главным образом возрожденная Матица Словацкая, критиковали русинские политические и культурные требования и даже обвиняли русинов в сотрудничестве с Советами»²⁰⁶. Примечательно, что один из главных идейных оппонентов пражских реформаторов и один из подписантов письма к руководству СССР с просьбой защитить ЧССР от «контрреволюции» В. Биляк, занимавший в период Пражской весны пост первого секретаря компартии Словакии, был уроженцем русинского села в восточной Словакии и указывал себя в анкетах как украинца по национальности. «Чешское и словацкое общественное мнение связывало позицию Биляка с его национальным происхождением, — замечает П. Р. Магочи. — По аналогии все карпатские русины Прешовского региона Словакии подозревались в просоветских симпатиях...»²⁰⁷

Легализация этнонима «русин», возрождение греко-католической церкви в восточной Словакии, а также обсуждение спорных аспектов передачи Закарпатья в состав СССР после Второй мировой войны чешскими СМИ были болезненно восприняты руководством Советской

Украины, которое трактовало данный аспект Пражской весны как проявление антиукраинской политики пражских реформаторов. Это обстоятельство еще больше усилило позиции консервативной части советского партийно-политического руководства, выступавшего за силовое решение «чехословацкого вопроса».

Видным представителем консервативной части советской партийной элиты в это время был первый секретарь ЦК компартии Украины П. Шелест, игравший заметную роль в «чехословацкой игре» советского руководства и имевший тесные связи с первым секретарем ЦК компартии Словакии В. Биляком, украинцем по национальности. Недовольство Шелеста политикой пражских реформаторов в данном вопросе проявилось, в частности, в ходе переговоров в Чиерне-над-Тисой 29 июля — 1 августа 1968 года. В своей критической речи в адрес лидеров Пражской весны Шелест заявил: «От вас идет разгул шовинизма... Ваши «писаки» дошли до того, что в своих листовках требуют пересмотра границ, высказывают претензии на закарпатские земли»²⁰⁸.

После подавления Пражской весны карпатские русины сумели сохранить свои скромные завоевания — право использовать этноним «русин» и возрожденную греко-католическую церковь, которая, однако, так и не смогла стать надежным инструментом возрождения русинской национальной жизни. В любом случае в ходе Пражской весны были созданы важные предпосылки русинского возрождения, в полной мере развернувшегося после «бархатной революции» в Чехословакии осенью 1989 года.

²⁰⁵ Ibidem. P. 331.

²⁰⁶ Ibidem.

²⁰⁷ Ibidem. P. 332.

²⁰⁸ Шелест П. Е. Указ. соч. С. 394.

Военно-политические аспекты Пражской весны: наследники бравого солдата Швейка и Варшавский договор

Важной причиной вторжения в ЧССР являлась обеспокоенность лидеров стран — членов ОВД резко снизившейся боеспособностью Чехословацкой народной армии и брожением в среде чехословацкого военного руководства, выявленных в ходе командно-штабных учений армий Варшавского договора «Шумава» в Чехословакии в июне 1968 года. Идею проведения подобных учений предложил Брежневу сам Дубчек, дабы доказать верность Чехословакии Варшавскому договору и развеять подозрения советского руководства в том, что лидеры Пражской весны стремятся к выводу ЧССР из ОВД²⁰⁹. Однако итоги учений оказались неутешительными как для руководства ЧССР, так и для руководства стран ОВД. О разложении ряда подразделений чехословацкой армии и о «заросших травой полигонах» писал в своих мемуарах участник событий генерал-лейтенант А. М. Майоров. По его словам, на одном из крупнейших в ЧССР Либавском военном полигоне под г. Оломоуц «занятий не проводили года два-три... Асфальт зарос травой и кустарником»²¹⁰.

При посещении одного из подразделений Чехословацкой народной армии генерал-лейтенант Советской Армии А. М. Майоров вместо положенных по уставу приветствий и доклада встретил группу неряшливо одетых и изряд-

но подвыпивших чехословацких солдат, один из которых по-дружески предложил советскому генералу разделить с ним уже начатую бутылку пива «Будвар». Излишне говорить, что на генерала Майорова подобное яркое проявление боеспособности чехословацких вооруженных сил произвело поистине неизгладимое впечатление, оказав сильное влияние и на его общее восприятие происходивших в Чехословакии процессов. Культурный шок у советских офицеров нередко вызывало и внутреннее убранство казарм Чехословацкой народной армии, где вместо привычных для советского взора аскетических пропагандистских материалов и портретов классиков марксизма-ленинизма зачастую висели репродукции из развлекательных журналов с обнаженными женщинами.

Свои невеселые впечатления от уровня боевой подготовки личного состава чехословацкой армии и от отношения чехословацкого командования к выполнению своих прямых обязанностей советский генерал выразил емко и красноречиво, охарактеризовав их в своих мемуарах как «издевательство над ратным долгом и ратной службой»²¹¹.

Разнообразные проблемы политического и организационного характера, связанные с проведением учений «Шумава», проявились еще до их начала. Первый секретарь ЦК компартии Украины Ше-

²⁰⁹ Havlíček D. Jaro na krku. Můj rok 1968 s Alexandrem Dubčekem. Olomouc: Nakladatelství Burian a Tichák, 2018. S. 60.

²¹⁰ Майоров А. М. Указ. соч. С. 36.

²¹¹ Там же. С. 39.

лест, косвенно вовлеченный в подготовку учений как глава советской республики, граничившей с ЧССР, вспоминал, что было «много затруднений». В частности, чехословацкие железнодорожники были настроены «недоброжелательно к проводимым маневрам, в ряде случаев проявляется организованный саботаж... Машинисты отказываются вести паровозы и тепловозы по своей территории с нашей военной техникой и солдатами. Мы стараемся ставить своих машинистов, но их не пропускают пограничники на свою территорию»²¹². На основании доступной ему информации Шелест констатировал «явное нежелание чехословацкого руководства проводить такие маневры»²¹³.

В ходе учений армий Варшавского договора «Шумава» на территории Чехословакии в июне 1968 г. подразделения Чехословацкой народной армии действовали крайне неудачно, продемонстрировав удручающе низкий уровень боевой подготовки, а также общую неподготовленность командного состава вооруженных сил ЧССР. Офицеры армий стран _ членов ОВД, наблюдая за этим, не могли не сделать вывод о том, что «процессы демократизации» и «возрождения» в Чехословакии имели своим прямым следствием резкое падение боеспособности и в ряде случаев прямое разложение подразделений армии ЧССР. При разборе учений с участием подразделений чехословацкой армии 29 июня 1968 г. в Миловице имел место инцидент, когда в присутствии главкома Объединенных вооруженных сил ОВД маршала И. И. Якубовского и представителя Войска Польского генерала брони Ф. Сивицкого разгневанный президент ЧССР Людвик Свобода публично назвал чехословацких участников учений «швейками» за их демонстративно пассивные действия²¹⁴.

В ходе учений «Шумава» Л. Свобода, в прошлом боевой офицер и генерал с богатым военным опытом, неоднократно публично заявлял о том, что ему стыдно за провальные действия чехословацкой армии. Во время финального разбора учений «Шумава» и последующего фуршета с участием высшего военного командования ОВД и политического руководства ЧССР произошел острый словесный конфликт между президентом Чехословакии Свободой и советским генералом Майоровым, с одной стороны, и ведущими идеологами Пражской весны, членами Президиума ЦК КПЧ Ф. Кригелем и Й. Смирковским, с другой стороны. Демонстративно пацифистские речи Смирковского и Кригеля вызвали крайне негативную реакцию представителей армий Варшавского договора. Комментируя выступление Кригеля, врача-гинеколога по специальности, генерал брони Войска Польского Ф. Сивицкий сказал в частной беседе с генерал-лейтенантом Майоровым, что Кригелю следует взять в руки медицинский пинцет и заняться своими прямыми профессиональными обязанностями, а не лезть в политику²¹⁵. На реплику президента Свободы о том, что советским войскам желательно остаться в Чехословакии, дабы чехи и словаки поучились у них военному делу, Смирковский эмоционально возразил, указав, что это будет «антиконституционно». «Зато надежно»²¹⁶, — ответил президент Чехословакии.

В ходе доверительного общения с коллегами из чехословацкой армии у советских офицеров сложилось впечатление, что сторонники Варшавского договора и СССР среди командного и политсостава чехословацких вооруженных сил подвергаются систематической травле со стороны политического руководства

²¹² Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Центрполиграф, 2016. С. 329.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Майоров А. М. Указ. соч. С. 72.

²¹⁵ Там же. С. 116.

²¹⁶ Там же. С. 117.

страны и становятся жертвами хорошо организованной кадровой чистки. Более того, начальник политуправления Восточного военного округа ЧССР генерал-майор С. Кодай, критически относившийся к деятельности пражских реформаторов, сообщил своим советским собеседникам в конфиденциальной беседе в июле 1968 г., что ему приходят письма с угрозами физической расправы²¹⁷,

Во время общения с советскими офицерами 38 армии 24 июня 1968 г. командир чехословацкой авиационной дивизии в звании полковника выразил недовольство «отсутствием единства в ЦК КПЧ» и критически отозвался о ряде министров, которых он назвал «противниками дружбы» между ЧССР и СССР. Этот же чехословацкий офицер выразил мнение о целесообразности нахождения советских войск в Чехословакии еще некоторое время. Начальник городского отдела МВД г. Оломоуц Ф. Шемечка в беседе с советскими офицерами выразил озабоченность не только общим положением в стране, но и в органах безопасности, отметив, что на предстоящем съезде «правые силы» могут получить большинство и «оторвать ЧССР от социалистического лагеря»²¹⁸. Аналогичные мысли озвучил в ходе своего общения с представителями советского командования и начальник политотдела одной из чехословацких дивизий у г. Оломоуц подполковник Кршижек, проинформировавший своих собеседников, что его «как активного сторонника СССР и не согласного с рядом положений ЦК КПЧ в ближайшее время могут снять с должности начальника политотдела дивизии»²¹⁹.

Более того, в откровенном разговоре тет-а-тет с генерал-лейтенантом Майо-

ровым за рюмкой словацкой сливовицы в конце июля 1968 г. генерал Кодай, назначенный в это время командующим Восточным военным округом ЧССР, сообщил своему советскому коллеге о том, что Кригель, Цисарж и Млынарж «пытались его подкупить». По словам Кодая, ему была предложена должность начальника Главного политического управления Чехословацкой народной армии в обмен на обязательство провести масштабную чистку политорганов в войсках, контрразведке и в военной прокуратуре по их указанию²²⁰.

Информация подобного рода не была единичной и складывалась в тревожную для советской стороны картину. В итоге ход и результаты военных учений «Шумава», ставших своего рода «разведкой боем», не обещали ничего хорошего для реформистской части политического руководства Чехословакии²²¹. «Положение в различных частях ЧНА (Чехословацкая народная армия — К.Ш.) неодинаковое, процесс «демократизации» оказывает отрицательное влияние на состояние боевой готовности»²²², — подвел итог генерал-лейтенант Майоров. Проницательная пражская пресса, в свою очередь, сразу сделала вывод о том, что «учение имело в большей степени политический, а не военный характер... Войска находились в непосредственном подчинении высшего политического руководства... Судя по всему, войска имели на вооружении не только танки и самолеты, но и оборудование, которым можно прерывать теле- и радиовещание...»²²³.

Болезненную реакцию советского командования вызывали хорошо скоординированные публикации эмансипированных чехословацких СМИ, которые порой

²¹⁷ Там же. С. 140.

²¹⁸ Там же. С. 57.

²¹⁹ Там же. С. 64.

²²⁰ Там же. С. 174.

²²¹ Pauer J. Op. cit. S. 90–95.

²²² Майоров А. М. Указ. соч. С. 63.

²²³ Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 31 července — 7 srpna 1968. Číslo 31. S. 4.

демонстрировали чудеса креатива и недюжинный полет творческой фантазии, предвосхитив поведение демократической прессы СССР в разгар «перестройки». Так, в июле 1968 г., после окончания учений «Шумава», газета «Оломоуцке новины» поведала читателям о зверском нападении трех советских солдат на некую Милушку К., мирно собиравшую грибы на Либавском полигоне. По утверждению газеты, несчастная Милушка К. была избита и изнасилована советскими военнослужащими; при этом один из нападавших негодяев «был болен гонореей, второй имел вшей»²²⁴.

Данная леденящая кровь информация о свирепых и вшивых дикарях в советской военной форме, страдающих к тому же венерическими болезнями, оказалась весьма упитанной газетной уткой, а внезапно исчезнувшая «Милушка К.» — вымышленным персонажем, однако полноценного опровержения, на котором настаивало советское командование, опубликовано так и не было. Генерал-лейтенант Майоров, в силу своего консервативного мышления не сумев оценить искрометный «креатив» прогрессивных оломоуцких журналистов, воспринял происшедшее как «явную грубую фальсификацию, рассчитанную на наивного обывателя, чтобы вызвать в нем ненависть»²²⁵. Характеризуя поведение чехословацких СМИ в июле 1968 г. в отношении оставшихся на территории ЧССР подразделений Советской Армии после учений «Шумава» и приводя примеры откровенно оскорбительных публикаций, Майоров вспоминал, что «мы ощущали нарастающую антипатию, даже враждебность...»²²⁶.

Публикацией откровенно похабеньких анекдотов о Советской Армии и советских военнослужащих не брезговал и один из интеллектуальных рупоров Пражской весны — орган чехословацких

писателей газета «Литерарни листы», помещавшая подобные материалы в своем приложении. При этом шедшая в авангарде Пражской весны свободная чехословацкая пресса, гордо сеявшая идеалы демократии и гуманизма и клеймившая ретроградов и реакционеров всех мастей, зачастую позволяла себе ловко обыгрывать и эксплуатировать национальные и расовые предрассудки.

В июльском приложении к популярному органу Союза чехословацких писателей газете «Литерарни листы» был опубликован весьма примечательный материал для развлекательного чтения на досуге, переведенный с чешского языка для генерала Майорова. Сюжет публикации был незатейлив: в купе вагона сидят молодая симпатичная девица, мужчина в форме капитана Советской Армии, пожилая пышнотелая дама и Чех средних лет. Поезд вошел в туннель, в купе стало темно; «тут же раздался смачный поцелуй и звонкая пощечина... Поезд выходит из туннеля. Молодая девица думает: «и чего этот мордастый нашел в ней хорошего? Я же моложе...» Пышнотелая рассуждает как истинная моралистка-католичка: «какая высокая нравственность у нашей молодежи! Надо же так отделать этого нахала. Поделом ему.» А капитан, злой и раздраженный, говорит себе: «Проклятый чех! Сорвал поцелуй. А по морде получил я...» И далее крупно: «А что думает Чех?». ²²⁷ Редакция предлагала читателям присылать ответы на этот вопрос, обещая приз за самый удачный ответ. В следующем приложении газеты «Литерарни листы» редакция опубликовала самый удачный, с ее точки зрения, вариант ответа: «Пусть скорее погаснет свет. Я еще раз поцелую себя в руку и съезжу по толстой морде этого монгола». И далее, как вывод от редакции: вот так должен думать каждый Чех»²²⁸.

²²⁴ Майоров А. М. Указ. соч. С. 128.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же. С. 145.

²²⁷ Там же. С. 128.

²²⁸ Там же. С. 129.

Непривычный к творческим поискам и находкам свободной демократической прессы генерал Майоров, оправившись от очередного культурного шока, оценил публикацию центрального печатного органа Союза чехословацких писателей как «изошренное издевательство», беспомощно признав, что «идеологи ЦК КПЧ Кригель, Цисарж, Млынарж взялись за обработку населения всерьез, возбуждая ненависть к Советской Армии»²²⁹.

Респектабельная пражская пресса, комментируя учения «Шумава», уделяла внимание исключительно их политическим аспектам, жалуясь на недостаток информации и полностью игнорируя собственно военную составляющую. Широко распространенной была оценка учений «Шумава» как «ползучей оккупации»²³⁰. Главный вопрос, беспокоивший пражскую прессу, состоял в том, когда именно иностранные войска покинут, наконец, чехословацкую территорию. «Сколько, собственно, иностранных войск находится на чехословацкой земле? Когда их пребывание заканчивается? — интересовался пражский политический еженедельник «Репортер». — Прощальный обед с подразделениями союзников состоится либо 27, либо 28, либо 29 июня. После прощального обеда обычно наступает прощание. Отъезд...»²³¹

Еще одним колоссальным шоком для советского командования стало активное участие чехословацких военнослужащих в кампании провокаций и давления на подразделения Советской Армии на территории ЧССР. Сразу после окончания учений «Шумава» к командному пункту командарма 38-й армии генерал-лейтенанта Майорова на двух автомобилях прибыли чехословацкие солдаты-десантники из 37-й спецбригады, которые «горланили во всю мощь солдатских гло-

ток «Домой!»²³², демонстрируя большое красное полотнище с такой же надписью. Подобные «кошачьи концерты» у командного пункта 38-й армии в исполнении чехословацких солдат продолжились и в последующие дни, причем позже к провокации присоединились и вертолеты чехословацких ВВС. Столкнувшись с подобным проявлением союзнического «гостеприимства», генералы и офицеры 38-й армии были потрясены и чувствовали себя «неприятно и униженно». Командование было вынуждено отдать приказ об усилении охраны; караульным были выданы боеприпасы и отдан приказ открывать огонь в случае нападения; впрочем, при этом они должны были действовать «строго по уставу».

Однако когда командарм Майоров позвонил министру обороны ЧССР генералу Дзур, доложил ему о происшедшем и попросил принять меры, Дзур огорошил советского генерала, сообщив ему, что он не имеет права принимать какие-либо меры, так как «эти войны выполняют указание содруга Смарковского и содруга Кригеля»²³³. Таким образом, генерал-лейтенант Майоров на собственном опыте получил подтверждение информации тех чехословацких офицеров, которые сообщали ему о растущем политическом давлении реформистской части партийно-политического руководства на армию.

Разногласия между частью армейского командования и пражскими реформаторами нарастали. Так, в ходе Всearмейской партийной конференции в июле 1968 г. начальник политуправления Восточного военного округа ЧССР генерал-майор Кодай в беседе с главой правительства Черником и министром обороны Дзуром заявил, что «если в Чехии не справятся с реакцией, то против нее выступит Во-

²²⁹ Там же.

²³⁰ *Havlíček D.* Op. cit. S. 53.

²³¹ *Hanák J.* Proslýchá se, proslýchá // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 3–10 července 1968. Číslo 27. S. 7.

²³² *Майоров А. М.* Указ. соч. С. 125.

²³³ Там же. С. 126.

сточный военный округ. А если не хватит сил округа, то он будет регулировать маршруты для советских войск от чехословацко-советской границы до Праги»²³⁴.

Как депутат чехословацкого парламента генерал Кодай крайне отрицательно воспринял и опубликованный 27 июня 1968 г. манифест «Две тысячи слов», который он — вполне в духе «Варшавской пятерки» — охарактеризовал как «призыв к контрреволюции». Генерал Кодай подал официальный запрос главе правительства ЧССР Чернику о том, что тот намерен предпринять против контрреволюции, потребовав принятия мер со стороны генеральной прокуратуры против подписантов данного манифеста²³⁵. Партийное и политическое руководство ЧССР предпочло замать назревавший конфликт, а Кодай в очередной раз стал объектом критики чехословацких СМИ.

Нараставшая в Чехии кампания против присутствия в ЧССР советских подразделений, не выведенных после учений «Шумава», вызывала противодействие в Словакии. Ряд представителей словацких партийно-политических органов «высказывали одобрение нахождению советских войск на территории ЧССР»²³⁶. Более того, ряд руководителей местного уровня в Словакии в беседах с советскими офицерами даже заявляли о готовности полного государственного разрыва с Чехией в случае победы там «реакции». Так, 22 июля 1968 г. председатель райисполкома г. Жилина в Западной Словакии Перкович сообщил своим советским собеседникам, что «если в Чехии победят правые, то мы пойдем на разрыв с чехами и будем просить у вас поддержки для создания своего Словацкого социалистического государства»²³⁷. Перкович отметил, что

если «путем переговоров успех не будет достигнут, тогда будет необходима военная помощь...»²³⁸.

Заметные различия в общественно-политической обстановке в Чехии и Словакии были предметом беспокойства весенне-пражских политиков и публицистов. Еще в конце мая в ходе круглого стола по чешско-словацким отношениям один из пражских журналистов констатировал, что «в то время как нас в Чехии больше всего заботят вопросы демократизации, в Словакии на первом месте по важности стоит вопрос федерализации. Данное различие в политическом климате двух частей республики бросается в глаза и вряд ли может считаться нормальным»²³⁹.

Негативные впечатления высших военных представителей стран Варшавского договора от положения в чехословацком обществе, в армии и в военном руководстве страны влияли на лидеров стран социалистического блока, убеждая их в необходимости силовой акции. Видный представитель советского истеблишмента, глава компартии Украины Шелест отмечал в своих мемуарах, что «военные учения наших войск на территории Чехословакии были нужными и полезными. Выяснилось, что чехословацкая армия значительно потеряла боеспособность: 20–25% офицерского состава стоит на стороне «демократических реформ». Нашим войскам чинят препятствия в проведении учений...»²⁴⁰.

Крайне отрицательно лидеры стран ОВД восприняли интервью чехословацким СМИ в июле 1968 г., после учений «Шумава», секретаря ЦК КПЧ генерала Прхлика, курировавшего силовые структуры ЧССР. В своем интервью Прхлик

²³⁴ Там же. С. 150.

²³⁵ *Budín S.* Ofenzíva generála Kodaje // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 10–17 července 1968. Číslo 28. S. 3.

²³⁶ *Майоров А. М.* Указ. соч. С. 150.

²³⁷ Там же. С. 159.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 22–29 května 1968. Číslo 21. S. 5.

²⁴⁰ *Шелест П. Е.* Указ. соч. С. 340.

«сообщил точные данные о советских войсках, участвовавших в маневрах, а также критиковал односторонность Варшавского Договора, в руководстве которого были преимущественно советские офицеры. Он также говорил о необходимости пересмотра организационной структуры Варшавского договора»²⁴¹. Комментируя это выступление, подтвердившее худшие опасения руководства ОВД, газета «Красная звезда» констатировала 23 июля 1968 г., что Прхлик хочет оторвать Чехословакию от Варшавского договора²⁴².

12 августа 1968 г. на аудиенции у Брежнева и Суслова в Москве генерал-лейтенант Майоров, к мнению которого по поводу ситуации в ЧССР в Кремле внимательно прислушивались, озвучил крайне тревожный для руководства СССР сценарий возможного развития Чехословакии. По словам Майорова, «через месяц-два ЧНА [Чехословацкая народная армия — К.Ш.] будет полностью разложена. Стараниями тройки Кригеля, Млынаржа, Цисаржа... В одно прекрасное утро... под Чопом, Мукачево, Ужгородом могут быть выброшены 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии войск НАТО. А через Чехию и Словакию пойдут к ним на соединение пятый и седьмой армейские корпуса США. ...В ночь перед выброской воздушных десантов будет оформлено марионеточное правительство Чехословакии. Оно объявит о нейтралитете, о выходе из Варшавского Договора и обратится с просьбой к НАТО защитить страну от советского вторжения»²⁴³.

Эти же мысли Майоров высказал и в ходе своей конфиденциальной встречи с руководителем Польши В. Гомулкой в ночь с 12 на 13 августа 1968 г. под Варшавой; при этом Гомулка не без раздражения отметил, что он давно предупреждал Брежнева о подобной опасности²⁴⁴. Поскольку военно-политическая оптика была для Москвы и ее союзников по ОВД главной при анализе положения в ЧССР и поскольку венгерские события 1956 г. были свежи в памяти, мнение авторитетного советского генерала, прошедшего в Чехословакии около двух месяцев и лично участвовавшего в учениях «Шумава», руководство стран ОВД восприняло весьма серьезно.

Известный чешский историк П. Чорней, анализируя внешнеполитические аспекты Пражской весны, провел остроумную параллель между положением Дубчека и его окружения в 1968 г. и положением чешского короля из династии Люксембургов Вацлава IV в 1418–1419 гг., когда римская курия настоятельно требовала от короля Чехии срочно покончить с нараставшей «гуситской ересью» в стране. В противном случае Рим угрожал непослушным «чешским еретикам» крестовым походом...²⁴⁵ Впрочем, российский политолог Ф. Лукьянов полагает, что реформистское руководство Чехословакии в то время с пионерской прытью «бежало впереди паровоза» и что Брежнев в тех конкретных условиях «действовал рационально в рамках логики биполярного противостояния»²⁴⁶.

²⁴¹ Шик О. Указ. соч. С. 268.

²⁴² Там же.

²⁴³ Майоров А. М. Указ. соч. С. 192–193.

²⁴⁴ Там же. С. 209–211.

²⁴⁵ Čornej P. Op. cit. S. 14.

²⁴⁶ Лукьянов Ф. Доктрина Брежнева // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6(42). С. 14.

Накануне и после вторжения

Уже спустя несколько дней после завершения переговоров в Чиерне-над-Тисой и в Братиславе в столицах ОВД стало нарастать разочарование и раздражение невыполнением чехословацкой стороной достигнутых ранее договоренностей. Очередные обещания Дубчека вновь оказывались пустыми; реальным был сценарий, нарисованный Кригелем накануне переговоров в Чиерне-над-Тисой, который последовательно воплощался в жизнь. Как и прежде, особые претензии у лидеров стран — членов ОВД вызывало поведение чехословацкой прессы и отсутствие ранее согласованных кадровых перестановок. Обеспокоенность Москвы и союзников усилилась после знакового инцидента в Праге 8 августа, когда агрессивная толпа численностью в несколько сотен человек, выкрикивая антикоммунистические лозунги, забросала здание ЦК КПЧ булыжниками, вызвав замешательство чехословацкого партийного руководства. Происшедшее явно противоречило красивой риторике весенне-пражских политиков о консолидации чехословацкого общества, о мирном ходе процесса реформ и об укреплении авторитета КПЧ. В первой половине августа состоялся ряд встреч лидеров стран ОВД с чехословацким руководством, организованный для оказания воздействия на Прагу.

После своей встречи с Дубчеком в Карловых Варах 13 августа 1968 г. руко-

водитель ГДР Вальтер Ульбрихт в разговоре с послом СССР в ГДР с пролетарской прямотой охарактеризовал Дубчека как «хитрого буржуазного дипломата, который говорит одно, но думает и делает другое»²⁴⁷. В ходе конфиденциальной встречи с Дубчеком в г. Комарно в Южной Словакии 17 августа 1968 г., т. е. за несколько дней до вторжения, Кадар настоятельно рекомендовал своему чехословацкому собеседнику «точно выполнить договоренности, достигнутые в Чиерне-над-Тисой и в Братиславе. Избегая намеков на грядущее вторжение, Кадар повторил, что если социализм подвергается угрозе, как в 1956 г. в Венгрии, то это становится предметом озабоченности всех партий. Если их первая встреча в январе была теплой и сердечной, — отмечает британский исследователь К. Уильямс, — то встреча в августе прошла в атмосфере отчуждения и холодности»²⁴⁸.

Идеологи Пражской весны платили лидерам Польши, ГДР, Болгарии и СССР той же монетой. «Вальтер Ульбрихт и Владислав Гомулка представляли тогда собой злобных, тщеславных, выживших из ума стариков... Живкову тогда было всего 55 лет, но он отличался исключительной тупостью...»²⁴⁹ — так нелюбезно отзывался о лидерах стран ОВД секретарь ЦК КПЧ З. Млынарж после встречи глав социалистических государств в Братиславе 3 августа 1968 года. Автор чехословацкой экономической реформы и бывший узник

²⁴⁷ Williams K. Op. cit. P. 109.

²⁴⁸ Ibidem. P. 110.

²⁴⁹ Млынарж З. Указ. соч. С. 171–172.

концлагеря Маутхаузен О. Шик, занимавший летом 1968 г. пост заместителя главы правительства ЧССР, не без доли интеллектуального снобизма характеризовал советский генералитет как «самоуверенный, высокомерный и ограниченный, который преследовал только свои цели»²⁵⁰. Впрочем, только «свои цели» преследовали и лидеры Пражской весны, озабоченные демократизацией, но игнорировавшие военно-политические вопросы, составлявшие главный предмет внимания руководства стран ОВД.

Разногласия между Кремлем и пражскими реформаторами объяснялись не только расхождениями в интерпретации марксизма-ленинизма, но и явными ментальными различиями, обусловившими серьезные барьеры в межкультурной коммуникации. Это, впрочем, не помешало чехословацкому руководству попросить в мае 1968 г. у правительства СССР крупный кредит в валюте для закупок потребительских товаров на Западе, отказавшись при этом от получения данного кредита продовольствием. В подобных условиях Пражская весна вряд ли имела шансы перерасти в плодоносящее политическое лето. Вместо лета пришел «мороз, ударивший из Кремля»...

«Если советская сторона заслуживала упрек в косности, догматизме, непонимании тенденций мирового развития, — полагает М. В. Латыш, — то у чехословацких политиков доминировали две основные черты — непрофессионализм людей, случайно поднятых волной общественного движения, и непомерные амбиции. Таким случайным политикам важнее было продемонстрировать себя, сыграть на всплеске общественных эмоций. Значительно меньше заботила конечная цель — закрепить модель социализма с «человеческим лицом»²⁵¹.

Решение о вторжении давалось Москве нелегко. Уже с весны 1968 г. Бреж-

нев испытывал растущее давление союзников по ОВД, настаивавших на военном решении «чехословацкой проблемы». Наибольшее неприятие Пражская весна вызывала у лидеров ГДР и ПНР В. Ульбрихта и В. Гомулки. По мнению некоторых исследователей, важной непосредственной причиной, побудившей лидеров стран Варшавского договора к вторжению в Чехословакию, было их восприятие поведения руководства ЧССР как неоднократного и грубого нарушения неписаных правил номенклатурной этики²⁵².

Примечательно, что в ходе своих последних телефонных разговоров с Дубчеком 9 и 13 августа 1968 г., т. е. за неделю до вторжения, Брежнев эмоционально взывал к обещаниям Дубчека, укоряя «Сашу» за невыполнение и нарушение принятых им на себя обязательств в ходе переговоров в Чиерне-над-Тисой и даже за прямой обман²⁵³. Особый гнев Брежнева вызывало поведение чехословацкой прессы, продолжавшей лихую кавалерийскую атаку на консерваторов — «неосталинистов», а также кадровое бездействие Дубчека в отношении Цисаржа, Кригеля и директора чехословацкого телевидения Пеликана, на увольнении которых давно настаивала Москва; при этом повлиять на СМИ и произвести кадровые изменения Дубчек обещал советскому руководству еще с весны 1968 года, в очередной раз подтвердив эти обещания в ходе переговоров в Чиерне-над-Тисой в конце июля 1968 года.

Разговор между руководителями КПСС и КПЧ 13 августа 1968 г. продолжался около полутора часов, временами переходя на повышенные тона и приобретая крайне неприятную для обеих сторон тональность. Так, в ответ на отрицание Дубчеком обвинений Брежнева в продолжении антисоветской кампании чехословацкими СМИ Брежнев приводил конкретные названия газет и статей, со-

²⁵⁰ Шик О. Указ. соч. С. 263.

²⁵¹ Латыш М. В. Указ. соч. С. 210.

²⁵² Williams K. Op. cit. P. 110.

²⁵³ Ibidem. P. 106.

державших «антисоветские и антисоциалистические», с точки зрения советского лидера, материалы. В ответ на реплику Дубчека о том, что после встречи в Братиславе чехословацкие СМИ прекратили критику СССР, Брежнев немедленно указал на публикацию статьи «От Варшавы к Братиславе» в газете «Литерарни листы» от 8 августа, которая, по его мнению, содержала «враждебный выпад против КПСС и СССР». «Невыполнение обязательств» и «обман» были ключевыми словами в пространственных монологах Брежнева, адресуемых Дубчеку. Одновременно советский генсек постоянно взывал к необходимости «честного выполнения обязательств», что, по его словам, являлось условием сохранения «хороших отношений между нашими партиями».

Очевидно, потеряв терпение, Брежнев в конце беседы задал Дубчеку прямой вопрос о том, стоит ли он на платформе выполнения обязательств, взятых в Чирне-над-Тисой. В ответ он услышал, что «все вопросы» решит ближайший пленум ЦК компартии Чехословакии. Со своей стороны, Дубчек, реагируя на замечания Брежнева, постоянно ссылаясь на объективную невозможность выполнить все договоренности в столь короткий срок, что несколько не убедило его советского собеседника.

К середине августа 1968 г. Москва окончательно убедилась в том, что выпускник Высшей партийной школы при ЦК КПСС А. Дубчек не сможет стать «чехословацким Кадаром». На экстренной встрече глав государств ОВД 18 августа 1968 г. в Москве Брежнев с сожалением констатировал, что Дубчек перешел на «сторону правых» и что политические средства воздействия на руководство ЧССР полностью исчерпаны. Лидер ГДР Ульбрихт вновь не смог отказать себе в удовольствии в очередной раз уколоть Дубчека, заявив на этой встрече, что «идеология Дубчека — правая. Дубчек — это смесь социал-демократа и швейковщины»²⁵⁴. Оказавшись в явном цугцванге

в августе 1968 г., руководство ОВД приняло решение о том, что военное вмешательство является все же «меньшим злом». Давно готовившийся силовой сценарий решения «чехословацкого вопроса» был приведен в действие.

Вторжение армий Варшавского договора в ЧССР в ночь на 21 августа 1968 г., помимо прочего, было вызвано еще и стремлением опередить как запланированный на сентябрь 1968 года XIV съезд КПЧ, где ожидалась неприемлемая для Москвы окончательная кадровая победа реформаторов, так и крупномасштабные маневры НАТО в пограничных с Чехословакией областях ФРГ. Деятельное участие в непосредственной подготовке вторжения и в аресте партийно-политического руководства ЧССР приняли офицеры чехословацкой госбезопасности во главе с заместителем министра внутренних дел ЧССР В. Шалговичем, который имел тесные связи с советскими спецслужбами.

Насильственное подавление Пражской весны было тактическим военным успехом, но стратегическим и имиджевым провалом его инициаторов. Изначально запланированная попытка Кремля создать просоветское «революционное рабоче-крестьянское правительство» во главе с А. Индрой и В. Биляком полностью провалилась; расчеты Москвы на просоветскую группировку внутри чехословацкого руководства оказались совершенно несостоятельными. Советское руководство было вынуждено в условиях оккупации и массовых протестов начать сложные переговоры с Дубчеком и другими лидерами Пражской весны, которые из первоначально интернированных заключенных быстро превратились в партнеров по переговорам. Еще одной крупной политической неудачей вторгнувшихся в ЧССР войск Варшавского договора было то, что они не смогли воспрепятствовать созыву и проведению чрезвычайного XIV съезда КПЧ, который в условиях оккупации смог собраться в пражском рабочем рай-

254 Шелест П. Е. Указ. соч. С. 408.

оне Высочаны, поддержать партийно-политическое руководство ЧССР и осудить вторжение войск Варшавского договора. В силу ряда причин на данном съезде отсутствовали делегаты из Словакии.

Советская бронетехника и солдаты на улицах чехословацких городов вызвали взрыв эмоций и массовые протесты. Имели место эпизодические нападения на советских военнослужащих и жертвы. Так, 22 августа выстрелами из окна здания Национального музея на Вацлавской площади в центре Праги был убит командир экипажа советского танка. В ответ советские солдаты открыли огонь по окнам Национального музея. Активно действовали пользовавшиеся колоссальной популярностью подпольные радиостанции, против которых вторгнувшиеся войска ОВД были первоначально бессильны. Орган чехословацкой компартии газета «Руде право» опубликовала 27 августа 1968 г. статью известного литератора и «символа чехословацкого соцреализма» Я. Дрды, призывавшую население не давать незваным гостям «ни капли воды». Военнослужащие стран ОВД характеризовались в статье как «оккупанты» и «ночные грабители»²⁵⁵. Значительная часть населения, особенно в Праге и в других крупных городах, с энтузиазмом восприняла этот призыв. Первое время после вторжения «советские оккупанты» находились в спартанских условиях, поскольку зачастую были вынуждены питаться исключительно привозными консервами и жить в танках и в бронетранспортерах.

В своем обращении к чехословацкому народу 22 августа 1968 г. правительство Чехословакии констатировало, что «вопреки воле своего правительства, национального собрания, руководства КПЧ и своего народа, Чехословакия была оккупирована войсками пяти государств Варшавского договора. Тем самым впервые

в истории международного коммунистического движения был совершен акт агрессии против государства, руководимого коммунистической партией, со стороны союзных армий социалистических стран»²⁵⁶. Правительство Чехословакии выдвигало требование «немедленного вывода войск пяти государств Варшавского договора»²⁵⁷.

Один из ключевых деятелей Пражской весны О. Шик не без удовлетворения отмечал в своих воспоминаниях, что «народ был страшно озлоблен против русских и коллаборационистов», констатируя, что первоначально все реформаторы были «беззаботны, видя, как беспомощны оккупанты перед колоссальным сопротивлением нашего народа»²⁵⁸. Действительно, на ряде августовских фотографий 1968 г. лица сидящих на броне танков советских солдат выглядят куда более растерянными и испуганными, чем лица из окружавшей их протестующей толпы.

Растерянность в это время царилась и в советских политических верхах. «Вопрос, на кого же нам опереться в Чехословакии, так и остался нерешенным... Руководящий новый центр в Чехословакии мы так и не сумели создать и в этом первейшая вина Брежнева, — писал в своих мемуарах, критикуя Брежнева, член Политбюро ЦК КПСС Шелест. — Наступило почти катастрофическое положение. Наши войска в Чехословакии, а порядки там правых, антисоциалистических, антисоветских элементов. ЦК, правительство, Национальное собрание выступают против нас»²⁵⁹. По словам крайне разочарованного сложившейся ситуацией Шелеста, «мы намеревались сформировать новое правительство Чехословацкой республики, которое утвердил бы президент Свобода. Но предполагаемые «руководители» испугались, труслили, побоялись ответственности... Индра заболел — у не-

²⁵⁵ Rudé právo. 27 srpna 1968. Mimořádné nečíslované vydání.

²⁵⁶ Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 18–25 září 1968. Číslo 36. S. II.

²⁵⁷ Ibidem.

²⁵⁸ Шик О. Указ. соч. С. 298.

²⁵⁹ Шелест П. Е. Указ. соч. С. 413.

го нервное расстройство, а на него делалась ставка как на первое лицо. Остальные «здоровые» силы просто растерялись. И все это было еще одним подтверждением тому, что мы глубоко, серьезно и со знанием дела не работали над вопросом сплочения здоровых сил»²⁶⁰.

Своеобразие ситуации в Чехословакии, сложившейся непосредственно после вторжения войск ОВД, состояло в том, что «целью вторжения было отстранение Дубчека и прекращение процесса реформ. Однако даже шесть месяцев спустя Дубчек все еще занимал свой пост, а чехи и словаки все еще имели больше личных свобод, чем все остальные народы Восточной Европы»²⁶¹.

Те, кто шел на контакт с советскими военнослужащими, подвергались жесткой обструкции соотечественников и даже физическому насилию. Так, например, 7 сентября пражская полиция на Вацлавской площади в центре Праги задержала гражданина ЧССР только за то, что он «вступил в разговор с советскими солдатами», и обзывала его «коллорационистом». 3 сентября «ряд девушек, разговаривавших с советскими танкистами, хулиганскими элементами были острижены»²⁶². Генеральный прокурор ЧССР по телефону 4 сентября отдал распоряжение прокурорам на местах «дела о бесчинствах граждан ЧССР по отношению к советским войскам разбирать формально, для отвода глаз, затем их прекращать, а задержанных выпускать»²⁶³. Героическая борьба населения с «оккупантами из ОВД» имела самые разные формы, приобретая даже гастрономический оттенок. Один из чешских ресторанов под названием «Под пятью оккупантами» в своем меню радовал посетителей такими экзотическими блюдами как «кровавый борщ»,

«ус Ульбрихта в нацистском соусе», «Брежнев в собственном поту» и «Гомулка в виде дикого кабана»²⁶⁴.

На переговорах чехословацкого руководства с руководством СССР в Москве 23–26 августа 1968 г., которые проходили крайне тяжело и драматично, был, в конце концов, подписан протокол, ставший результатом очень непростых взаимных компромиссов. Главными и самыми активными сторонниками подписания протокола были президент Свобода и Гусак, оказавшие сильное давление на других членов чехословацкой делегации. В ходе переговоров в Москве поведение Гусака обратило на себя благосклонное внимание Кремля, который впоследствии в условиях острого кадрового голода в Чехословакии стал делать на него главную ставку.

В коммюнике по итогам переговоров бодро констатировалось, что они прошли в атмосфере «открытой товарищеской дискуссии»²⁶⁵. Примечательно, что участники переговоров «выразили твердую совместную уверенность в том, что в современной ситуации главной задачей является осуществление общих решений, принятых в Чиерне-над-Тисой, и исходящих из принципов, сформулированных на совещании в Братиславе»²⁶⁶. Тем самым чехословацкая сторона косвенно признавала невыполнение договоренностей, достигнутых в Чиерне-над-Тисой и в Братиславе. Явной уступкой со стороны руководства СССР стала фраза о том, что «советская сторона выразила свое понимание и поддержку руководству КПЧ и ЧССР, настроенному исходить из решений январского и майского пленумов ЦК КПЧ» и что «союзные войска, временно вступившие на территорию Чехословакии, не будут вмешиваться во внутренние

²⁶⁰ Там же. С. 417.

²⁶¹ *Shawcross W. Dubcek. Revised and Updated Edition. P. 164.*

²⁶² *Латыши М. В. Указ. соч. С. 296.*

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же. С. 334.

²⁶⁵ *Rudé právo. 10 zǎří 1968.*

²⁶⁶ *Ibidem.*

дела ЧССР»²⁶⁷. Здесь же констатировалось, что «были достигнуты договоренности об условиях вывода данных войск с территории ЧССР в зависимости от нормализации ситуации в ЧССР»²⁶⁸. Слишком расплывчатая формулировка данного пункта была явно выгодна руководителям СССР, позволяя максимально затягивать продекларированный вывод войск.

В свою очередь, чехословацкая делегация была вынуждена признать недействительным XIV чрезвычайный съезд КПЧ, успевший осудить оккупацию, а также согласиться со снятием с повестки дня Совета безопасности ООН вопроса об агрессии СССР против Чехословакии. Только один участник чехословацкой делегации — уроженец Восточной Галиции и член Президиума ЦК КПЧ Ф. Кригель, занимавший пост председателя Национального фронта, отказался подписывать протокол. Брежнев, не хотевший отпустить Кригеля назад в Чехословакию, вынужден был пойти на это только после настойчивых просьб президента Свободы и Дубчека. Впоследствии чешский философ К. Косик провел любопытную историческую параллель, сравнив отказ Кригеля подписать московский протокол с героическим поведением Яна Гуса на суде в Констанце в 1415 году²⁶⁹.

Политический противник Кригеля Шелест в своих мемуарах сумел отдать должное его мужеству, одновременно раскритиковав намерение Брежнева не позволить Кригелю вернуться в Чехословакию. «Если смотреть объективно на поведение Кригеля, — писал Шелест, — то оно вызывало уважение — это был мужественный поступок. Нет никаких оснований задерживать в нашей стране гражданина ЧССР, ...это было бы и проявлением нашей трусости перед одним человеком, который высказал свое несогласие с нами»²⁷⁰.

²⁶⁷ Ibidem.

²⁶⁸ Ibidem.

²⁶⁹ *Fíla I. Muž, který stál v cestě*. Praha: Knížní klub, 2018. S. 5.

²⁷⁰ *Шелест П. Е.* Указ. соч. С. 419.

²⁷¹ Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 18–25 září 1968. Číslo 36. S. II.

Первоначально пражские реформаторы всерьез верили в возможность продолжения Пражской весны и после подписания московского протокола, хотя и в более ограниченном формате. «Московские переговоры являются политическими реалиями и их выполнение, как мы надеемся, даст возможность продолжить послеянварское развитие, хотя и в более медленном темпе»²⁷¹, — делился своими надеждами в конце сентября 1968 г. пражский политический еженедельник «Репортер».

Однако советское руководство, опираясь на присутствовавшие в ЧССР войска Варшавского Договора, в ручном режиме жестко, системно и последовательно проводило политику выдавливания из политического руководства и средств массовой информации нежелательных элементов, заменяя их приемлемыми для себя кадрами. Данный процесс достиг своего логического завершения в апреле 1969 г., когда на очередном пленуме ЦК КПЧ Г. Гусак сменил А. Дубчека на посту главы компартии Чехословакии. Еще ранее своих постов постепенно лишились другие знаковые фигуры, олицетворявшие Пражскую весну.

Советскому руководству постепенно удалось реализовать тактику одного из героев советской кинокомедии «Кавказская пленница», который говорил: «Кто нам мешает, тот нам поможет». Обложенные со всех сторон «красными флажками», лидеры Пражской весны во главе с Дубчеком, лишённые пространства для маневра, были вынуждены идти на постоянные и все новые уступки Москве, каждый раз ошибочно надеясь, что очередная уступка будет последней. Это позволяло Кремлю постепенно реализовывать свои цели, одновременно дискредитируя реформистское руководство, которое пока что оставалось у власти. Подобная «тактика

салями» означала пошаговое сворачивание Пражской весны, оказавшись в итоге успешной для Москвы²⁷².

После вывода большей части войск ОВД, вторгшихся в ЧССР в августе 1968 г., на территории Чехословакии осталась часть подразделений Советской Армии, из которых была сформирована Центральная группа войск (ЦГВ). Наряду с Группой советских войск в Германии (ГСВГ), Северной группой войск в Польше (СГВ) и Южной группой войск в Венгрии (ЮГВ), ЦГВ стала составной частью советского военного присутствия в Центральной Европе вплоть до «бархатной революции» в Чехословакии в 1989 году. В октябре 1968 г. был подписан принципиально важный для Москвы договор о размещении советских войск в ЧССР, легитимизировавший статус-кво, причем главными политическими фигурами, обеспечившими его прохождение в парламенте, были ключевые деятели Пражской весны Черник и Сморковский.

В средства массовой информации ЧССР постепенно возвращалась цензура. В конце 1968 года чехословацкая пресса для осуждения вторжения уже была вынуждена прибегать к намекам и эзопову языку. Так, октябрьский номер словацкого культурного журнала «Млада творба» пространно рассуждал о средневековых крестовых походах и психологии их коварных организаторов, «злых и недоверчивых старцев, которые с подозрением относились к любым неподконтрольным мыслям и, боясь потерять власть, апеллировали к ненависти...»²⁷³.

Резкое изменение политической обстановки, постепенное установление контроля над СМИ, массовые кадровые чистки в органах власти, средствах массовой информации и учебных заведениях, а также получившая широкое распространение эмиграция противников оккупации актуализировали соглашательские и приспособленческие инстинкты части насе-

ления страны. Советский ученый-славист, работавший советником в посольстве СССР в Праге в конце 1960-х — начале 1970-х годов, на одной из научных конференций поделился с профессором МГУ Л. П. Лаптевой информацией о том, что советское посольство в это время получало огромное количество политических доносов от граждан Чехословакии друг на друга. Многие пытались использовать изменившуюся политическую ситуацию в своих интересах, в том числе и для сведения личных счетов. По словам хорошо информированного собеседника профессора Лаптевой, число доносов было настолько велико, что их не успевали прочитывать и часто просто сжигали.

Были и примеры отчаянных протестов против оккупации. Колоссальный резонанс в Чехословакии и за ее пределами имел акт самосожжения пражского студента Яна Палаха 16 января 1969 года на Вацлавской площади в самом центре Праги. Это стало наиболее ярким символом протеста сторонников Пражской весны против положения, сложившегося в ЧССР после 21 августа 1968 года. В похоронах Палаха, скончавшегося от ожогов, приняли участие сотни тысяч чехов. Успев к тому времени несколько разочароваться в Дубчеке, «население отчаянно нуждалось в другом кумире, который бы символизировал их отчаяние и надежды»²⁷⁴.

Победа хоккейной сборной Чехословакии над сборной СССР со счетом 4:3 во время чемпионата мира по хоккею 28 марта 1969 г. в Стокгольме вызвала огромный резонанс среди населения, воспринявшего ее как долгожданный реванш над оккупантами, хотя и в спортивной форме. Бурное празднование «хоккейного реванша» быстро переросло в массовые беспорядки и насилия в центре Праги. Так, в ходе беспорядков был жестоко избит темнокожий студент из Африки под неполиткорректные выкрики толпы

²⁷² *Shawcross W.* Dubcek. Revised and Updated Edition. P. 166.

²⁷³ *Mladá tvorba.* 1968. Číslo 10. S. 2.

²⁷⁴ *Shawcross W.* Op. cit. P. 172.

Первая годовщина Пражской весны в Чехословакии. Жиль Карон. 21 августа 1969

«убирайся к себе домой, черный коммунистический ублюдок»²⁷⁵. Агрессивная толпа разбила окна и полностью разгромила офис советского «Аэрофлота» в нижней части Вацлавской площади; при этом мебель и оргтехника были выброшены на улицу и преданы огню. Находившаяся неподалеку пражская полиция предпочла не вмешиваться²⁷⁶.

Беспорядки в конце марта были использованы советской стороной для снятия Дубчека под предлогом его неспособности «нормализовать ситуацию». 1 апреля президенту Свободе было передано письмо Брежнева с требованием снятия Дубчека; в качестве временного решения Брежнев даже предлагал поставить у власти военное правительство, которое бы возглавил сам президент. Свобода предпочел отклонить данное предложение. Непосредственные организационные последствия «хоккейного реванша» проявились на пленуме ЦК КПЧ 17 апреля 1969 года, когда Г. Гусак сменил

А. Дубчека по посту первого секретаря ЦК компартии Чехословакии.

Помимо дискредитации самой идеи «социализма с человеческим лицом», вооруженная интервенция усилила легитимность диссидентского движения в ЧССР, обеспечив его более широкой социальной базой, укрепила диссидентский «интернационал» всех социалистических стран, включая СССР, и дала основания для превращения «доктрины Брежнева» в долгоиграющее пугало международной политики. Примечательно, что первое организованное «явление советских диссидентов народу» имело место в конце августа 1968 г. в Москве на Красной площади, являясь выражением протеста против советского вторжения в ЧССР.

С осуждением интервенции войск ОВД в Чехословакию выступил и ряд знаковых фигур советской творческой интеллигенции, включая поэта Е. Евтушенко, писателя В. Аксенова и актера О. Табакова. Более того, Евтушенко и Та-

²⁷⁵ Ibidem. P. 177–178.

²⁷⁶ Ibidem. P. 178.

баков выразили свое несогласие с политикой СССР в посланиях непосредственно на имя Брежнева. Широкую известность среди либеральной интеллигенции в СССР и ЧССР приобрели поэтические строки Евтушенко, навеянные вторжением войск ОВД в Чехословакию в августе 1968 года:

*Танки идут по Праге
В закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
Которая не газета*

*Танки идут по соблазнам
Жить не во власти штампов.
Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков...*

Евтушенко, таким образом, оказался одним из первых, кто положил начало творческой эксплуатации образа танка как символа подавления Пражской весны. Впрочем, вместо ожидавшейся суровой опалы Евтушенко и Табаков в результате причудливых номенклатурных раскладов в декабре 1968 года были награждены советским репрессивным режимом престижным орденом «Знак Почета»...

Несогласие с чехословацкой политикой советского руководства давало о себе знать не только в Москве. Так, Шелест в своих мемуарах с тревогой отмечал, что «в Киеве и некоторых других городах республики появились листовки и надписи в общественных местах против КПСС, Брежнева — за свободу слова, поддержку чехословацких событий и осуждение нашего военного вмешательства в чехословацкие дела. ...Отдельные члены партии, беспартийные, даже в учебных заведени-

ях высказывают свое несогласие с нашими акциями по Чехословакии»²⁷⁷.

С момента подавления Пражской весны советский танк превратился в расхожий символ СССР, в яркий и щекочущий нервы бренд, активно используемый в политике и в рекламной коммуникации. Впоследствии, уже после «бархатной революции» 1989 г. и распада Чехословакии в 1993 г., этот всячески раскручиваемый и поддерживаемый бренд энергично и весьма креативно использовался политтехнологами для решения текущих политических задач — вначале для мобилизации чешского общественного мнения за вступление Чехии в НАТО, затем за размещение в Чехии американского радара ПРО.

Что же касается Пражской весны и ее подавления, то в одном из своих последних интервью «профессор Бжезинский подчеркивал, что еще в 1968 году увидел в пражских событиях «начало конца коммунистической системы, так как на поверхность вышли ее ужасающие внутренние противоречия». Советский Союз постепенно окружил кольцом кризисов, одним из первых звеньев в котором оказалась Чехословакия»²⁷⁸.

Пражская весна и ее итоги были, подобно другим «магическим восьмеркам» чешской истории, в значительной степени запрограммированным явлением. Феномен Пражской весны и ее исход вытекали из специфики исторического развития вовлеченных сторон, из различного исторического и социального опыта, из существенной разницы в менталитетах элит, а также из конкретных внутривнутриполитических и внешнеполитических условий, сложившихся в то время.

²⁷⁷ Шелест П. Е. Указ. соч. С. 420.

²⁷⁸ Тростин Е. Пражское лето пана Бжезинского // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6(42). С. 17.

Послесловие

Установившийся в Чехословакии после подавления Пражской весны режим «нормализации» во главе с Г. Гусаком и его последователями небезуспешно проводил политику «кнута» по отношению к диссидентам и политику «пряника» по отношению к населению; при этом гусаковская ЧССР в 1970–1980-е годы по уровню и качеству жизни населения уверенно вошла в число самых благополучных стран социалистического блока. В период чехословацкой «нормализации» Пражская весна официально трактовалась властями как проявление глубокого общественного и внутрипартийного кризиса, «который в 1968 году перерос в контрреволюцию... За улыбчивым лицом Пражской весны скрывались смертельные объятия контрреволюции»²⁷⁹.

Режим «нормализации» в ЧССР уверенно продержался до осени 1989 г., когда по иронии судьбы пал в огромной степени в результате позиции перестроечного руководства СССР во главе с однокурсником Млынаржа по МГУ Горбачевым, лишний раз продемонстрировав зависимость чехословацкой политики от внешнего фактора. В отличие от 1968 г., в 1989 г. из горбачевского Кремля в направлении Пражского Града исходил уже не мороз, а нечто прямо противоположное. По ироничному выражению писателя Ю. Полякова, в это время некогда

грозный КГБ «из цепного пса целостности превратился в клуб улыбчивых вуайеристов»²⁸⁰, которые в нужное время прекрасно поладили с не менее улыбчивыми пражскими диссидентами.

Теплые волны «нового политического мышления», питавшиеся в том числе и творческим наследием Пражской весны, вскоре захлестнули и СССР, и ЧССР, аукнувшись там «бархатной революцией» 1989 г. с ее всепобеждающе-наивным лозунгом «правды и любви», триумфально повергающих «ложь и ненависть». Под этим сказочным лозунгом пражские диссиденты очень быстро сменили прокуренные диссидентские каварны и пивные на уютные кресла депутатов парламента, кабинеты министров и даже на кресло президента. Идеи Пражской весны, впрочем, после 1989 г. оказались невостребованными в новых политических условиях, а ее герои стали восприниматься в чешском обществе как старомодные и чудаковатые романтики, бездарно упустившие возможность реформирования существовавшей системы²⁸¹.

Спустя десятилетие после «бархатной революции» романтический нимб вокруг нее изрядно потускнел, а красивые лозунги «бархатных» революционеров, в том числе прославленный императив «не лгать и не красть!», постепенно начали становиться предметом шуток и острот.

²⁷⁹ Bil'ak V. Pravda zostala pravdou. Prejavy a články. Oktobér 1967 — december 1970. Bratislava: Nakladateľ'stvo Pravda, 1974. S. 7.

²⁸⁰ Литературная газета. 2018. 9–15 мая. № 18. С. 4.

²⁸¹ Uhde M. Rok 1968, jak se jevil z Brna // Pražské jaro 1968. Literatura — Film — Média. Praha: Literární akademie, 2009. S. 47.

Со временем отношение части среднего и старшего поколения чехов и словаков к периоду собственной «тоталитарности» стало напоминать отношение среднего и старшего поколения постсоветских граждан к периоду брежневского «застоя».

Советский Союз, до основания размытый бурными волнами «перестройки», распался в декабре 1991 г., не дотянув до своего 70-летнего юбилея ровно один год; при этом на полузабытом ныне референдуме о судьбе СССР 17 марта 1991 г. 76 %, т. е. подавляющее большинство его участников, высказалось за сохранение единого государства. Чехословакия, безуспешно попытавшись сохранить государственное единство чехов и словаков в виде федеративной ЧСФР, окончательно распалась в январе 1993 г., дав жизнь двум независимым государствам — Чехии и Словакии, которые, вновь по иронии судьбы, смогли достичь определенного уровня взаимной интеграции только в формате Евросоюза в качестве его полноправных членов. Как и в случае с СССР, распад Чехословакии произошел вопреки мнению большинства чехов и словаков, выступавших за сохранение единого государства, что отразилось в данных опросов общественного мнения. Ностальгия по «старым добрым временам», когда «Прага была нашей общей столицей», и сейчас нередко дает о себе знать среди населения Восточной Словакии.

В это же время набирал силу распад Югославии, который приобрел наиболее затяжные, трагические и кровавые формы. Человеколюбивые вожди «бархатной

революции» в ЧССР весьма креативно и неординарно продемонстрировали в это время свой лучезарный гуманизм, дружно поддерживав натовские бомбардировки Югославии и заняв крайне избирательную позицию в отношении кровавых этнических чисток на Балканах в 1990-е годы. Видимо, утомленные «невыносимой легкостью бытия» «бархатные» революционеры и революционерки всерьез полагали, что возжеланные «правду и любовь» на Балканы могут принести исключительно североатлантические бомбы и ракеты с урановой начинкой. Начавшийся в 1990-е годы рукотворный демонтаж Потсдамской системы, проходивший не без квалифицированной и своевременной помощи заботливых западных политических менеджеров, привел к стремительному распаду многонациональных славянских государств — СССР, Чехословакии и Югославии, до неузнаваемости изменив политическую карту Европы и сделав ее более мозаичной, конфликтной и управляемой.

Славянам «легче ненависть, нежели любовь»; славяне «скорее разлучаются, нежели сходятся», «славянский мир от своих злосчастных разделений и раздоров представляет теперь... одни развалины»²⁸², — самокритично писал земляк и односельчанин Дубчека, знаменитый словацкий мыслитель и политический деятель Людовит Штур в своей известной работе «Славянство и мир будущего» в середине XIX века. Неутешительный диагноз, поставленный Штуром более полутора столетия назад, судя по всему, продолжает сохранять свою актуальность.

²⁸² Штур Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. М.: В Университетской типографии, 1867. С. 3.

Кирилл Шевченко

От импровизации к цугцвангу: Пражская весна 1968 года и Варшавский договор

Рецензенты:

А. Ю. Полунов

*доктор исторических наук, профессор; факультет государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)*

О. Р. Айрапетов

*кандидат исторических наук, доцент; факультет государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)*

Александр Рандин

*доктор философии, доцент;
Университет Святых Кирилла и Мефодия (Нитра, Словакия)*

Зоран Милошевич

*доктор социологии, профессор;
Институт политических исследований (Белград, Сербия)*

Подписано в печать 26.02.2019. Формат 70x108 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Альдин 401». Печать офсетная
Усл. печ. л. 8,4. Тираж 500 экз. Заказ № NNNN

Информационное агентство REGNUM
119072, г. Москва, Берсенеvский пер., д. 2, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А

